

Илл. 1. Маршруты Великого шёлкового пути на территории Кыргызстана.

Цифрами на карте обозначены: 1. городище Барскоосое-2; 2. городище Тосор; 3. городище Хан-Добо; 4. городище Сары-Булуң; 5. городище Бурана; 6. городище Ак-Бешим; 7. городище Садар-Курган; 9. городище Ак-Тобе Таласское; 10. гумбез Манаса и Кенкольский мотильник; 11. городище Кочкорское; 12. городище Кошой-Коргон; 13. Таш-Рабат; 14. городище Ширдакбек; 15. караван-сарай Манакельды; 16. городища Шуратабат и Утең; 17. городища древнего и средневекового Оша; 18. комплекс Сафид-Булан и мавзольей Шах-Фазиль; 19. петроглифы и эпитафка ущелья Кулан-Сай и Терек-Сай; 20. петроглифы и эпитафка ущелья Кулан-Сай и Терек-Сай; 20. петроглифы и эпитафка долины

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

ЦЕНТР КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Б. Э. Аманбаева, В. А. Кольченко, А. Т. Сулайманова

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
НА КЫРГЫЗСТАНСКОМ УЧАСТКЕ
ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ**

БИШКЕК – 2015

УДК 902/904
ББК 63.4
А 61

Ответственный редактор – доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент НАН КР Д. Д. Джунушалиев
Редактор – С. М. Скрипкина

Аманбаева Б. Э. и др.
А 61 **Археологические памятники на кыргызстанском участке Великого шелкового пути**/ Б. Э. Аманбаева, В. А. Кольченко, А. Т. Сулайманова. – Бишкек, «Гулчынар», 2015. – 116 с.: илл.

ISBN 978-99667-12-464-6

Коллективная монография рассказывает на основании археологических материалов с привлечением данных письменных источников о наиболее значимых древних и средневековых памятниках истории и культуры, расположенных на трассах Великого шелкового пути на территории нашей страны. В приложении публикуется работа бишкекского нумизмата В.Г. Кошевара о денежном обращении на территории Кыргызстана в период функционирования ВШП.

Адресуется археологам, историкам и широкому кругу читателей, интересующихся прошлым Кыргызстана.

*Издание осуществлено при поддержке
Ассоциации выпускников JICA в Кыргызской Республике*

ISBN 978-99667-12-464-6

© Институт истории и культурного наследия НАН КР,
2015
© Б.Э. Аманбаева, В.А. Кольченко, А.Т. Сулайманова,
2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как известно, Великий шёлковый путь – это система караванных дорог, в древности и средневековье, пересекавших Евразию от Китая до Средиземноморья и Японии. Его общая протяжённость составляла свыше 7000 км. Сам термин «Шёлковый путь» предложил в 1877 г. немецкий учёный Ф. Рихтгофен.

Как единая дипломатическая и торговая артерия Великий шёлковый путь начинает функционировать со II в. до н.э. Начало этому положил китайский дипломат Чжан Цзянь, посланный императором У-ди в страны Запада.

Впоследствии из Рима, Византии, Индии, Ирана, Арабского халифата и Средней Азии везли ладан, мирру, кардамон, янтарь, кораллы, арабских и даваньских скакунов, других диковинных животных, предметы роскоши, подчеркивающих высокий статус человека, обладавшего ими, а так же товары, которые стали входить в повседневную жизнь. По Великому шелковому пути распространялись культурные растения: виноград, персики, дыни, фрукты. Однако главным предметом торговли оставался шелк. Наряду с золотом он был международной валютой, им одаривали царей и послов, выплачивали жалованье наемному войску и государственные долги.

Кыргызстан был одной из важнейших частей Великого шёлкового пути. С древних времён территорию нашей страны пересекало несколько магистральных ветвей. Благодаря международной трассе с VII в. в Таласской и Чуйской долинах, на Иссык-Куле и Тянь-Шане появляются города, строятся караван-сарай и крепости. Города стали центрами торговли, ремесла, культуры, разных религиозных конфессий.

По Великому шёлковому пути на территорию Кыргызстана проникают римское стекло, китайский шёлк, зеркала, фарфоровая и лаковая посуда, европейские фибулы-застежки и камни-печатки.

На протяжении столетий Великий шёлковый путь способствовал активному обмену материальными и духовными ценностями. С караванами по его путям шли разноязычные купцы, паломники, дипломаты, миссионеры. Об этом свидетельствуют найденные на территории Кыргызстана эпиграфические памятники, выполненные на тюркском, согдийском, арабском, персидском, сирийском, тибетском, китайском языках и санскрите. По нему приходили на нашу территорию проповедовать миссионеры всех мировых религий – буддизма, христианства, ислама.

По Великому шёлковому пути распространялись не только изделия, но и мода, художественные стили, создавая определенную этнокультурную среду. Проходило взаимодействие и обогащение культур.

Вот обо всём этом и рассказывается в книге, открытой перед Вами. Она написана сотрудниками академического Института истории и культурного наследия, непосредственно изучавших на раскопках большую часть памятников, описываемых в работе. В то же время в ней собраны и обобщены материалы предшествующих поколений исследователей и наших современников.

Уверен, что прочитавшие книгу, не будут разочарованы и захотят воочию увидеть те памятники, о которых в ней говорится.

**Доктор исторических наук, профессор,
Член-корреспондент НАН КР
Д. Д. Джунушалиев**

ВВЕДЕНИЕ

Великий шёлковый путь, являющийся уникальным историческим памятником человеческой цивилизации, вновь и вновь привлекает внимание ученых всего мира. И это не случайно, так как на протяжении восемнадцати веков он был не только связующим звеном между экономиками и культурами, входившими в зону его притяжения, но и играл роль действенного фактора развития. Маршруты Шёлкового пути, начинаясь в Китае, проходили по территории многих регионов Евразии, включая Центральную, Южную и Юго-Восточную Азию, полуостров Индостан; на востоке они доходили до бассейна Тихого океана, где расположены Корея, Япония, Индонезия, на западе выходили к Средиземноморью. Практически, в орбите влияния ВШП оказалась вся тогдашняя культурная ойкумена, включая Северную Африку. Каждый народ и каждая страна, вовлечённые в эту систему международной торговли и контактов различного рода, внесли свой посильный вклад в развитие и обмен материальными и духовными ценностями.

Поэтому, естественно, что в настоящее время, когда многие народы мира стремятся изучить «корни» своей истории и определить свою сопричастность к мировой культуре, именно феномен ВШП становится одним из самых актуальных и разрабатываемых тем комплексных научных исследований. С учетом этого явления, в 1987 г. ЮНЕСКО приняло 10-летнюю международную программу «Комплексное изучение Шёлкового пути – пути диалога». В его формате было осуществлено множество важных мероприятий, включавших научные конференции и семинары, международные экспедиции по различным ответвлениям ВШП и странам вдоль них, реставрацию археологических и архитектурных памятников, создание кинофильмов и публикацию различных изданий. В некоторых странах были созданы специальные научные структуры по исследованию Шёлкового пути, среди которых Институт Хироямы в Камакуре (Япония) и Международный институт центральноазиатских исследований в Самарканде (Узбекистан). В рамках реализации этого проекта Кыргызстан посетили две международные экспедиции (1989, 1991), ознакомившиеся с выдающимися памятниками историко-культурного наследия ряда регионов. Весной 1989 г. во Фрунзе (*совр.* Бишкек) была проведена международная конференция, посвященная истории и культуре ВШП. Разработанная по поручению Совета Министров Киргизской ССР, комплексная программа по исследованию, сохранению и использованию памятников, связанных с Шёлковым путём в Кыргызстане, к сожалению, по объективным причинам, была реализована лишь частично.

В постсоветское время к этой теме вернулись через значительный временной промежуток: в 2004–2008 гг. был инициирован проект ЮНЕСКО «Сохранение памятников Великого шёлкового пути в верховьях Чуйской долины: Невакет (Красная Речка), Суяб (Ак-Бешим), Баласагун (Бурана)» при финансировании Трастового фонда Японии. В ходе его реализации нашим ученым и специалистам была предоставлена возможность улучшения национального опыта через участие в практической консервации памятников, а также путем обучения и совместной работы с международными экспертами. Тогда же были заложены основы базового документирования – подготовлены топопланы, проведены фотофиксация и аэросъемка, собраны и проанализированы текстовые отчеты, архивные материалы

предшествующих лет. В результате чего, стало возможным последовательное решение следующих важных задач: определение охранных зон, как средства для обеспечения эффективной юридической и физической защиты объектов; подготовка номинации для включения этих памятников в Список Всемирного природного и культурного наследия ЮНЕСКО в рамках предстоящей серийной номинации по Великому шёлковому пути. Впервые идея внесения Шёлкового пути в этот престижный список была озвучена в 2002 г. в Сиане (Китай), во время встречи участников программы «Хирояма – Шёлковый путь». Затем к ней вернулись во время обсуждения результатов Периодического отчета ЮНЕСКО о Всемирном наследии 2005 г., когда страны-участницы Конвенции сформулировали необходимость подготовки такой номинации. На первом этапе в подготовительный процесс были вовлечены только Китай, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. Однако, учитывая, что маршруты ВШП проходили по значительной части Евразии и охватывали территории многих стран, то эта номинация изначально рассматривалась в качестве методологической основы для более крупного, тематического проекта в будущем, к которому могли присоединиться и другие страны, что и произошло впоследствии. В настоящее время, помимо Китая и пяти стран нашего региона, в проекте участвуют Япония, Корея, Индия, Афганистан, Иран, Непал.

В соответствии с процедурой подготовки номинаций, страна-участница готовит так называемый Тентатив лист (Предварительный список), в который включаются объекты историко-культурного наследия, достойные быть представленными в основном Списке наследия Юнеско. Предварительный список памятников Кыргызстана, связанных с ВШП, был составлен после инвентаризации, проведенной в 2006–2007 гг. с участием эксперта ИКОМОС. В целом, были осмотрены объекты историко-культурного наследия Алая, юго-восточной и частично северной Ферганы, Таласской и Чуйской долин, Прииссыккуля и Внутреннего Тянь-Шаня. Поэтому в Предварительном списке и содержатся шесть национальных серий, состоящих из наиболее значимых и интересных памятников вышеперечисленных регионов, которые и легли в основу нашей книги. По экономическим и другим объективным причинам нам не удалось обследовать объекты Кетмень-Тюбинской долины, Чаткала и Баткенской области, но это не означает, что они будут обойдены вниманием исследователей. Условия подготовки серийных номинаций позволяют обновлять Тентатив лист и расширять уже представленные номинации.

В качестве первого приоритета на включение в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, как части серийной транснациональной номинации «Великий шёлковый путь», Кыргызстаном были выдвинуты три чуйских городища – Красная Речка, Ак-Бешим, Бурана, являющиеся руинами наиболее крупных средневековых городов в верховьях Чуйской долины, оставившие ощутимый след в региональной и, следовательно, в общевразийской истории. В конце 2012 г., в формате «тянь-шаньского коридора» (совместно с Китаем и Казахстаном) было подготовлено досье номинации на эти объекты, представленное в Центр Всемирного наследия в январе 2013 г. В мае 2014 г. номинация рекомендована ИКОМОС для включения в Список Всемирного культурного и природного наследия ЮНЕСКО. Окончательное решение принято на 38-й сессии Комитета Всемирного наследия, проходившей в Дохе (Катар) с 15 по 25 июня 2014 г., в соответствии с которым, эта серийная трансграничная

номинация была занесена в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО по 4 критериям – (ii)(iii)(v)(vi), что говорит о ее выдающейся универсальной универсальной ценности сразу в нескольких аспектах. Всего в номинации представлено 33 объекта (3 от Кыргызстана, 8 от Казахстана, 22 от Китая), в которые были включены города-столицы, комплексы дворцов разных империй и государств, торговые поселения, буддийские пещерные храмы, древние пути, почтовые пункты, перевалы, башни-маяки, отрезки Великой стены, укрепления, погребения и религиозные сооружения, и другие археологические объекты, расположенные вдоль 5000-километрового отрезка древнего торгового маршрута.

После этого знаменательного события, вызвавшего в обществе всплеск интереса к ВШП, стал ощущаться откровенный дефицит научной и, особенно, научно-популярной литературы, рассчитанной на самый широкий круг читателей. Тем более что специальных изданий, посвященных тематике ВШП, у нас в стране единицы. Авторы надеются, что данное издание хоть в какой-то степени удовлетворит интересы читателей.

При подготовке данной книги Б.Э. Аманбаевой были написаны введение, главы по памятникам Таласской долины, юго-восточной и северной Ферганы; главы по памятникам юго-западного Прииссыккуля и Чуйской долины написаны В.А. Кольченко; по памятникам Внутреннего Тянь-Шаня – А.Т. Сулаймановой. Приложение о находках монет на территории Кыргызстана подготовлено В.Г. Кошеваром. В работе использованы авторские фотографии, а также наших коллег К.Ш. Табалдиева, Ч.М. Жолдошова и Д.В. Лужанского, за что приносим им свои благодарности.

ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Великий шёлковый путь в Кыргызстане представлен участками разных ответвлений (илл. 1), которые хорошо выражены и маркированы различными памятниками истории и культуры, демонстрирующими три хронологические позиции: древность, раннее и развитое средневековье (II в. до н.э. – XVI в. н.э.). Тем самым, можно с полным основанием говорить о том, что наша страна входила в зону ранних контактов, как на юге, так и на севере своей современной территории. Для древней эпохи особое значение имела Северная (Ферганская) дорога, по которой осуществлялись активные связи в раннеханьское время, в частности, с Даванью. Значительная часть территории Давани располагалась в административных границах южного Кыргызстана, занимающего предгорные районы восточной, юго-восточной, юго-западной и северо-западной Ферганы. Ферганская дорога с востока на запад пролегла из Кашгара через перевал Терек-Даван, по долине Алая, вдоль Гульчи и ее притоков, выходила к Тару, затем по Кара-Дарье – к Узгену, где обычно принято локализовать самый восточный город Давани – Ю-чен, откуда сворачивала к Ошскому оазису и затем уже уходила на запад (к городу Эрши) и север (Кангюй). Большинство исследователей считают, что именно по ней в 128 г. до н.э. и пришел в западные земли Чжан Цзянь. Это ответвление Шёлкового пути неплохо обозначено памятниками, особенно мусульманского времени, когда в арабоязычных дорожниках его описывали как транзитный коридор с двумя маршрутами: а/ через Ош – Медву (Мады) на юг в Алай и далее через Терек-Даван в Кашгар; б/ из Оша на восток, в Узген, дальше через горные перевалы в долины внутреннего Тянь-Шаня. И здесь, в районе Ат-Баши он делился еще на два ответвления: первый выходил через перевалы Таш-Рабат и Торугарт в район Кашгара, а второй – к южному побережью Иссык-Куля, откуда через перевал Бедель следовал в Аксу.

Локальные отрезки этого пути обслуживали и другие районы Ферганы, в частности, северо-восток долины. Перевалы Чанач в Чаткальском хребте и Кара-Буура в Таласском Ала-Тоо служили для стыковки с маршрутами, проходившими по северо-восточным субрегионам. Принято считать, что эти проходы были освоены еще в древности, благодаря которым и происходили интенсивные контакты ханьцев с жителями Чуйской и Таласской долин, Прииссыккуля.

Большинство специалистов сходятся во мнении, что во II–IV вв. н.э. уже действовала дорога, проходившая по южному берегу Иссык-Куля. Особенно активной она становится в раннее средневековье, когда в связи с междоусобицей, царящей в Фергане, караваны стали предпочитать этот маршрут. Весомым фактором в ее пользу было и расположение в Семиречье (Жети-Суу) ставок тюркских каганов, которые, являясь основными потребителями престижных товаров, одновременно пытались патронировать и торговлю на среднеазиатском участке ВШП. Именно с этой эпохой связано появление целого ряда средневековых городищ Чуйской и Таласской долин, Прииссыккуля, частично и Внутреннего Тянь-Шаня, в становлении и функционировании которых фактор ВШП сыграл важную роль.

В мусульманское время вся территория Кыргызстана практически пронизана множеством участков разных ответвлений этой магистрали. На севере страны по-прежнему активно действует семиреченско-южноказахстанский маршрут; в орбиту

действия Пути входит весь Внутренний Тянь-Шань; не менее интенсивно продолжает функционировать и самое раннее ферганское ответвление.

В контексте политических, военных и экономических событий начала XIII в., функционирование вышеуказанных отрезков трассы значительно сокращается. Определенное оживление наступает в связи с политической и военной деятельностью Тимура и его потомков. Традиция же использования локальных отрезков Пути местным населением продолжалась до нового времени.

Из приведенного выше краткого обзора видно, что основная часть маршрутов ВШП, проходивших по территории нашей страны в древности и средневековье, была связана с Тянь-Шаньской горной системой. Они пролегли вдоль различных хребтов (а, зачастую, и через них), входящих в Северный, Южный, Центральный, Внутренний и Западный Тянь-Шань. Поэтому приоритетными для Кыргызстана являются именно тянь-шаньские ответвления Шёлкового пути, сыгравшие значительную роль в установлении и развитии разноплановых связей между странами, народами и культурами Востока и Запада на протяжении восемнадцати веков.

Одним из этих путей в 629–630 гг., проходившем по южному побережью Иссык-Куля в Чуйскую долину и далее через Самарканд в Индию, прошел буддийский паломник Сюань-Цзянь, первым «задокументировавший» его в своих записках. Поэтому современные исследователи и называют его «дорогой Сюань-Цзяня». Традиционно считается, что этот маршрут пролегал из Аксу через перевалы Бедель, Соок, долину Ара-Бель, перевалы Сары-Мойнок, Барскоон, затем по долине реки Барскоон выходил на южный берег Иссык-Куля. Вдоль юго-западного побережья он следовал к западной оконечности озера, откуда выходил в Чуйскую долину, бывшую в средневековье одним из наиболее урбанизированных районов Северного Притяньшанья.

Одновременно отрезок пути, обслуживающий этот подрегион, являлся частью и другого, так называемого семиреченско-южноказахстанского ответвления ВШП, активно функционировавшего в VII–XIV вв. Дорога из долины Или, через перевал Кастек в Чу-Илийских горах, выходила на левый берег реки Чу, скорее всего, в районе городища Красная Речка (исторический Невакет), откуда маршруты затем уходили на восток, юго-восток и запад.

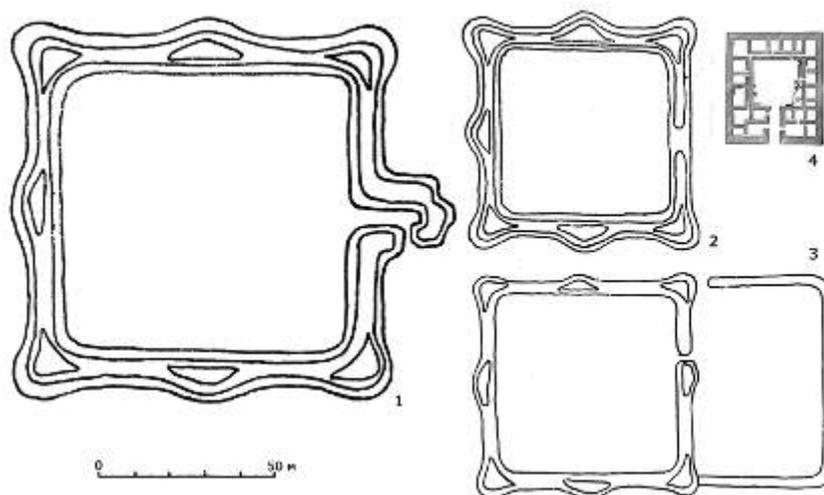

ПАМЯТНИКИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ПРИИССЫККУЛЬЯ

По Сюань-Цзяню от места выхода к озеру до его западной оконечности было три поселения: Дун, Хеле, Ечжи [Бартольд, 1996: 258]. Арабо-персидские источники XI–XII вв. в локализуемой здесь же области Верхний Барсхан упоминают четыре больших (в т.ч. Яр, Тон, Барсхан) и пять малых городов [Иванов, 1957: 69; Бернштам, 1941: 80], т.е. девять поселений.

Данные же археологии говорят о значительно более интенсивной оседлой жизни в регионе, называя при этом порядка 17 городищ в юго-западном секторе долины [Винник, 1967: 111].

Рис. 1. Планы городищ юго-западного Прииссыккуля:
1 – Тосор; 2 – Барскоонское-2; 3 – Каджи-Сай; 4 – Сары-Булун (по: [Винник, 1966; Винник, 1978])

Сохранившиеся в Прииссыккулье городища, в том числе в его юго-западной части, типологически по современным внешним признакам делятся исследователями на три группы. К первой из них относятся городища с т.н. «длинными стенами» – Барскоонское, Хан-Добе (Тонское) и им подобные. Они характеризуются достаточно развитыми центральными развалинами – цитаделью и шахристанами с ярко выраженными крепостными стенами с башнями, и примыкающей округой, также обнесенной длинной стеной. Вторая группа – городища-караван-сарай, городища-крепости и городища-укрытия (т.н. «торткули»): Барскоонское-2, Каджисайское, Тосорское и т.п. – относительно компактные поселения, с геометрически правильным контуром стен и достаточно мощной фортификацией. Третью группу составляют

усадеб и небольшие неукрепленные селища, располагающиеся, как правило, в округе городищ первой группы [Винник, 1967]. Следует сразу оговориться, что больших раскопочных работ практически не проводилось, а результаты тех немногих, выполненных широкими площадями раскопок, не опубликованы [Винник, 1978]. Предлагаемые исследователями датировки основаны на параллелях подъемки и материалов разведочных шурфов, данных из других регионов, а также авторском понимании исторического контекста.

Городище Хан-Добе. Из городищ первой группы юго-западного Прииссыккуля в настоящее время наиболее хорошая сохранность у городища Хан-Добе, расположенного в долине р. Тон. Поэтому его также называют в литературе Тонским городищем. Весьма вероятно, что это остатки того самого города Дун, который упоминается в описании паломничества Сюань-Цзяня, и, бесспорно, города Тон в области Верхний Барсхан (илл. 2).

Впервые его посетил еще В.К. Герн в ходе своей поездки в 1877 г. [Герн, 1900: 108–116]. В последующем многие исследователи упоминают об этих развалинах (Сорокин, 1886; Сорокин, 1886-а; Иванов, 1957: 67 и др.). Последние по времени работы на городище проводились в 2010 г. под руководством К.Ш. Табалдиева (илл. 3). Наиболее подробные описания памятника приведены В.В. Бартольдом и Д.Ф. Винником со слов С.М. Дудина [Бартольд, 1996: 427–429; Винник, 1967: 97–99].

Городище расположено на значительном удалении от береговой линии, у входа в ущелье и окружено с трех сторон – севера, запада и юга – горами, а с востока ограничено высокой обрывистой террасой р. Тон [Бартольд, 1996: 428; Винник, 1967: 98].

Центральные развалины окруженные «многоугольной» стеной, занимают площадь 500 x 600 м. Они имели плотную, если не сплошную, застройку, что прослеживается по многочисленным всхолмлениям. Крепостные стены, около 4 м в основании, а в оплыве – 10–12 м и высотой до 5 м, имели высокие выступающие наружу башни, расположенные в 40–70 м одна от другой. С трёх сторон – севера, запада и юга – были глубокие и широкие рвы. С этих же сторон, судя по топографии, располагались ворота. Причем южные были усилены «особым выступом» [Бартольд, 1996: 428; Винник, 1967: 98].

В юго-восточной части центральных развалин располагается цитадель, со своим, примыкающим с севера, двором. В настоящее время она имеет вид конического подквадратного в основании (60 x 60 м) холма, возвышающегося на 10 м. Еще С.М. Дудин говорил о разрезе на цитадели, отмечая двухслойный бревенчатый накат сверху [Бартольд, 1996: 428]. В советское время он был превращен в мощную силосную траншею, борта которой зачищались в 2010 г. К.Ш. Табалдиевым и К.Т. Акматовым. По их словам, объект имеет сложные многослойные строительные конструкции из сырцового кирпича разного формата [Отчет, 2010].

С юга, востока и севера центральные развалины окружены еще одной линией стен. Они менее мощные, чем стены первой линии. На пространстве, защищаемом ими, также прослеживается культурный слой и следы застройки. Здесь же протекает река Туура-Суу. Имеется еще одна, третья линия стен, которая, простираясь между гор с северо-запада на юго-восток, вдоль надпойменной террасы реки Тон, отгораживает эту окультуренную часть долины с северо-запада.

Илл. 2. Городище Хан-Добо

Илл. 3. Находки керамики с городища Хан-Добо
(по: [Археологический альбом, 2014])

Илл. 4. Городище Барскоон-2. Вид с востока

Илл. 5. Городище Сары-Будун. Современное состояние

Илл. 6. Камень с тибетской надписью «О мани падмехум». Ущелье Тамга

По мнению Д.Ф. Винника, городище существовало с VII по XII вв. [Винник, 1967: 98].

На подступах к городищу со стороны побережья зафиксированы мелкие поселения; имеются они и выше по ущелью, в направлении перевала Тон, тем самым, маркируя еще одно ответвление Пути, соединявшее Иссык-Куль с Внутренним Тянь-Шанем.

Городища второй группы сохранились в большом количестве. Одно из них, Барскоонское-2, расположено в глубине ущелья, на правой надпойменной террасе реки (илл. 4).

Городище Барскоонское-2. В плане оно квадратной формы с длиной сторон по 60 м, ориентировано сторонами по странам света. По углам и в центре южной, западной и северной стен имеются башни полукруглой формы; въезд в центре восточной стены (рис. 1, 2). Культурные напластования зафиксированы толщиной до 1,5 м. Функционально городище, несомненно, исполняло роль крепости, охранявшей вход и выход из ущелья и, соответственно, отрезок Пути, идущего через перевалы Барскоон и Бедель в район Аксу.

По подъемному материалу городище датируется от раннего средневековья до XII в. включительно [Винник, 1967: 104].

Городище Тосор. Западнее городища Барскоонское-2, уже на побережье, расположено городище Тосор (рис. 1, 1), игравшее роль укрепления или караван-сарая, охранявшего и обслуживавшего отрезок Пути между двумя крупными городами области – Барсханом и Тоном. Оно находится на западной окраине одноименного села, в 200 м к северу от дороги Балыкчи-Каракол.

Городище – квадратное в плане, с длиной сторон по 100 м. Ориентировано сторонами по странам света. На всем своем протяжении, а также по углам стены фланкированы башнями полукруглой формы. Въезд расположен в центре восточной стены, имеет Г-образную форму и дополнительно укреплен башней.

Топография городища и материалы небольшого раскопа, выполненного в 60-е годы прошлого века, стали основанием для его датировки караханидским временем [Винник, 1967: 103–104].

Городище Каджи-Сай. Ещё западнее находится третье городище этой группы – Каджи-Сай (рис. 1, 3). Оно расположено на высокой обрывистой озёрной террасе в 1 км к востоку от одноименного современного села.

Городище также представляет собой квадрат с 60-метровыми стенами, по углам и в центре которых возвышались башни. В современной его топографии читается единственный вход, располагавшийся с восточной стороны посередине стены. Также с востока имеется пристройка (60 x 40 м) с менее мощными стенами. Вход в нее располагался у северо-восточной башни. Д.Ф. Винник датировал городище IX–XII вв. [Винник, 1967: 102–103].

Городище Сары-Булун. Примером памятников третьей группы может служить караван-сарай Сары-Булун (илл. 5). Он расположен в западной части Иссык-Кульской котловины, в 9 км к югу от современного г. Балыкчи, на первой надпойменной террасе правобережья реки Чу. Исследован в 1977 г. под руководством Д.Ф. Винника, который интерпретировал объект как «металлургический центр по выплавке железа» [Винник, 1978].

В плане караван-сарай подквадратной формы, размерами 29 x 33 м.

Единственный вход располагался в середине южной стены. Внешние стены сохранились на высоту до 1,3–1,6 м. В основании они толщиной в 2,2 м, кверху постепенно сужаются.

Композиционной основой планировки служит просторный двор (12,5 x 14 м), расположенный на центральной оси. С четырех сторон он окружен помещениями: с восточной, северной и западной помещения расположены в один ряд вдоль внешних стен, а с южной – в два ряда (рис. 1, 4).

Исходя из датировки полученных вещественных материалов и, прежде всего, керамики, Сары-Булунский караван-сарай был построен и действовал в караханидское время – XI–XII вв. [Аманбаева и др., 2013].

Заканчивая описание объектов, расположенных на ВШП в юго-западном Прииссыккулье, считаем необходимым упомянуть о памятниках в урочище Тамга. В 2 км к югу от одноименного селения находятся три камня с тибетскими надписями, содержащими формулу «Ом мани падме хум». Вырезаны они глубоким рельефом и с большим искусством (илл. 6). Датируются XVII–XVIII вв. и относятся к джунгарской эпохе. По мнению некоторых исследователей, места с буддийской эпиграфикой указывают пути продвижения караванов с паломниками в Тибет, использовавших известные с раннего и развитого средневековья маршруты ВШП. В настоящее время население использует эту местность как мазар – священное место.

Безусловно, оседлые поселения, рассматриваемые в качестве маркеров ответвлений ВШП, известны и в юго-восточном Прииссыккулье, и по северному берегу озера. Среди них следует назвать и развалины в районе Кой-Сары, пожалуй, наиболее часто привлекавшие к себе внимание исследователей в конце XIX – начале XX вв., и Каменское городище, с его мощной и хорошо сохранившейся фортификацией, контролировавшее один из горных проходов на север, в Илийскую долину, и городище с вскрытой баней XIV–XV вв. в Тору-Айгыре. Но так как главный Путь, фиксируемый письменными источниками с VII по XII вв., пролегал в юго-западной части котловины, то от их описания мы воздержимся.

Подводя некоторый итог рассмотрению объектов ВШП в Прииссыккулье, можно констатировать, что наиболее активно на этом участке Пути поселения возникали в эпоху караханидов. А вот в последующее время оседлая жизнь и, надо полагать, стабильное функционирование Пути прекратилось.

ПАМЯТНИКИ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ

В современных границах Кыргызстана находится только часть Чуйской долины, представляющая собой обширное равнинное левобережье реки и небольшой участок правобережья в самой восточной части, в низовьях Кичи-Кемина, у подножия Заилийского Ала-Тоо. Равнина протяженностью в 300 км, при максимальной ширине до 70 км, вытянута в широтном направлении, ограничена с юга Кыргызским хребтом, а с севера – Чу-Илийскими горами. На востоке и северо-востоке перетекает в пески Моюнкумов. Основная водная артерия – река Чу с множеством притоков, часть из которых достаточно многоводна.

Начиная с Сюань-Цзяня и описаний его путешествия, несколько позже – в хронике династии Тан и других китайских источниках, а в конце I – начале II тысячелетий – в арабо-персидских источниках приводятся некоторые данные о городах и поселениях Чуйской долины и путях, связывающих их с другими регионами и странами. Как правило, они сводятся к названию, расстоянию до соседних городов, иногда – размерам самого города и количеству войск, которое он может выставить. Несколько большая по объему информация имеется только о трёх городах, расположенных на востоке долины – Невакете, Суябе и Баласагуне. Первые два в разное время были политическими центрами Западно-Тюркского и Тюркешского каганатов, а Баласагун – одним из столичных городов Караханидского государства и, как таковой – всей Средней Азии. Уже первое упоминание городов у Сюань-Цзяня указывает на их значение не только как центров земледелия, но и как центров торговли: «земледельцев и торговцев – поровну». О высокой значимости Невакета, как центра восточного христианства в XII–XIII вв., свидетельствует название одной из несторианских метрополий – «метрополия Кашгара и Невакета».

Краткость письменных документов делает основным источником информации данные археологии, в соответствии с которыми в раннее средневековье в Чуйской долине возникает целая серия поселений. К X–XI вв. некоторые из них перерастают в крупные города, опоясываются одним-двумя кольцами длинных стен и достигают в периметре своих границ диаметра в 5–8 км. Такие городища расположены по всей долине на некотором расстоянии от Кыргызского хребта, на краю второй надпойменной террасы реки Чу и на ее относительно крупных притоках – речках Шамси, Норус, Аламедин, Ак-Суу и др. Выявлено и описано около 20 крупных городищ, которые отстояли друг от друга на 15–20 км, маркируя своим местоположением ответвление Великого шёлкового пути.

Вокруг этих суб-центров группируются более мелкие поселения второй группы, порой с не менее мощными укреплениями, чем у центральных развалин крупных городищ [Кожемяко, 1959: 131–153]. По всей видимости, городища этой группы

выполняли разные функции – среди них вполне могли быть передовые крепости, караван-сарай, храмово-монастырские комплексы.

Третья группа расположена на выходах ущелий в долину; порой в одном ущелье концентрировалось по два-три городища [Кожемяко, 1959: 153–166]. Предполагается, что поселения, входившие в эту группу, исполняли роль крепостей, контролирующих горные проходы, а также охранявших начала водоотводных и водораспределительных систем. Часть из них, вполне вероятно, обеспечивала безопасный постой караванов перед или после прохождения ущелья.

Существовали и неукрепленные поселения. Они, подобные селищам вокруг Бишкека у сел Кара-Джигач, Кок-Жар, Ак-Орго, практически не выделяются по внешним признакам на местности. Только массовые выходы керамики и монет указывают на их наличие. Причем эти поселения относительно поздние – монгольского и постмонгольского времени.

Археологически наиболее обстоятельно изучены памятники восточной части долины, о которых уже упоминалось выше, – городища Ак-Бешим, Бурана и Красная Речка.

О пути из Прииссыккуля в Чуйскую долину существует несколько точек зрения. Одни полагали, что его повторяет современная дорога через Боомское ущелье [Винник, 1967], другие говорили о некоем маршруте через Чон-Кеминское ущелье [Бернштам, 1941], третьи – о пути через Орто-Токой, Кочкорскую долину и перевал Шамси [Горячева, 2010]. Во всех случаях, ввиду отсутствия прямых указаний источников, ссылаются на логические построения и данные археологии – вдоль всех трех трасс имеются городища, маркирующие Путь. Функционировать он начал, по-видимому, гораздо раньше, как минимум в эпоху активных связей ханьского Китая с усунями (II в. до н.э.), столица которых – Чигу-чен, по мнению многих ученых, располагалась на Иссык-Куле.

Так или иначе, но в описании паломничества Сюань-Цзяня сказано, что, «пройдя 500 ли к северо-западу от Чистого озера <Иссык-Куля> достигали реки и города Суе» [Боровкова, 1989: 133], т.е. уже выходили в Чуйскую долину. Указанный в источнике город Суе (Суяб арабopersидских источников) в современной историографии отождествляется с городищем Ак-Бешим.

Городище Ак-Бешим расположено в 8 км к юго-западу от областного центра Чуйской области города Токмак, в 47 км к востоку от города Бишкек (по прямой по карте) (илл. 7).

Оно отождествлялось с известными по письменным источникам средневековыми городами – Невакет (Н.Ф. Петровский), Баласагун (В.В. Бартольд, А.Н. Бернштам, Л.Р. Кызласов) и, принимаемый большинством современных исследователей – Суяб (Клоусен, П.Н. Кожемяко, Г.Л. Семёнов, В.Д. Горячева и др.).

Городище Ак-Бешим относится к группе городищ с длинными стенами и также состоит из нескольких компонентов (рис. 2).

Основная часть городища – шахристан-1 – неправильный четырехугольник площадью около 35 га, ориентированный сторонами по странам света. Его опоясывают завалованные ныне стены размерами 600 x 500 x 700 x 400 м. На всех стенах хорошо просматриваются следы башен – 34 мощных бугра.

В юго-западном углу шахристана-1 расположена четырехугольная в плане цитадель, окруженная своим небольшим двором. Уже в 1938 г., а затем в 1950-х годах констатировалось, что она «сильно оплыла и в некоторых местах разрушена прежними раскопками» [Чуйская долина, 1950; Кожемяко, 1959]. Ее размеры по оплывшей подошве холма 60 x 60 м. Цитадель возвышалась над внутренней поверхностью городища на 8 м и имела мощные башни по четырём углам. Одна из них – внешняя, юго-западная – была раскопана и оказалась монолитной, в плане каплевидной формы, сложенной из крупных пахсовых блоков в перевязку со стеной [Семенов, 2002: 11].

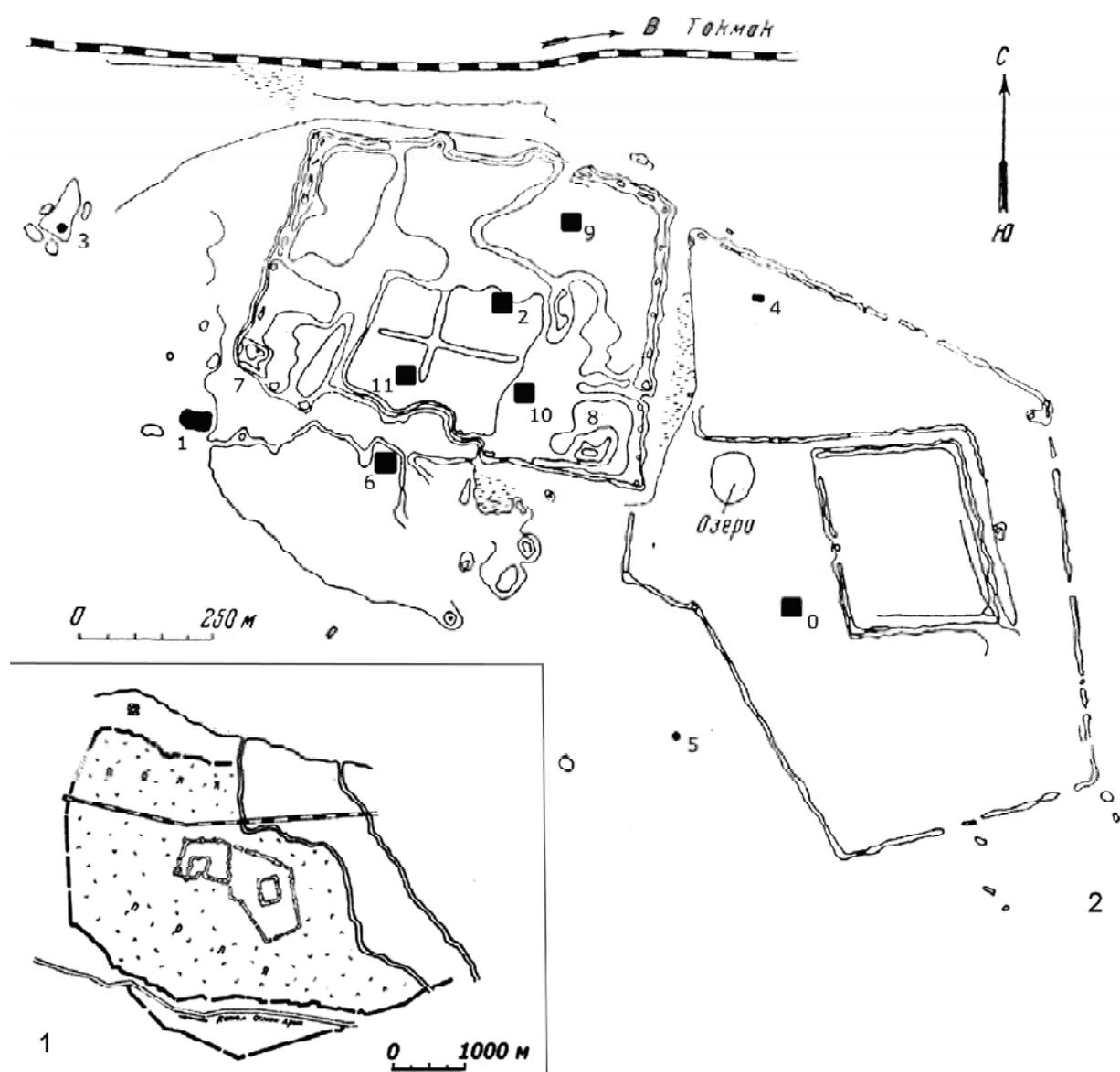

Рис. 2. Городище Ак-Бешим. Планы (1) в пределах длинных стен и (2) центральных развалин (по: [Кожемяко, 1959] и [Чуйская долина, 1950] с добавлениями)

0 – буддийские «часовня» и «монастырь», 1 – 1-й буддийский храм, 2 – стратиграфический шурф, 3 – «манихейский» погребальный комплекс, 4 – христианская церковь, 5 – платформа замка с оссуарными погребениями, 6 – 2-й буддийский храм, 7 – цитадель, 8 – комплекс христианских строений, 9 и 10 – жилые строения, 11 – участок улицы

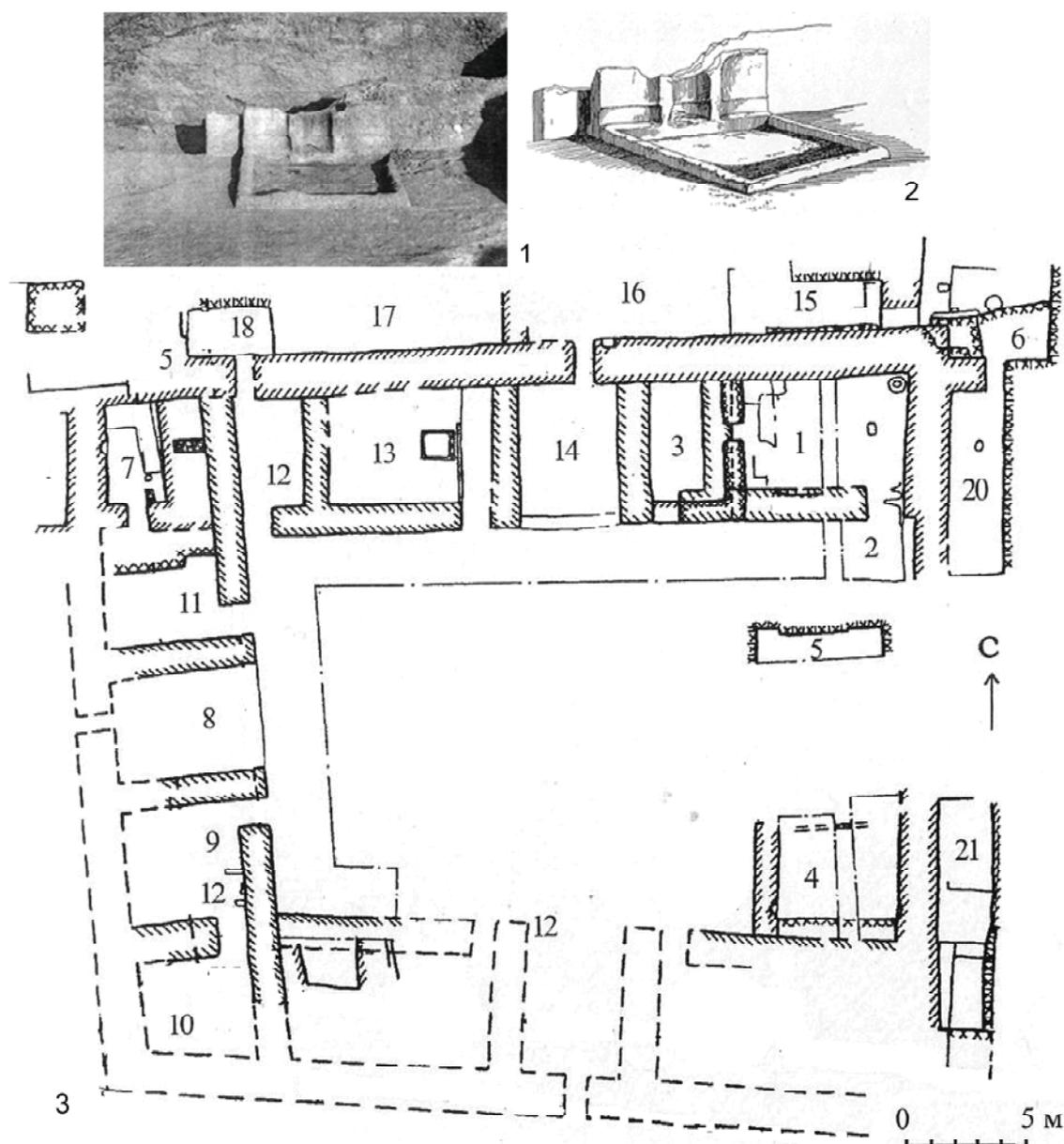

Рис. 3. Городище Ак-Бешим. Дворцовое строение X-XI вв. на цитадели.
1-2 – пристенный очаг; 3 – план (по: [Семенов, 2002])

Исследованный практически полностью верхний слой цитадели выявил постройку дворцового типа, сооруженную по планировочной схеме «двор, окруженный помещениями». Двор был квадратным – 21,5 x 21,5 м. В середине каждой стороны – айваны, имеющие проход во внешний ряд помещений. Вход в них был выделен двумя ступенями (рис. 3) [Семенов, 2002; Аманбаева и др., 2013]. По находкам, в том числе нумизматическим, автор раскопок относит существование дворца к X–XI вв. [Семенов, 2002: 11–43].

Наиболее ранний слой цитадели был вскрыт в части углового сводчатого помещения. По комплексу керамики он был датирован временем не ранее VII–

Илл. 7. Центральные развалины городища Ак-Бешим. 2014 г. Аэрофото GoogleEarth. Вид с юга

Илл. 8. Городище Ак-Бешим.
Комплекс христианских церквей. 2001 г.
Арка прохода в западной части «Церкви Б».
Вид с севера

Илл. 9. Процессиальный крест с согдийскими надписями (1), керамические иконки-плакетки (2, 4) и матрица для их изготовления (3). Городище Ак-Бешим, комплекс христианских церквей

Илл. 10. Ажурные бляхи. Городище Ак-Бешим, 1-й буддийский храм

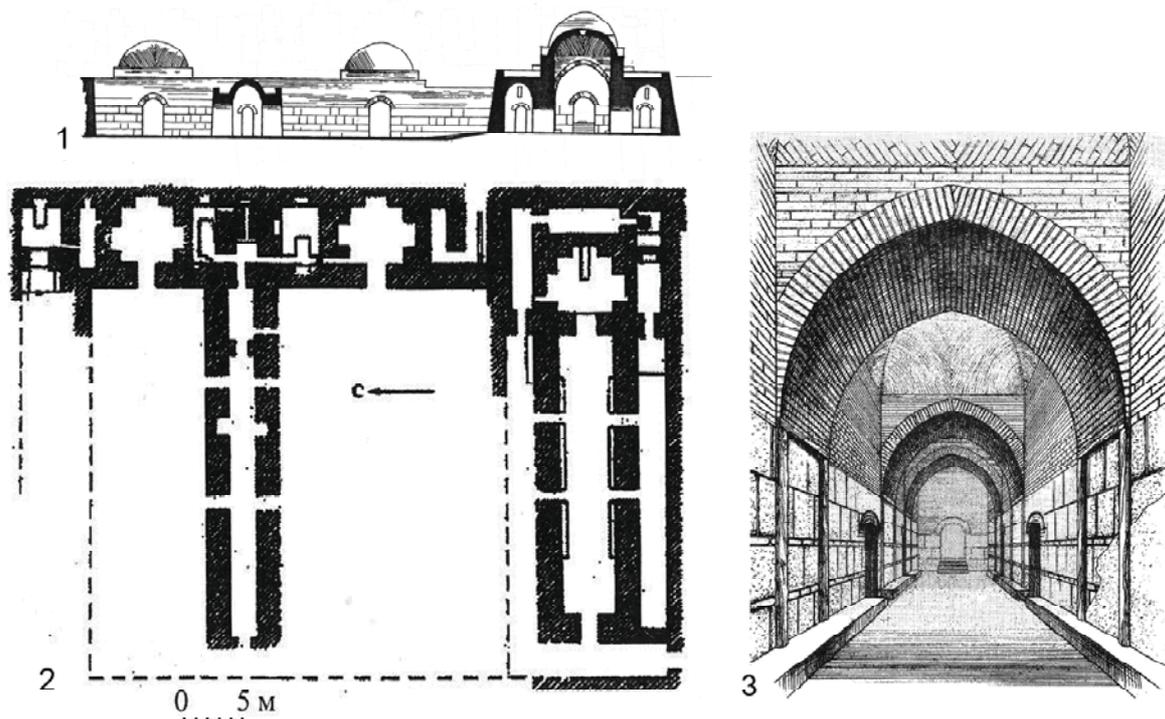

Рис. 4. Городище Ак-Бешим. Комплекс христианских церквей.

1 – разрез, 2 – план, 3 – реконструкция перекрытия центрального зала Церкви А (по: [Семенов, 2002])

VIII вв. При этом сделана оговорка, что этот слой не лежит на материке [Семенов, 2000: 69].

Поверхность шахристана-1 – сильно пересеченная, значительно приподнята над окружающим рельефом. Мощность культурных отложений достигает 7,5 м. Наименьшая толща культурных слоев – в северо-западном секторе. Наибольшая – в центре шахристана, где четко выделяется подквадратный участок, занимающий большую часть его территории и, возможно, имевший некогда собственные крепостные стены. Предполагается, что от этого участка и пошло дальнейшее развитие города [Кызласов, 1959; Кожемяко, 1959; Ведутова, 2014].

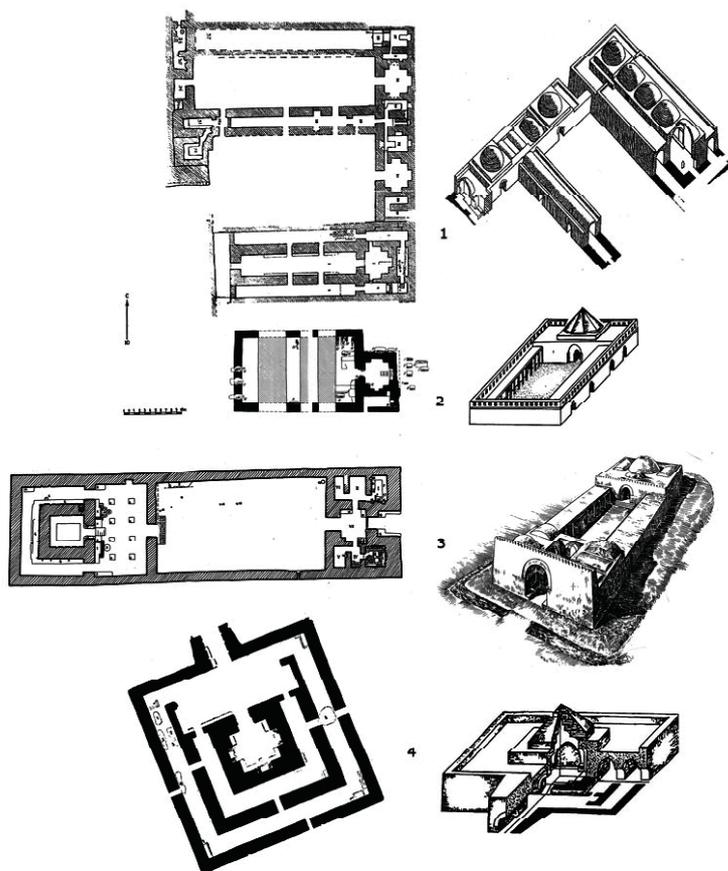
На территории шахристана-1 относительно полно исследован лишь один объект, расположенный в юго-восточном углу. В результате 4-летних раскопок на рубеже XX–XXI вв. было вскрыто около 50 помещений. Археологи пришли к заключению, что имеют дело с крупнейшим в Центральной Азии комплексом христианских церквей XI–XII вв. Вдоль восточной стены шахристана в одну линию расположено четыре алтарных помещения. Перед ними с запада – просторные вытянутые по оси залы или открытые дворы. В северной части комплекса располагались хозяйственно-бытовые помещения (рис. 4). В одном из них, под обмазкой пола, было найдено несколько монет караханидского облика. Караханидские монеты и глазурованная керамика фиксировались и на полах, т.н. «Храма А», выглядевшего наиболее архаично. Эти предметы позволяют относительно точно датировать весь комплекс XI–XII вв. (илл. 8) [Семенов, 2000: 95].

Среди других находок выделяется серия керамических плакеток с изображением креста. Причем часть плакеток была «негативом», т.е. штампом, матрицей для

изготовления аналогичных изделий (илл. 9). Здесь же были найдены и другие артефакты с христианской атрибутикой, в том числе крест с согдийскими надписями на концах.

Интерес вызывает и винодавильня, открытая в юго-восточном углу комплекса, а также примыкавшее к ней складское помещение – хум-хана с восьмью крупными сосудами-хумами по 150–200 литров каждый [Семенов, 2000: 56–59]. Сам факт открытия винодавильни не является чем-то уникальным для региона, однако, ее наличие в составе христианского комплекса – факт весьма примечательный.

С восточной стороны к шахристану-1 примыкал шахристан-2, называвшийся исследователями «киданьским кварталом», «рабадом», «второй частью центральных развалин». В плане это был пятиугольник, площадью более 60 га, с оплывшими стенами и следами башен. В центре его располагался торткуль (букв. четырехугольник) размерами 200 x 300 м. Полученные в результате его раскопок материалы позволили исследователям утверждать, что этот объект является буддийским монастырём, который первоначально был датирован XI–XII вв. [Бернштам, 1941: 96–99], а позже – IX–X вв. [Бернштам, 1949]. Найдены архитектурные детали, фрагменты глиняной и каменной буддийской скульптуры, остатки настенных росписей и небольшое количество фрагментированной посуды.

Рис. 5. Планы и реконструкции храмов городища Ак-Бешим.

Планы со-направлены и со-масштабны. 1 – комплекс христианских церквей (по: [Семенов, 2002]); 2 – христианская церковь (по: [Кызласов, 1958]); 3 – 1-й буддийский храм (по: [Кызласов 1959; Хмельницкий 1959]); 4 – 2-й буддийский храм (по: [Зяблин, 1961; Горячева, Перегудова, 1996])

Илл. 11. Фрагменты глиняной буддийской скульптуры.
Городище Ак-Бешим, 2-й буддийский храм (1) и Объект 10 (2). (2 – по: [Ведутова, Куримото, 2014])

Илл. 12. Вверительная бирка с китайскими иероглифами.
Городище Ак-Бешим, случайная находка

Илл. 13. Раскопанный участок магистральной улицы и примыкающей жилой застройки XI в.
Городище Ак-Бешим, Объект 13. Вид с юга

Илл. 14. Кухонное помещение домовладения XIII в., примыкающее к магистральной улице.
Городище Ак-Бешим, Объект 13. Вид с севера

Здесь же, в северо-западной части шахристана-2 исследовалось монументальное строение, ориентированное своей длинной осью в широтном направлении размерами 36 x 15 м. Объект, с находящимся внутри кладбищем, был интерпретирован как христианский храм (рис. 5, 2). Такой вывод был основан на найденном в одном из погребений нательного крестика, имеющего особенности планировочных решений. Автор раскопок, Л.Р. Кызласов, датировал этот объект VIII в. [Кызласов, 1959: 231–233]. Позже были предложены и иные датировки – середина VII – начало VIII вв. [Высоцкий, 1998], VIII–X вв. [Кольченко, 2003].

Городская округа – *рабад* – располагалась вокруг вышеописанного центра в радиусе свыше 1,5 км и была обнесена с трех сторон длинными стенами; с четвертой, восточной стороны, территория, по всей видимости, ограничивалась глубоким естественным оврагом. Периметр внешнего кольца стен-валов составлял около 16 км.

Исследования 30–50-х годов прошлого века выявили, что всё пространство рабада было неравномерно застроено отдельно стоящими постройками разного назначения. Их руины, в виде холмов, располагались в 15–50 м друг от друга [Кожемяко, 1959: 74; Кызласов, 1959: 155–156]. Среди исследованных в рабаде объектов были остатки замка с оссуарными погребениями в платформе [Кызласов, 1958], погребальный комплекс, приписываемый автором раскопок манихеям [Кызласов, 1959] и два буддийских храма, принесшие Ак-Бешиму широкую известность.

Первый буддийский храм располагался в 100 м к юго-западу от цитадели [Кызласов, 1959: 231–233]. Он был самым западным в линии аналогичных объектов, расположенных вдоль южной стены шахристана-1. Раскопками выявлена монументальная постройка с тремя периодами обживания. На первоначальном этапе своего функционирования сооружение интерпретировано как остатки буддийского храма. После сожжения и частичного разрушения – его стены и отдельные помещения использовались как жилые. На заключительном этапе помещения восточной части забутовываются и над ними в иной строительной технике сооружаются жилые помещения, а в западной части устраиваются загон для скота.

В первоначальный период функционирования сооружение имело в плане прямоугольную форму длиной 76 м и шириной 22 м. Ориентировано по линии запад–восток. Четко выделяются три планировочных объема: привратная группа помещений – в восточной части, обширный двор – в центре, в западной части – «вестибюль», святилище (целла), обходная галерея вокруг целы (рис. 5, 3).

Сооружение интерпретировано как буддийский храм, исходя из обнаруженных фрагментов буддийской скульптуры и полихромной настенной росписи, а также архитектурных аналогий его планировочному решению. Особо следует упомянуть великолепную серию бронзовых ажурных блях с позолотой (илл. 10). Л.Р. Кызласов датировал время существования храма VII–VIII вв.; использование храма как жилого сооружения и загон для животных – концом VIII – началом IX и IX–X вв.

Второй буддийский храм находился в 250 м восточнее первого и почти в 100 м южнее шахристана-1. В ходе раскопок были выявлены размеры постройки – 38,4 x 38 м. С севера располагался главный вход, подчеркнутый мощными пилонами.

Центром композиции являлось крестообразное в плане алтарное помещение (святилище) с единственным входом с северной стороны. С трех сторон его

опоясывали внешний и внутренний обходные коридоры, перекрытые коробовыми сводами. С четвертой, северной стороны, от святилища расположен «вестибюль», который, судя по прослойке зафиксированных углов имел деревянное перекрытие (рис. 5, 4) [Зяблин, 1961].

Найдено было большое количество фрагментов глиняной скульптуры (хранящейся ныне в ГИМе, в Москве), размером чуть крупнее человеческого роста, зафиксированы пьедесталы, на которых она покоилась, и куски полихромных росписей, упавшие со стен и потолков.

Храм имел один относительно кратковременный период обживания и после своей гибели стоял в заброшенном состоянии. Автор раскопок полагал, что, возникнув в VI–VII вв., к концу VII – началу VIII вв. он уже был разрушен [Зяблин, 1961: 67–69].

Из приведенного обзора исследованных объектов городища Ак-Бешим может сложиться впечатление, что мы имеем дело с городом храмов и погребальных комплексов разных религий: манихейства, зороастризма, буддизма, христианства. Но это будет ложное представление. Исследование жилой застройки, прежде всего, шахристана-1 – дело будущего. Впрочем, некоторые работы в этом направлении были предприняты в 2006–2008 гг. под руководством Л.М. Ведутовой при финансовой поддержке профессора Ш. Куримото (Япония). Вскрытые ею на небольшой площади в нескольких пунктах шахристана, постройки имеют признаки жилого и производственного назначения и датируются караханидским временем (илл. 11) [Ведутова, 2015: 120–150].

Последние по времени исследования проводились авторами в сотрудничестве с японскими коллегами во главе с доктором К. Ямаучи из Национального института сохранения культурных ценностей (г. Токио) и Национального института сохранения культурных ценностей (г. Нара) в рамках проекта «Сохранение культурного наследия Центральной Азии» в 2011–2013 гг. В центре шахристана-1 был вскрыт по верхнему горизонту участок магистральной улицы, проходящей, судя по рельефу, через всё городище от южных ворот к северным. На вскрытом участке от главной улицы на восток и запад отходили небольшие проулки. Вдоль главной улицы располагались дома с мощными, толщиной до 0,8–1,0 м стенами. Полученный материал однозначно датируется караханидским временем – улица времён Сюань-Цзяня располагается намного ниже (илл. 13–14).

Таким образом, выдвинутый в свое время Л.Р. Кызласовым тезис о прекращении жизни на городище в X в. [Кызласов, 1959], полностью опровергается – Ак-Бешим, как и практически все городища Чуйской долины, благополучно доживает до самого монгольского времени.

Как и на любом городище, на Ак-Бешиме время от времени происходят случайные находки. Одной из наиболее интересных в последнее время стало обнаружение верительной бирки с китайскими иероглифами в виде черепахи (илл. 12). Прочтение надписи, которая гласит: «Шатосский Ши, внештатный ланцзян стражи Баотао гарнизонного управления И», позволило определить 15-летний отрезок, когда она могла быть изготовлена – июнь-июль 691 г. – март 705 г. [Беляев, Сидорович, 2008].

Даже относительно небольшие археологические раскопки, проведенные в XX – начале XXI вв. на городище Ак-Бешим, наглядно демонстрируют выдающееся

значение памятника для истории культуры Кыргызстана, показывая его как значимый пункт Великого шёлкового пути, по которому перемещались не только шёлк и другие товары, но шли и паломники, и миссионеры, проповедуя ту или иную систему мировосприятия. Следует также подчеркнуть традиционность для нашей земли религиозной толерантности, имеющей свои истоки ещё в эпоху, отстоящую от нас более чем на 1000 лет.

В 5 км к юго-востоку от Ак-Бешима расположено другое крупное городище – Бурана.

Городище Бурана (илл. 15). Расположено в восточной части Чуйской долины, в Чуйском районе Чуйской области Кыргызской Республики, в 51 км к востоку от г. Бишкек (по прямой на карте), в 12 км к югу от районного центра г. Токмак, между селами Бурана и Дон-Арык. Относится к группе городищ с длинными стенами. Возникло, вероятно, в IX в. и просуществовало до XIII–XIV вв.

Отождествлялось в разные годы с известными (по письменным источникам) городами и поселениями, такими как Сарыг [Бартольд, 1996: 273, 402], Невакет (М.Е. Массон, по: [Горячева, 2007]), Кирмирау [Бернштам, 1941: 76] и, принимаемый ныне практически всеми исследователями – Баласагун [Горячева, 1970; Байпаков, 1976].

Центральная часть городища – шахристан (рис. 6) – представляет собой неправильный четырехугольник, ориентированный сторонами по странам света. Его размеры: 570 x 500 x 600 x 570 м. Стены, ныне находящиеся в завалованном состоянии, прямые, сохранились в высоту до 4 м при ширине по основанию в

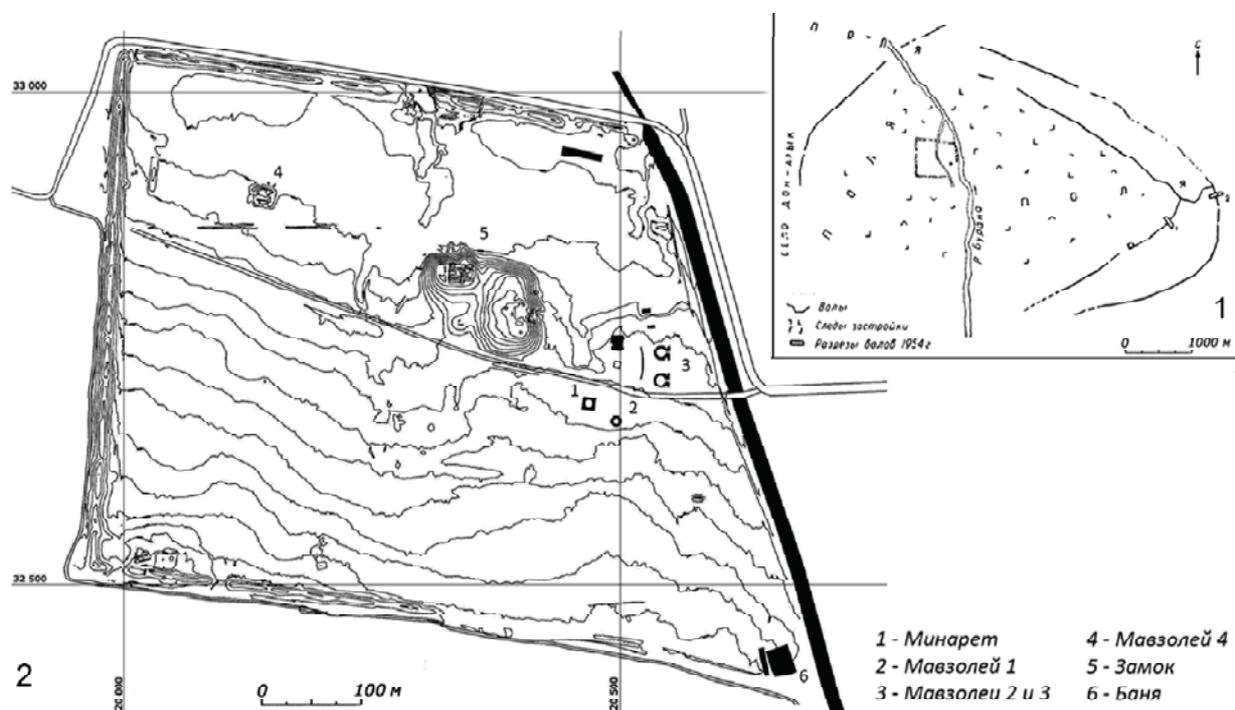
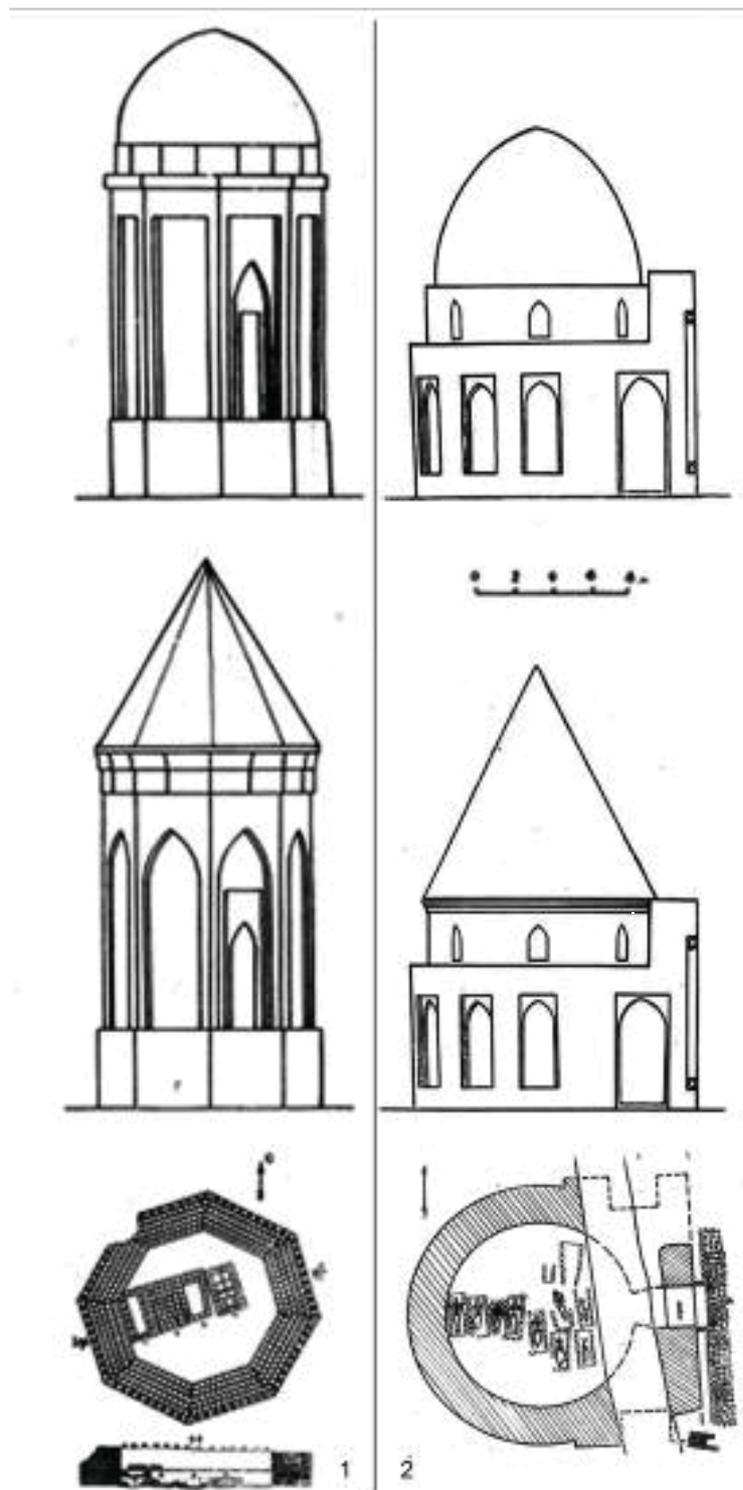

Рис. 6. План городища Бурана.

1 – в пределах длинных стен (по: [Кожемяк, о 1959]); 2 – шахристан (съемка 2006–2007 гг.)

Рис. 7. Городища Бурана. Мавзолей 1 и 2.

Варианты графической реконструкции со сферическим и шатровым купольным перекрытием, планы (по: [Горячева, 1983]). 1 – 1-й мавзолей; 2 – 2-й мавзолей

оплыве до 20 м [Кожемяко, 1959: 126]. На стенах выделяются бугры башен, впрочем, не особо монументальных. Практически вся восточная стена, за исключением небольшого отрезка у северного угла, не сохранилась – смыта современным руслом р. Бурана. Не сохранился и восточный отрезок южной стены.

Ближе к восточной стене, примерно в равном удалении от северной и южной, находится сложенный из жженого кирпича средневековый минарет (ныне частично разрушенный), известный как «башня Бурана» (илл. 16). К востоку и северо-востоку от него располагался некрополь, от которого сохранились нижние части трех мавзолеев из жженого кирпича (рис. 7; илл. 17) и серия грунтовых погребений. Еще одна постройка из жженого кирпича – мавзолей 4 – была исследована в северо-западном секторе городища (рис. 8; илл. 18) [Винник, 1975; Горячева, 2010: 138–140].

В 60–70 м к северо-западу от минарета находятся два больших, слившихся между собой, холма высотой до 15 м. Вместе с примыкающей в юго-западной части отгороженной завалованными стенами площадкой они образуют единый комплекс размерами 100 x 100 м [Кожемяко, 1959: 126]. Раскопки, проводившиеся с некоторыми перерывами в 1984–1990 гг. под руководством Л.М. Ведутовой, выявили под меньшим западным бугром, руины постройки замкового типа с коридоро-гребен-

Илл. 15. Центральные развалины городища Бурана. 2014 г. Аэрофото GoogleEarth. Вид с севера

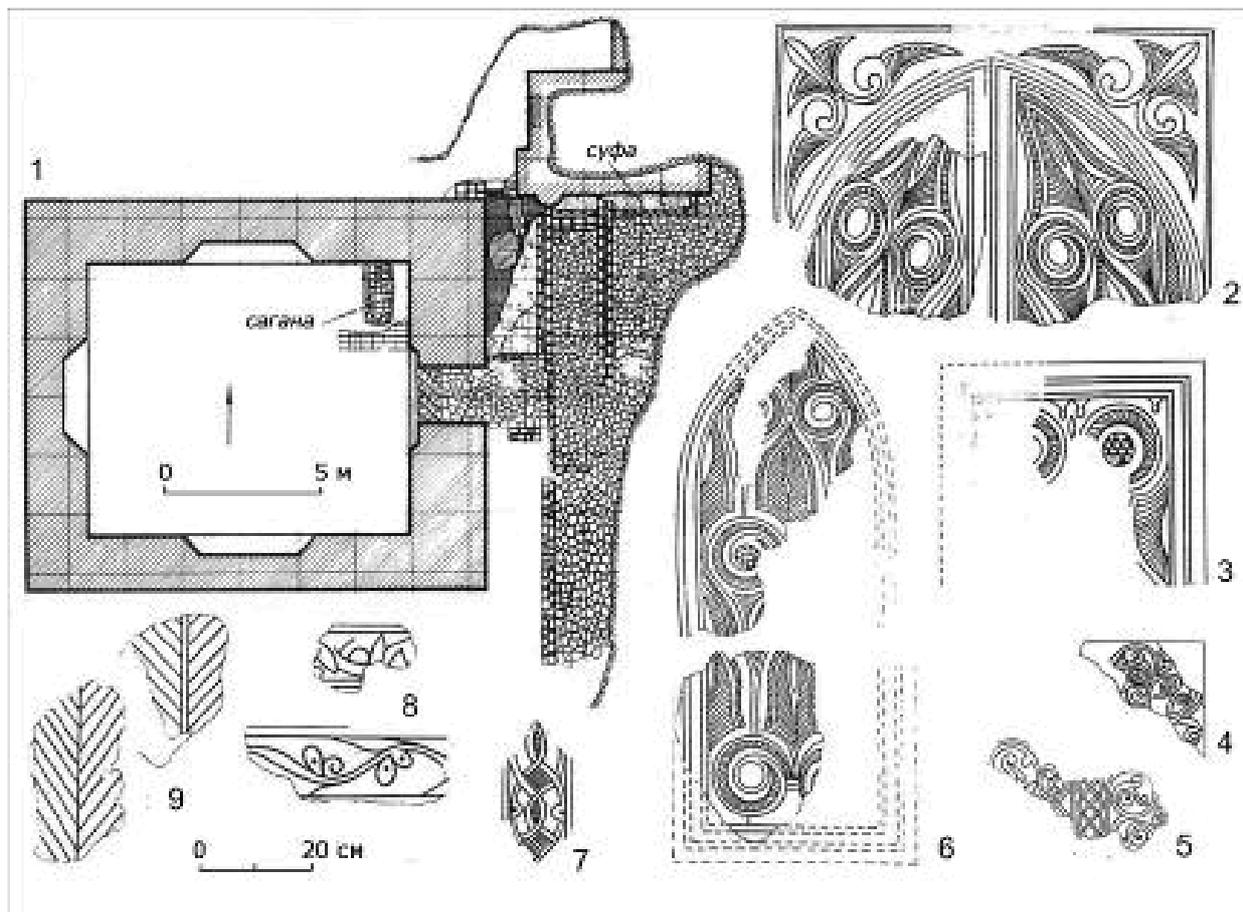
Илл. 16. Минарет (башня) Бурана на одноимённом городище. Вид с севера

Илл. 17. Нижние части мавзолеев 2 и 3. Городище Бурана. Вид с юго-запада

Илл. 18. Сохранившаяся часть мавзолея 4. Городище Бурана. Вид с востока

Рис. 8. Горище Бурана. 4-й мавзолей.

1 – план; 2 – фрагменты ганчевого декора интерьера (по: [Горячева, 2010])

чатой планировкой, характерной для всей среднеазиатской архитектуры VIII–IX вв. (илл. 20) [Семенов, 2000].

В 300–400 м к юго-востоку от шахристана, в рабаде были открыты и исследованы остатки средневековой бани, сложенной из жженого кирпича. В 10 м к западу от нее был вскрыт участок городского водопровода, состоявший из двух линий керамических труб, одна из которых подавала воду в баню.

Раскопки бани проводились с некоторыми перерывами в 1976–1983 гг. под руководством Д.Ф. Винника. В 1996 г. Б. Аманбаевой и архитектором С.Я. Перегудовой сооружение было вновь зачищено, сделаны обмеры и фотофиксация.

В плане баня прямоугольная, с длиной сторон 13 и 16 м (рис. 12), сторонами ориентирована по сторонам света. Из внешних частей здания относительно хорошо сохранились северная и западная стены, южная и восточная – только в половину своей длины. В центре северной стены расположена топка (илл. 19), оформленная в виде двухступенчатой ниши, шириной 1,68 м и глубиной 0,58 м. Над топкой зафиксировано устье дымохода из кубура. Было обнаружено 9 помещений небольших размеров и различного назначения. Одно из них имеет восьмигранный план с нишами в северной и южной стенах, с остатками ганчевой штукатурки; в двух других комнатах зачищены остатки круглых резервуаров для воды. В последнем помещении

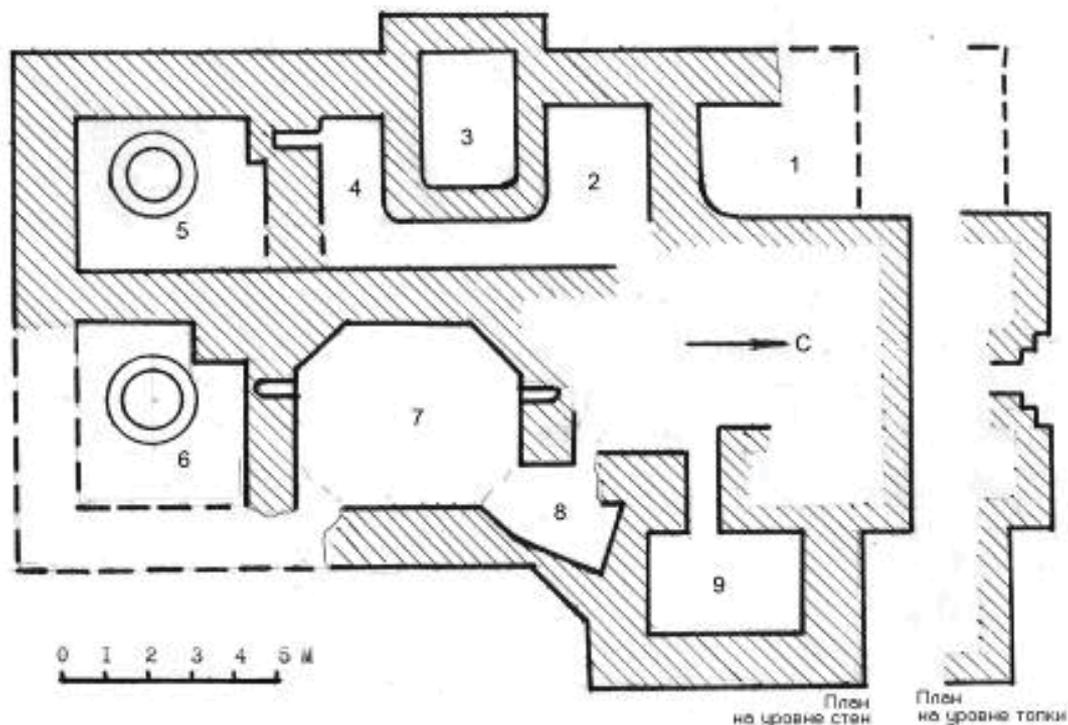

Рис. 9. Городище Бурана. Баня. План

зафиксирована также площадка размером 0,85 x 1 м, поверхность которой покрыта внушительным слоем водонепроницаемой кыровой обмазки. Пол одной из комнат сохранил вымостку обожженным кирпичом.

Вокруг центральных развалин и прилегающих к ним построек, в современном состоянии представляющих холмами диаметром до 30–50 м и высотой 1,5–2 м, вскрыты два concentрических кольца длинных стен, опоясывавших рабад (рис. 6, 1). Общая длина сохранившейся (в 1950-х гг.) части внешнего кольца составляла 11 км [Жожемяко, 1959: 127–128]. Первоначальная его длина была, вероятно, около 17–20 км.

Безусловно, центральным объектом памятника является минарет. Он покоится на мощном, квадратном в плане фундаменте, выложенном камнем с прослойкой жженого кирпича. Сверху фундамент вымощен жженым кирпичом. Выше идет еще одна четырехугольная ступень, на которой и покоится восьмигранный цоколя высотой 4 м [Горячева, 1985: 50–51]. В современном виде его грани предстают в виде порталов со слегка утопленными стрельчатыми нишами, заполненными, как и обрамляющее их пространство, геометризованным орнаментом. Цилиндрический ствол украшен горизонтальными орнаментальными поясами. Его современная высота – 22 м.

О первоначальной высоте минарета существуют разные точки зрения, но все считают, что он был от 40 (Б.Н. Засыпкин) до 50 м (А.М. Прибыткова).

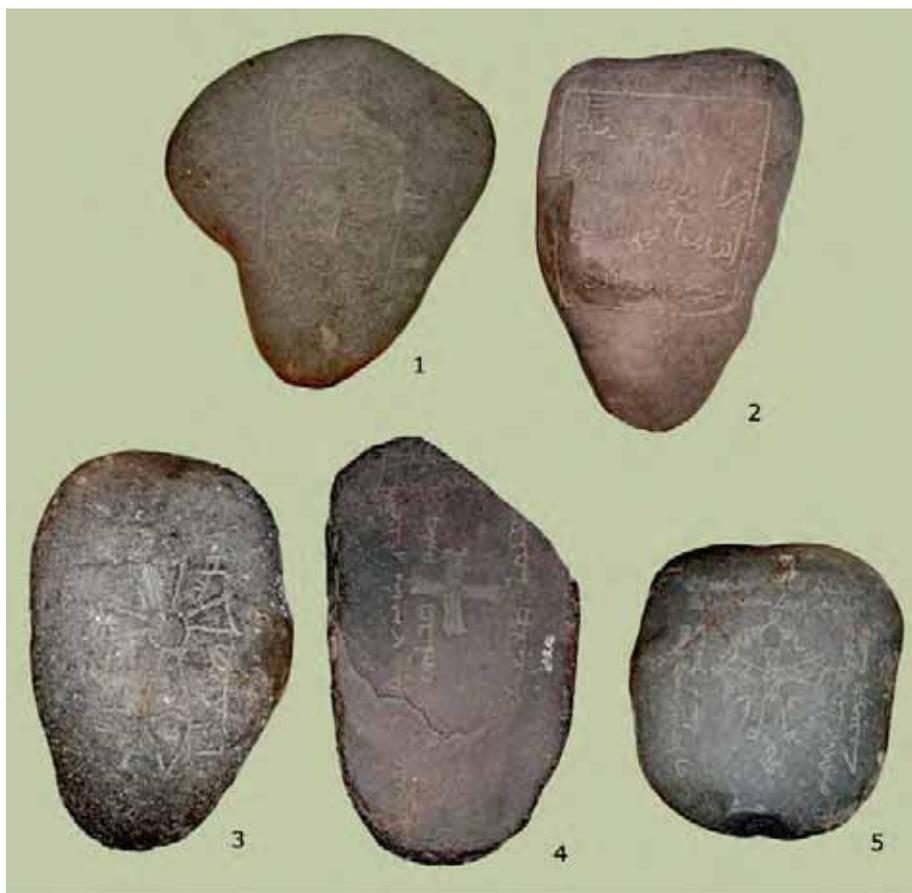
Весь декор выполнен стандартным кирпичом за счет его выступания из тела кладки на 3–4 см, что создает дополнительную игру светотеней. Построен орнамент на основе прямой квадратной сетки и не повторяется ни на одном участке.

Илл. 19. Резервуар для воды и топка бани городища Бурана

Илл. 20. Образцы архитектурного декора: штук (резьба по сырой глине) (1, 2), ганч (резьба по алебастру) (3, 4), глазурованная половая плитка (5) и резные жжёные кирпичи (6, 7). Городище Бурана

Илл. 21. Намогильные мусульманские (1, 2) и христианские (3 – 5) камни-кайраки. Городище Бурана

Илл. 22. Индивидуальные находки: курильница (светильник) с зооморфными ручками (1), чираг (светильник) с рунической надписью (2), буддийская статуэтка (3) и фрагмент фарфоровой тарелки (4). Городище Бурана

Считается, что бураинский минарет является одним из старейших минаретов из жженого кирпича в среднеазиатском регионе. Учитывая характер декора и рудиментарные конструктивные особенности, датой его сооружения принято считать конец X в. [Горячева, 1983: 32; Горячева, 2010: 137].

Наличие минарета и мусульманского кладбища у его основания, включавшего и три высококлассных мавзолея из жженого кирпича, мусульманских надгробных камней-кайраков (илл. 21, 1-2), явилось в свое время одним из аргументов к принятию современного отождествления памятника со средневековым городом Баласагун, одной из столиц Караханидского каганата – первого государства на этой территории, в котором ислам занял главенствующую позицию.

Достаточно широкую известность городищу принесло и открытие к югу от центральных развалин христианского некрополя XII–XIV вв. Его несомненная принадлежность христианам определяется по надгробным камням (илл. 21, 3-5). На них нанесены сирийским алфавитом, но преимущественно по-тюркски, краткие эпитафии, имя, иногда профессия и год погребения (по селевкидской эре и/или 12-летнему циклическому календарю), и изображение четырехконечного креста. На городище были найдены и нательные крестики, часть из которых хранится в бураинском музее. Типологически они сходны с обнаруженными на городищах Кара-Джигач, также датируемыми XII–XIV вв., и Красной Речке.

Если про мусульманские и христианские памятники на городище Бурана знают многие, то о наличии буддийских находок известно лишь единицам. Первая находка случилась в 80-х годах прошлого века при раскопках Л.М. Ведутовой западного бугра. Причем маленькая статуэтка бодхисатвы (илл. 22, 3) находилась в одном из сырцовых кирпичей. Выполнена она из бронзы и сохранила следы позолоты. Несмотря на малый размер – около 5 см, она покоряет своим изяществом.

Другая находка последовала уже в начале XXI в. Возле одного из сохранившихся в рабаде тепе, при вспашке земли была обнаружена каменная скульптура. Статуя, выполненная в 2/3 человеческого роста из красного местного камня, передавала образ фронтально стоящего персонажа, одетого в балахонистое, спускающееся складками одеяние. Она сохранилась, к сожалению, не полностью: передняя сторона была, по всей видимости, целенаправленно сколота еще в средневековье, голова утрачена, а торс и ноги расколоты на два фрагмента. Ее обнаружение в непосредственной близости от монументальной постройки позволяет видеть в последней остатки буддийского храма или монастыря.

Собранные в ходе многолетних исследований данные по материальной культуре этого средневекового города свидетельствуют о высоком развитии ремесла (гончарном, бронзолитейном, железоделательном, ювелирном и пр.) и монетного производства. Среди находок имеются китайские фарфор и селадон, иранская люстровая керамика, хорасанские бронзовые блюда и кумганы (илл. 22). Безусловно, городище Бурана было крупным, высокоразвитым городским центром на Великом шёлковом пути.

К западу от Ак-Бешима в 20 км по прямой расположено крупнейшее городище Чуйской долины – Красная Речка. Между Ак-Бешимом и Красной Речкой известно о расположении ещё двух достаточно больших и многослойных городищ второй группы – Кен-Булун и Ивановское. К сожалению, эти городища практически не исследовались [Чуйская долина, 1950: 87–88; Кожемяко, 1959: 149–149]. Но само

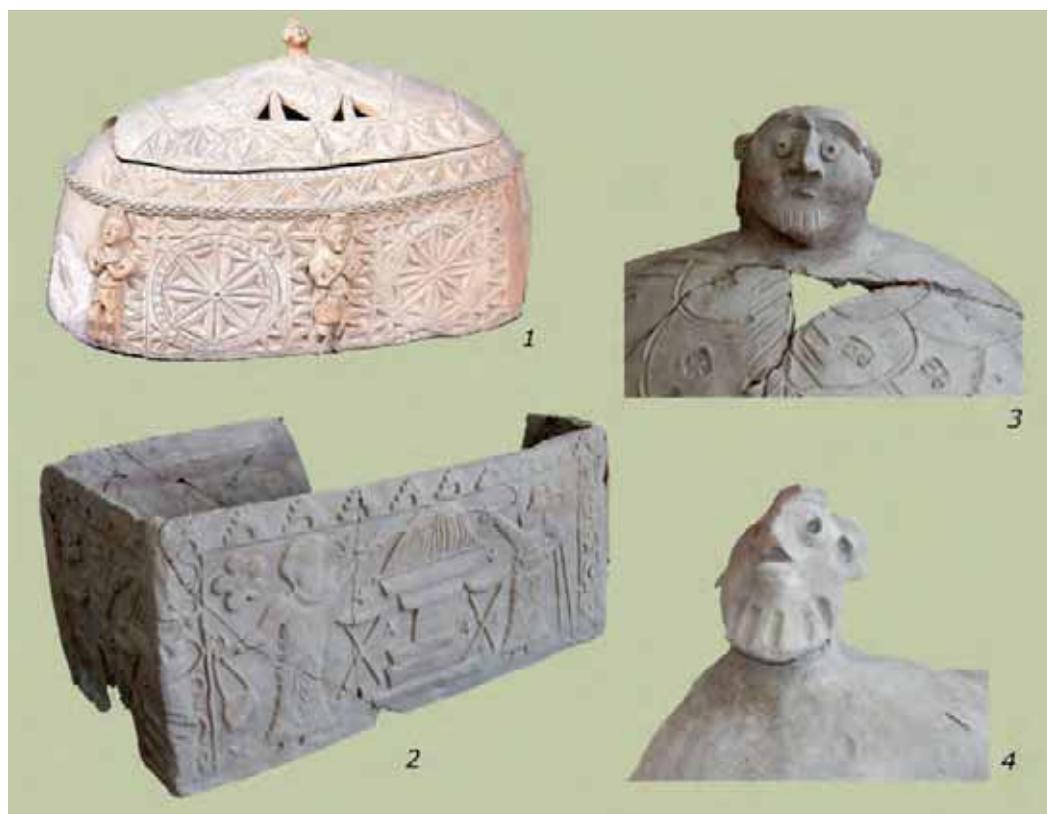
Илл. 23. Центральные развалины городища Красная Речка. 2014 г. АэрофотоGoogleEarth. Вид с севера

Илл. 24. Южная и часть Западной пристройки центральных развалин городища Красная Речка. 2008 г. Аэрофото GoogleEarth. Вид с юго-востока

Илл. 25. Архитектурный декор: раскрашенная резьба по ганчу (1) и штукатурке (2 – 7), резной жжёный кирпич (8). Городище Красная Речка

Илл. 26. Осуарии и осуарные крышки. Городище Красная Речка

Малый шахристан, почти квадратный, несколько вытянут с севера на юг и имеет размеры по гребню завалованных стен 435 x 350 м. Стены имеют два периода строительства. При этом первоначальная стена сооружена не ранее середины–конца VIII в. [Торгоев, Кольченко, 2010]. На валах стен выделяются 14 мощных бугров, скрывающих, надо полагать, башни. С наружной стороны вокруг стен расположены мощные рвы, заполнявшиеся проточной и родниковой водой. Раскопки малого шахристана [Чуйская долина, 1950: 19; Кожемяко, 1989: 9–16; Кожемяко, 1989-а: 40–51; Торгоев, Кольченко, 2010] позволяют говорить о трёх строительных периодах в его жизни, последний из которых закончился в XII в. крупным пожаром, после которого здесь прослеживаются лишь следы спорадического обживания.

К южной и западной стенам малого шахристана примыкает пространство, обнесенное ломаной замкнутой линией крепостных стен – большой шахристан. По валам стен этой части городища также видны мощные бугры-башни, которых насчитывается 25 [Байпаков, 1998: 140]. В юго-восточном углу большого шахристана, у цитадели городища были выполнены три раскопа [Чуйская долина, 1950: 17–19, 28, 37–38; Аманбаева, 1989]. Два из них вскрыли только верхний строительный горизонт и дали материалы караханидского времени, в том числе фрагменты резной глины интерьера, характеризующие архитектурный декор X–XII вв. (илл. 25). Третий раскоп в основном также обнажил верхний строительный горизонт, но небольшой траншеей прорезал всю толщу культурных напластований, составивших 5,5 м. Нижний слой отнесён исследователями к «согдийскому времени», а верхний – «образован зданием, разрушенным в монгольский период» [Чуйская долина, 1950: 18, 38].

Разрез южной стены большого шахристана показал, что она сделана чередованием достаточно тонких (3–5 см) и более толстых (15–16 см) лент пахсы и сохранилась по основанию на 8,5 м. Но фасы стен снаружи и изнутри подрезаны приставленными помещениями и, значит, стена изначально была толще. По полученным стратифицированным материалам она была возведена вскоре после стен квадратного шахристана [Торгоев, 2014: 317–319].

В юго-восточном углу большого шахристана находится цитадель городища. По данным тахеометрической съёмки 2004 г., ее размеры по подошве 85 м (север-юг) на 105 м (запад-восток), при высоте в 10–11 м над современной поверхностью большого шахристана и 20–24 м над прилегающим к шахристану с юга и востока пространством. Раскопки на цитадели показали, что она сооружена на естественном возвышении и пережила три строительных периода. По нижнему из них раскопано одно узкое с коробовым сводчатым перекрытием помещение, датированное исследователями VI в. [Горячева, Байпаков, 1989: 72] или VII в. [Горячева, 1988: 16]. По второму горизонту раскопано 7–10 помещений и внутренний двор, которые отнесены к IX–X вв. [Горячева, Торгоев, 2000: 84–85]. Верхний горизонт был раскопан полностью и содержал остатки жилого дома. По найденным материалам он, по мнению авторов раскопок, доживает до середины XII в.

К западу от малого шахристана расположена еще одна структурная часть городища – так называемая западная пристройка, имеющая крепостную стену мощностью не менее 6,6 м, выполненную относительно тонкими (13–26 см) лентами пахсы [Торгоев, 2014: 319]. Ее размеры, по А. Н. Бернштаму, 440 м (север-юг) на 150 м (запад-восток) [Чуйская долина, 1950: 12].

Первоначальное назначение западной пристройки остается непонятным. Но вскоре после строительства стены северо-западный участок, включая саму стену, превращается в некрополь, на котором хоронят в грунтовых ямах, подбоях, катакомбах разных конструкций, наусах, оссуариях и сосудах, по обряду трупоположения, в том числе по-тюркски с конём и кучками предварительно очищенных костей. Стратиграфия всех этих разнотипных погребений, ввиду всей сложности и неоднозначности многочисленных прорезов впускными погребениями и перекопов, не может считаться до конца установленной. Не менее сложен и дискуссионен вопрос датировки погребений.

Южнее западной пристройки располагается последний структурный компонент центральных развалин – южная пристройка, которая имела свои крепостные стены, примыкавшие с запада к большому шахристану [Чуйская долина, 1950: 12]. Ныне северный и южный участки этих стен утрачены. Зачистка среза южной стены показала, что она тоже сооружена из лент пахсы. Примечательно, что под основанием стены была расчищена яма, из которой извлечены фрагменты керамики VIII в., что свидетельствует о функционировании этого участка городища без фортификационных конструкций [Торгоев, 2014: 319–320].

Все исследователи, занимавшиеся городищем Красная Речка, выделяют и, так или иначе, интерпретируют комплекс мощных всхолмлений в северо-восточной части южной пристройки. Размеры этого комплекса – 105 x 100 м. Он состоит из конусообразного доминирующего над местностью холма высотой 12 м, окруженного по периметру строениями и мощной завалованной ныне стеной. С востока располагаются два выделяющиеся габаритами холма – по 25–30 м в диаметре и высотой по 3–5 м. Севернее их – пустое место, возможно, для третьего холма, который замыкал бы периметр построек и стен вокруг доминанты. Объект интерпретировали как цитадель [Чуйская долина, 1950: 12; Кожемяко, 1959: 67], буддийская ступа (П.Н. Кожемяко), храм огня [Горячева, 2010: 96–97]. Точку в этом вопросе поставили совместные работы кыргызстанских и российских археологов 2010–2014 гг.: раскопанный восточный холм оказался входным пилоном на первом этапе своего существования и буддийским храмом на втором и третьем. Весь же комплекс может быть интерпретирован как буддийский монастырь с монументальной ступой в центре [Торгоев и др., 2014].

С запада, юга и востока от центральных развалин, на площади до 20 км², окруженной двумя кольцами длинных стен периметром в 14–17 км, располагались многочисленные холмы разной конфигурации и размера, скрывавшие средневековые постройки. Их концентрация от стен центральных развалин к периферии уменьшается. Эту округу функционально сложно назвать торгово-ремесленным предместьем города, но, тем не менее, сохраним для него традиционное в среднеазиатской археологии обозначение – рабад.

В рабаде, к югу от центральных руин вскрыты замки, жилые усадьбы XI–XII вв., «загородный дворец», два буддийских храма и другие строения.

Замков на городище раскопано три [Чуйская долина, 1950: 15–16, 27–28, 30–36; Кожемяко, 1989-а: 36–38, 66–68]. Во всех случаях это были здания коридоро-ребенчатой планировки, когда в один узкий осевой коридор выходили торцами другие узкие длинные помещения. При возведении этих строений максимально использовались в фортификационном аспекте особенности местности – строения

ставились на естественных останцах. Замки существовали в период не ранее середины VII в. [Семенов, 2000] до VIII в. включительно [Кожемяко, 1989-а: 38, 68].

Монументальная постройка в 1 км южнее цитадели городища была интерпретирована автором раскопок как «загородный дворец» [Горячева, Береналиев, 1979; Горячева, Перегудова, 1989]. В плане объект почти квадратный – 33,7 x 31,8 м, ориентирован сторонами по странам света. В центре расположен просторный двор (16 x 16,5 м), вокруг которого находятся помещения. Во дворе вдоль северной стены зафиксированы четыре симметрично расположенные столбовые ямы, т.е. вдоль этой части двора имелся навес. Стены в ряде помещений были украшены панелями монохромного цвета из резной глины. Наиболее крупные фрагменты демонстрируют неглубокую резьбу, формирующую контур рисунка эпиграфического или стилизованно-растительного характера (илл. 25).

По нашему мнению, исходя из расположения, размеров, декора, объект может быть интерпретирован как караван-сарай [Аманбаева и др., 2013: 57]. По археологическим данным его строительство относится к рубежу X–XI вв. и с тремя перестройками он доживает до XII в. Объект постилают культурные слои, скрывающие более раннее монументальное строение.

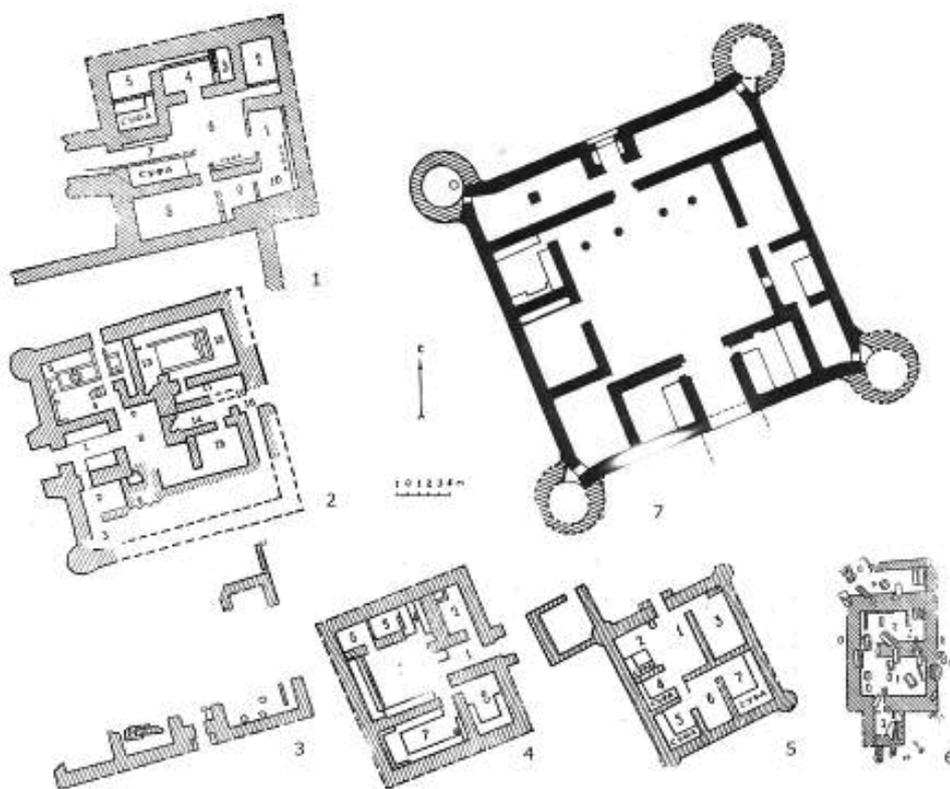
Несколько жилых усадеб были раскопаны П.Н. Кожемяко и В.Д. Горячевой [Кожемяко, 1967; Горячева, 2010: 124–129; Аманбаева и др., 2013: 56]. Они все примерно одного времени – XI–XII вв. Внешне жилая часть такой усадьбы представляла монументальным сооружением, стремящимся к квадрату в плане, с длиной стороны 15–20 м. Вход в нее располагался в середине одной из стен, оформляясь выступающими пилонами (арка или пештак – ?). По углам стены фланкировались декоративными башенками (рис. 11).

Для большинства из усадеб характерно сходное планировочное решение – большой подквадратный центральный зал на главной оси с расположенными по периметру помещениями. Зал соединялся с входом открытым широким коридором, что позволило С. Хмельницкому говорить о подобии айвана [Хмельницкий, 1997: 109]. Остальные помещения имели проходы непосредственно из центрального зала, были соединены через проходные комнаты или имели вход из коридора. В одном случае, по предложенной С. Хмельницким реконструкции плана [Хмельницкий, 1997: 146–148], отмечена иная, трехдольная планировочная схема усадьбы.

В определённом смысле слова визитной карточкой городища является серия высокохудожественных оссуариев – своеобразных погребальных сосудов зарострийцев (илл. 26). Они были найдены как экспедицией А.Н. Бернштама в 1938–1939 гг., так и во время раскопок под руководством В.Д. Горячевой в 70–80-х годах прошлого века [Чуйская долина, 1950; Горячева, 1988]. Впрочем, найдены они в разных местах городища и относятся к разным хронологическим периодам [Кольченко, 2008].

Значительную известность городищу Красная Речка принесло изучение двух буддийских храмов.

Первый буддийский храм городища располагался в рабаде, за логом и рвом у южной стены большого шахристана [Чуйская долина, 1950: 28–29, 38–42; Кожемяко, 1989: 17–21; Кожемяко, 1989-а: 34–36]. Храмовое сооружение являлось вторым строительным горизонтом в объекте. Первый его горизонт составлял замок,

Рис. 11. Городище Красная Речка. Планы жилых строений.

1–5 – усадьбы (по: [Кожемяко, 1967; Горячева, Перегудова, 1989]), 6 – жилой дом (по: [Кожемяко, 1967]), 7 – загородный дворец/караван-сарай (по: [Горячева, Перегудова, 1989])

раскопанный П.Н. Кожемяко в 1962–1963 гг., ориентированный углами по сторонам света, что учитывало рельеф местности. Замок был обнесён мощной стеной двора (57 x 60,5 x 64 x 57 м), занимая в северном углу около 20–25% территории. В третий период над буддийским храмом был сооружен жилой дом XI–XII вв., раскопанный полностью в 1940 г. под руководством А.Н. Бернштама [Чуйская долина, 1950: 38–43].

Храм состоял из двух частей. В северо-восточной части располагалось небольшое святилище с обходными коридорами и открытым (?) на юго-восток во двор залом с суфами вдоль стен. В юго-западной части выявлено два помещения. Северное из них было с суфами вдоль трех стен. Другое было открыто на юго-восток (или, как и в первой части, с несохранившейся стеной).

Объект на основании архитектурно-планировочных решений и найденных фрагментов настенных росписей, изображающих «букет цветов – астры» и Будду, «выполненного в той же манере» китайскими мастерами [Чуйская долина, 1950: 29], интерпретирован как буддийский храм П.Н. Кожемяко [Кожемяко, 1989: 18–19]. В.Д. Горячева полагает, что он мог быть оставлен и местной общиной манихейцев [Горячева, 2010: 117].

По П.Н. Кожемяко храм, построенный не ранее 20-х годов VIII в., существовал и «после первой половины X в.» [Кожемяко, 1989: 21; Кожемяко, 1989-а: 35–36].

Второй буддийский храм городища Красная Речка так же располагался в рабде,

в 240 м к юго-востоку от цитадели, на надпойменной террасе. Храм ориентирован сторонами по странам света и был поставлен на забутованные остатки нижележащего монументального сооружения с иной ориентировкой стен. В истории его появления исследователи различают два строительных периода [Горячева, Перегудова, 1996: 172].

Композиционной основой храма является квадратное святилище, перекрытое куполом, с единственным выходом на восток. Северная внешняя стена, стоявшая на краю холма, не сохранилась и во всех построениях она предполагается симметричной южной (рис. 12).

В первом периоде храм имел, по словам исследователей, четырехколенный обходной коридор. В заднем коридоре к стене святилища на всю её длину приставлена суфа с колоссальной скульптурой Спящего Будды [Кожемяко, 1989: 22].

Во втором периоде передняя стена демонтируется, а северная (?) и южная стены удлиняются в восточном направлении. Таким образом, перед святилищем образуется открытый (?) на восток зал. Вход в святилище подчеркивается пятиступенчатой лестницей в обрамлении «пештака со сводчатой нишей» и стоящими скульптурными изображениями бодхисатв по 2,5 м [Горячева, Перегудова, 1996: 173–174; Горячева, 2010: 112].

Реконструируя так строительную историю храма, исследователи считали его полной аналогией Первому акбешимскому храму, предполагая наличие привратной части в имевшихся восточнее всхолмлениях [Горячева, Перегудова, 1996: 172–174]. Однако проведенное В.Д. Горячевой и японским исследователем К. Като во второй половине 90-х годов XX в. вскрытие этого пространства полностью опровергло предположение о привратной части: восточные холмы скрывали жилую усадьбу с двумя периодами функционирования, датируемую XI–XII вв. и не имевшую к храму ни малейшего отношения. Зато о примыкании строительных конструкций к южной внешней (?) стене храма фактически ничего не сообщается.

В ходе исследований на объекте фиксировались остатки настенных росписей и глиняной скульптуры, относящиеся как к первому периоду, так и ко второму. Среди фрагментов в южном коридоре между слоями пола были выявлены глиняные завитки волос и форма для их изготовления. В святилище были обнаружены

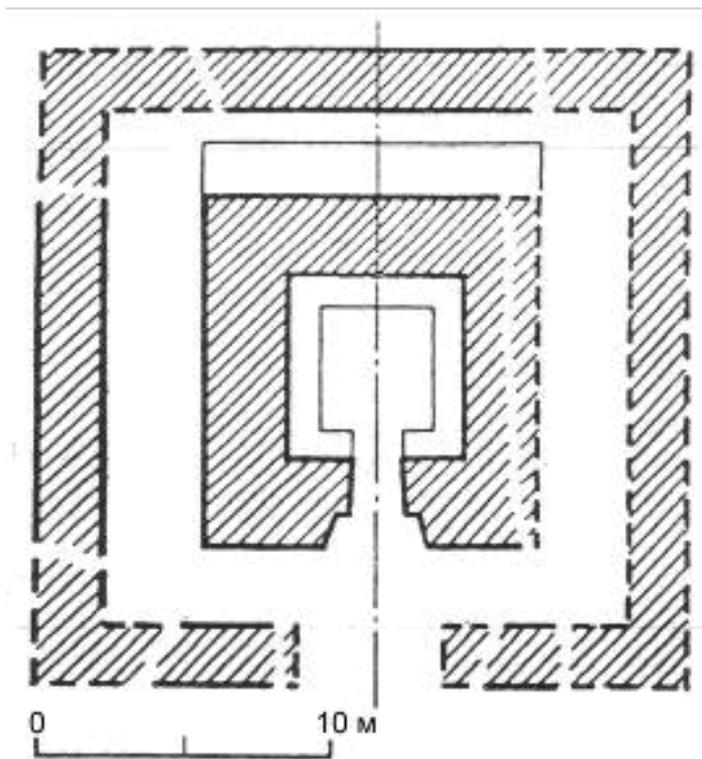

Рис. 12. Городище Красная Речка. 2-ой буддийский храм.
План по первому горизонту (по: [Горячева, Перегудова, 1996])

миниатюрная позолоченная скульптурка Авалокитешвары (илл. 27) и надписи на бересте.

Объект идентифицирован П.Н. Кожемяко как буддийский храм [Кожемяко, 1989: 22]. В.Д. Горячева, основной исследователь храма, считает, что он возник в VII в., перестройка его произошла в сер. VIII в. [Горячева, Перегудова, 1996: 173–174; Горячева 2010: 112], а разрушен он был «тюрками-иноверцами (не позднее IX в.)» [Горячева, 1988: 54].

В 2004–2007 гг. в рамках проекта «Сохранение памятников Великого шёлкового пути в верховьях Чуйской долины: Невакет (Красная Речка), Суяб (Ак-Бешим), Баласагун (Бурана)», организованного ЮНЕСКО при финансировании Японского трастового фонда, проводились работы по документированию объекта и его консервации. Среди прочего в небольших вынужденных шурфах в святилище были зафиксированы фрагменты глиняной скульптуры (завитки волос) и остатки росписей. Это дает основание предполагать, что нижележащее здание также связано с буддизмом.

Как мы отмечали выше, в южной пристройке находился буддийский монастырь с огромной ступой-доминантой в центре. Один холм в этом комплексе исследуется с 2010 г. Как было установлено, под оплывами находилось монументальное строение, имевшее три периода перестроек в своей истории, из которых на втором и третьем оно являлась буддийским храмом [Торгоев и др., 2012; Торгоев и др., 2014].

Храм был прямоугольным, несколько вытянутым в меридиональном направлении и имел размеры 22,4 x 19,5 м. Основа архитектурной композиции – почти квадратное (8 x 7,3 м) помещение целлы, открытой на восток, в сторону входа. Вокруг неё – обвод коридоров, шириной 1,8–2 м. Восточный коридор двумя пилонами был разделён на три части, центральная из которых служила входным вестибюлем, размерами 7 x 1,8 м. Вся постройка была помещена на кирпичную (или облицованную кирпичом) платформу, высотой не менее 1 м. Широкий (не менее 6,4 м) наклонный подъём, лестничный на первом этапе и пандусный на втором и третьем, располагался в середине восточной стены. Из западного обводного коридора был проход к ступе. Он располагался в северном углу во втором строительном периоде, а в третьем – в середине [Торгоев и др., 2014: 127].

В центральном помещении (целле) существовавший на первом этапе проход был превращён в глубокую алтарную нишу, в которой помещена глиняная скульптурная композиция. Её основу составляла фигура сидящего в позе лотоса Будды, колени которого разведены на 1,54 м. Скульптура сохранилась *in situ* на треть своей высоты (0,7 м). Есть основания полагать, что она была разрушена уже после прекращения функционирования храма – местные караханидские жители вынули из её тулова деревянный столб-каркас (d 18–29 см). По сторонам от Будды были более мелкие фигуры престоющих, от которых сохранились *in situ* только ступни правой фигуры. Вся композиция располагалась на невысоком пьедестале. Алтарная ниша имела декоративное архитектурное обрамление – колонки и полуколонки, нишки для светильников и подношений (илл. 28). Вдоль северной и южной стен целлы располагались невысокие широкие суфы, на которых также покоились скульптуры. Стены как целлы, так и коридоров, были расписаны сюжетными сценами и орнаментальными мотивами, которые в наших климатических условиях очень плохо сохраняются [Торгоев и др., 2014: 127–128].

Илл. 27. Находки из раскопок 2-го буддийского храма городища Красная Речка

Илл. 28. Алтарная ниша с остатками глиняной скульптуры Будды храма буддийского монастыря на фоне доминирующего холма ступы. Вид с востока

Илл. 29. Бронзовые изделия. Городище Красная Речка, случайные находки

Илл. 30. Столовые приборы. Городище Красная Речка

Сооружен объект был не ранее VIII в. и пришёл в полный упадок уже в XI в. В его планировочных решениях и декоре прослеживается больше влияний Восточного Туркестана, нежели Согда и Тохаристана [Торгоев и др., 2014: 128–130].

В разные годы на городище, среди прочего множества всевозможных находок (илл. 29-30), были найдены памятники эпиграфики, написанные на согдийском, сирийском, индийском, арабском языках, что, бесспорно, свидетельствует о значении города, как центра международной транзитной торговли.

Городища Чуйской долины, как вышеописанные, так и другие, расположенные с не меньшей плотностью западнее их, маркируют Путь к такому важному узловому пункту на ВШП, как Тараз. По нему и проследовал в 629 г. Сюань-Цзянь.

Вероятно, от городища Красная Речка шло ответвление на север в Илийскую долину [Байпаков, 1998; Горячева, 2010]. Также на север к бродам через реку Чу, в среднем её течении отворачивала ветвь вдоль реки Аксуу, начинавшаяся от городища Беловодская крепость. А от Ак-Бешима и Бураны на юг – через перевал Шамси, Кочкорское городище, далее через Тянь-Шань в Кашгарию и Фергану уходил ещё один маршрут [Кольченко, 2003-а]. Но активно последний участок Пути стал функционировать, судя по археологическим свидетельствам, в X–XI вв.

ПАМЯТНИКИ ТАЛАССКОЙ ДОЛИНЫ

От Тараза дорога шла в разных направлениях. Одна из них вела в верховья Таласской долины, ныне находящейся в административных пределах Кыргызстана. Активное функционирование этого пути, как уже упоминалось выше, принято относить к раннему средневековью. Однако из письменных источников известно, что еще в древности по проходу в Кара-Бууринском ущелье, через одноименный перевал в Таласском Ала-Тоо и Чанач в Чаткальском хребте, осуществлялись контакты с северо-восточной Ферганой [Байпаков, 1998: 12]. Именно этим путем шла часть китайских отрядов, посланных на усмирение гуннского вождя Чжи-Чжи в 36 г. до н.э., ставка которого находилась в верховьях Таласа [Аристов, 2001: 19]. Правда, некоторые исследователи склонны считать, что эти контакты не вписывались в контекст международной торговли, осуществлявшейся по уже функционировавшей тогда трассе, а носили внутренний, региональный характер в рамках кочевых и полукочевых владений Усунь, Кангюй и др. [Горячева, 2010: 78]. Вряд ли с этим мнением можно согласиться, так как источники свидетельствуют об интенсивности связей этих раннегосударственных образований с ханьским Китаем, что подтверждается и данными археологических раскопок.

Кенкольский могильник. К эпохе ранних контактов относится и известный в исследовательской литературе памятник – Кенкольский могильник (илл. 31), давший название целой археологической культуре региона и приписываемый А.Н. Бернштамом гуннам, считавшим, что именно с них начинаются процессы монголизации физического типа местного населения и его тюркизации по языку. Столь прямолинейное толкование впоследствии оспаривалось другими исследователями, предлагавшими различные версии этнической атрибуции «кенкольцев» (Горячева, Перегудова, 1995: 24–26). Могильник расположен в верхней части Таласа, у устья его правого притока Кенкола, на адырах, к востоку от мавзолея, именуемого местным населением «гумбез Манаса». Большая часть изученных курганов представляла собой катакомбы, состоящие из двух конструктивных частей: дромоса (коридора) и сводчатой погребальной камеры. Последняя, как правило, длинной осью была перпендикулярна коридору. Вход в камеру после погребения закладывался камнями, сырцовыми кирпичами, деревянными плахами. В погребениях зафиксированы одиночные, парные и групповые захоронения. Особо следует отметить практикуемый «кенкольцами» обычай искусственной деформации черепов. Богатый вещественный материал, в числе которых предметы утвари, оружие, украшения, находки лака и шелковой одежды, демонстрирует активные контакты номадов с различными историко-культурными областями, расположенными вдоль ВШП.

В целом, памятник датируется последними веками до н.э. и первыми веками н.э. Этой же эпохой датируются и петроглифы, находящиеся чуть выше могильника, на мелких сланцевых выходах, репертуар которых отражает хозяйственно-обрядовую жизнь кочевого населения [Бернштам, 1997: 21–62; Археологические ..., 1963: 33–54; Аманбаева и др., 2007: 27–33].

В раннее средневековье, в эпоху различных тюркских каганатов, в этой зоне формируются центры оседлой и городской культуры. В их появлении и развитии решающую роль сыграли разные факторы – как наличие полезных ископаемых, так и удобных для земледелия земель. Позитивно отразились на урбанизации региона и миграционные процессы из земледельческих южных, центральных и западных среднеазиатских земель, в частности, из Согда. Именно к этому времени относятся ранние слои нескольких крупных городищ в верхнеталасской зоне. Правда, Сюань Цзянь, проехавший в 629 г. через нижнюю часть долины, упоминает только город Тараз, что вполне объяснимо, так как его маршрут пролегал в другом направлении – в сторону Испиджаба и далее [Бартольд, 1996: 384].

Область Шельджи и её города. В X–XII вв. верхняя и средняя части долины в арабграфических источниках именуется рудной областью Шельджи, являющейся одним из основных поставщиков серебра в мусульманском мире (Истахри, ибн Хаукаль, Кудама, ал-Мукаддаси). Идриси упоминает еще одно название серебрянорудной области в Таласе в XII в. – Габриан. Само название принято связывать с одним из названий серебра, приводимого ал-Бируни – «гараб».

В тех же источниках приводятся и названия некоторых исторических городов, которые располагались к юго-востоку от Тараза. Все они достаточно четко локализируются на местности и отождествляются с конкретными городищами, являющимися и своеобразными маркерами Пути, проходившего здесь. Это Атлах (Джоон-Тобе) на западной окраине села Кенеш, вблизи кыргызско-казахской границы, Шельджи (Садыр-Кургон) у села Кировское (совр. Кызыл-Адыр), Сус (Чалдывар) возле села Водное (совр. Мин-Булак), Куль (Ак-Тобе Орловское) у села Орловка (совр. Ак-Тобе), Текабкет (Ак-Тобе Таласское) к востоку от города Талас [Бартольд, 1996: 385–386; Горячева, 2010: 46–47]. Ал-Мукаддаси, перечисляя их, приводит и данные об их величине, наличии оборонительных стен, расположении мечетей и рынков, роде занятий населения, его составе. Так, он говорит об Атлахе, как городе, приближающемся по площади к столичному центру округа, т.е., к Испиджабу или Таразу. Шельджи, расположенный среди гор, назван небольшим городом; особо отмечено, что в нем много иноземцев, из которых только исфаганцев 10000; упоминает он и семь селений, стоящих на среднем течении реки. Сус характеризуется как большой город, а о Куле говорится, что он меньше предыдущего. Последний городской центр в ряду перечисленных – Текабкет, половину жителей которого составляли неверные. Отмечается, что эти три города находятся вблизи гор с серебряными рудниками [Бартольд, 1996: 386]. Кудама ибн Джафар, автор X в., упоминает об отрезке Пути, пролежавшего от Тараза до Верхнего Барсхана через долины Таласа, Суусамыра, Кочкора [Караев, 1984: 242–243] и соединявшего этот подрегион с Внутренним Тянь-Шанем и Прииссыккульем, имевшими прямые выходы в Восточный Туркестан.

Как показывают работы археологов, в действительности, городов и поселений было около 60 [Археологические ..., 1963: 113; Горячева, Перегудова, 1995: 44].

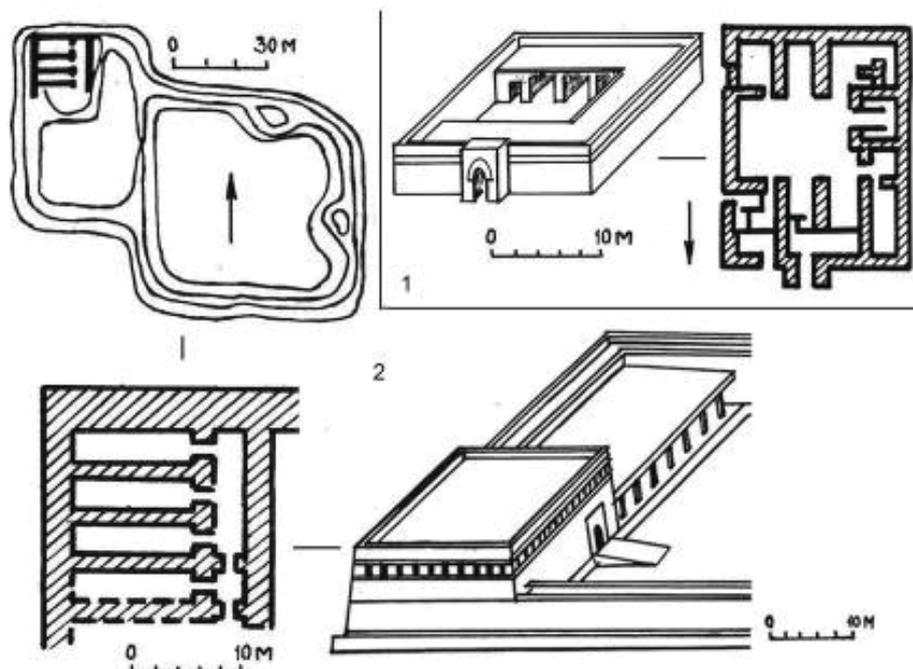

Рис. 13. Усадьбы с городищ верхнего Таласа.

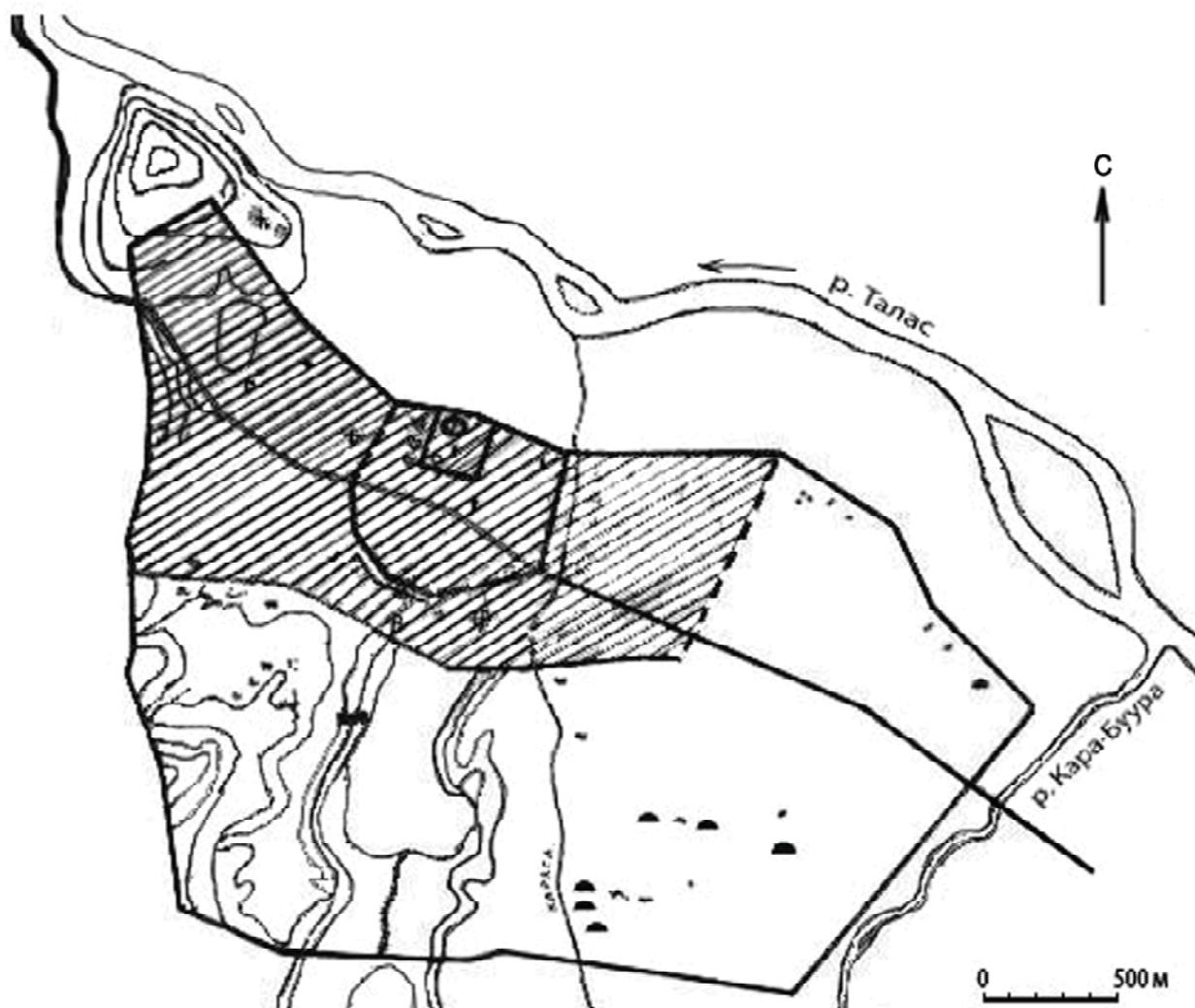
Планы, графические реконструкции

(по: [Горячева, Перегудова, 1995]). 1 – Ак-Тобе Таласское (Текабкет); 2 – Ак-Тобе Орловское (Куль)

Большинство памятников, в той или иной степени, изучались в 1938 г. Семиреченской экспедицией, а в 1958–1959 и 1960 гг. – Таласской экспедицией [Бернштам, 1997: 79–139; Археологические..., 1963: 113–223].

Городище Садыр-Курган. Исключение составляет Садыр-Курган (рис. 14), на котором в конце 60-х и в самом начале 70-х годов прошлого века были проведены значительные по объему раскопочные работы, связанные с его нахождением в зоне затопления строящегося тогда Кировского водохранилища [Кожемяко, 1970: 35–38]. Особого внимания заслуживают раскопки цитадели, в которой вскрыты руины дворцового комплекса, представляющие собой монументальную постройку, площадью более 200 м². Дворец был сооружен и использовался в течение XI–XII вв.; после краткого запустения в начале XIII в., продолжал функционировать до середины или до конца XIV в. (рис. 15; илл. 35) [Кожемяко, 1969: 454–455]. К сожалению, результаты исследований до сих пор не получили достойного отражения в научной литературе.

По географическому расположению и топографической структуре памятники разделяются на несколько групп. В первую входят наиболее крупные из них, имеющие значительные размеры, состоящие из цитадели, шахристана и округи, окруженных длинными стенами, аналогичными тем, которые известны по чуйско-иссыккульским городищам. В их размещении на местности наблюдается четкая закономерность: они находятся вдоль поймы главной водной артерии долины – р. Таласа, чаще всего, в местах впадения в него различных притоков, на расстоянии 15–20 км друг от друга [Байпаков, 1986: 70–71]. К числу таких относятся четыре перечисленных выше городища: Джоон-Тобе, Садыр-Курган, Ак-Тобе Орловское, Ак-Тобе Таласское [Археологические ..., 1963: 113].

Рис. 14. Городище Садыр-Курган.
План. Составлен краеведом М.Ф. Туром

Вторая группа также представлена городищами, у которых хорошо выражены центральные развалины, а округа со следами обживания, примыкающая к ним, не имеет внешних оборонительных сооружений. Они также расположены вдоль речной полосы Таласа и его крупных многоводных притоков. К таковым относится Чалдывар.

В третьей группе находятся небольшие поселения, которые, как правило, размещались в верховьях рек, по ущельям, иногда между крупными городищами на равнине. Следы деятельности за пределами внешних стен прослеживаются редко. Зафиксированы также временные поселения, которые были связаны только с разработкой руды [Археологические ..., 1963: 113].

Спецификой больших и малых поселений верхней и средней зоны Таласа в X–XII вв. является наличие большого количества шлаков. На городищах с длинными стенами зарегистрированы выходы отвалов, высотой до 2 м и протяженностью до 200 м. Эти обстоятельства свидетельствуют о большой роли горнорудного и металлургического производств в этом подрегионе, о чем говорят и письменные

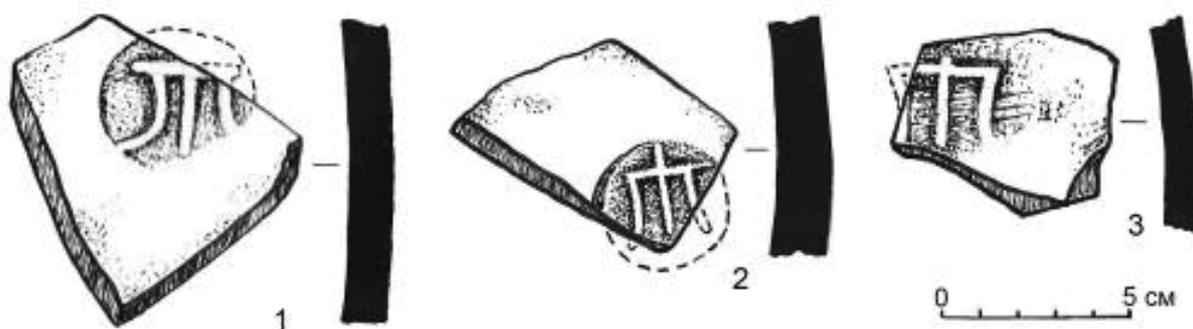

Рис. 15. Городище Садыр-Курган. Фрагменты сосудов с оттисками тюркских тамг

источники. В основном добывалось серебро; в значительно меньшем количестве разрабатывались россыпное золото и медь [Археологические ..., 1963: 224–225]. Причем в их добыче, помимо местного населения, принимали участие и жители других регионов, в частности, Хорасана [Бартольд, 1996: 386]. По мнению М.А. Бубновой, разработка серебра в Шельджи в IX–XII вв. велась выходцами из Шаша (область Ташкента). На городище Ак-Тобе Орловское (Куль) зачищена мастерская по переработке свинцово-серебряных руд (рис. 13, 2), [Археологические ..., 1963: 133–135].

Городище Ак-Тобе Таласское. В 30 км, к северо-востоку от этого памятника, находится Ак-Тобе Таласское, отождествляемое с Текабкетом (рис. 13, 1). Здесь, к востоку от шахристана, раскопана усадьба, занимающая площадь 60 x 40 м и расположенная в пределах первого кольца стен. Здание с длиной сторон 14,3 x 21–23 м находилось в углу хорошо укрепленного участка; расчищена только сама постройка с сохранностью стен на высоту 2–2,5 м, что свидетельствует о наличии второго этажа. Сооружена была она в раннее средневековье, однако использовалась в течение длительного времени, последний из этапов обживания которой относится к X–XII вв. [Археологические..., 1963: 160–164].

В зоне этого городища расположены и другие интересные памятники, явно связанные с ним. Это замок Кулан-Корук, через который проходит водопровод, начинавшийся у подножия Таласского хребта и заканчивающийся в цитадели Текабкета, а к северу от города и замка расположены ущелья Кулан-Сай и Терек-Сай, где находятся наскальные надписи, выполненные согдийским вертикальным курсивным письмом, датируемые началом X – первой половиной XI вв. (илл. 34).

Надписи ущелья Кулан-Сай и Терек-Сай. По мнению специалистов, они высечены путниками, поднимавшимися по горной тропе, ведущей в Чуйскую долину и носящих тюркские имена. Есть вероятность того, что они относились к христианской или манихейской общинам. Видимо, поэтому в средневековом источнике и указывается, что половина жителей Текабкета – иноверцы. Примечательно и то, что на этих же скалах имеются и рунические надписи, сопровождаемые тюркскими тамгами.

Из отдельных находок, обнаруженных в зоне этого же памятника, интерес вызывает каменный портрет мужчины с рунической надписью (илл. 33). Ак-Тобе Таласское, в числе немногих городищ, на которых жизнь продолжалась и после

Илл. 31. Территория Кенкольского могильника. Вид с севера

Илл. 32. Гумбез Манаса. XIV в. Вид с юго-запада

Илл. 33. Глиняная голова тюрка с рунической надписью.
Город Талас

Илл. 34. Согдийкая надпись. Ущелье Кулан-Сай. Вид с юга

Илл. 35. Глазурованные блюда-ляганы XII в. Городище Садыр-Курган

монгольского нашествия. В связи с чем, некоторые исследователи склонны локализовать здесь новый, политический центр долины в XIV в. – Янги-Талас. Известно, что при Тимуре, наиб назначался именно в указанный город [Байпаков, 2002: 27].

Гумбез Манаса. Этими обстоятельствами, вероятно, и объясняется формирование некрополя в 4 км к юго-востоку от него, на котором в 1334 г. был сооружен замечательный мавзолей, принадлежащий одной из чагатаидских принцесс, но традиционно связываемый кыргызским населением с именем эпического героя – Манаса [Массон, Пугаченкова, 1950].

Здание представляет собой однокамерное сооружение кубовидной формы, перекрытое двумя куполами, внутренний из которых имеет сферическую форму, а внешний – ребристого островерхого шатра, увенчанного навершием (илл. 32). Главной достопримечательностью мавзолея является художественно оформленный портал, выделенный в южной стене. Он сплошь облицован терракотовой архитектурной плиткой. Декор отличается гармоничным соотношением геометрических, растительных и эпиграфических узоров. Узловыми элементами композиции являются две равные по ширине ленты, содержащие религиозную и историческую надписи. Мавзолей является одним из самых поздних памятников региона, в орнаментации которого была использована резная терракота [Помаскин, 1972]. Значение же его для культуры Кыргызстана определяется не только архитектурно-художественными достоинствами, но и тем, что связываемый народной традицией с именем Манаса, он является одним из общенациональных символов.

Несомненную ценность представляет и нематериальное культурное наследие, в виде различных ритуалов и обрядов, связанных с инициацией манасчы-сказителя эпической трилогии «Манас», а также с разными доисламскими верованиями – культурами деревьев, воды, гор, плодородия, зоолатрией, среди которых – поклонение муравьиным кучам и шаманизмом, часто представленного женщинами. На протяжении длительного времени в Кенкольском ущелье не изменилась и традиционная форма землепользования, т.е. использование территории в качестве летних пастбищ – джайлоо. Этими обстоятельствами и объясняется то, что комплекс памятников, состоящий из Ак-Тобе (Таласское), Кенкольского могильника и петроглифов, мавзолея XIV в. и богатейшего нематериального наследия, включен в Предварительный список памятников Кыргызстана, связанных с Шёлковым путем.

Таким образом, кыргызстанская часть Таласской долины также входила в зону функционирования этой магистрали, особенно в средневековую эпоху и, несмотря на относительную территориальную изолированность, имела доступ к транзитным коридорам, через которые осуществлялись разноплановые связи с различными культурными областями тогдашнего мира. Следует отметить, что описываемый отрезок Пути, в древности и средневековье исполнял роль смычки между различными ветками ВШП, сохраняя при этом свою специфику. Причем этот подрегион, был не только рынком сбыта товаров, но и поставщиком и, в первую очередь, серебряной руды, основного материала для чеканки монет, имевших хождение по всем трассам ВШП.

* * *

Как мы писали выше, от Суяба (Ак-Бешима) и Баласагуна (Бураны) дорога шла на юг в горы, к ущелью Шамси, в котором зафиксировано три городища, расположенных вдоль левобережья реки, недалеко друг от друга. В плане все они – неправильной четырехугольной формы, с остатками башен на стенах, без видимых следов застройки во внутреннем пространстве. По мнению П.Н. Кожемяко, это были временные укрепления. Однако не исключено, что они использовались для охраны и обслуживания проходящего здесь отрезка Пути. На основании полученных материалов, шамсинские городища датированы караханидским временем [Кожемяко, 1959: 154–156]. Перевалив Кыргызский хребет, вьючная дорога выходила в Кочкорскую долину Внутреннего Тянь-Шаня.

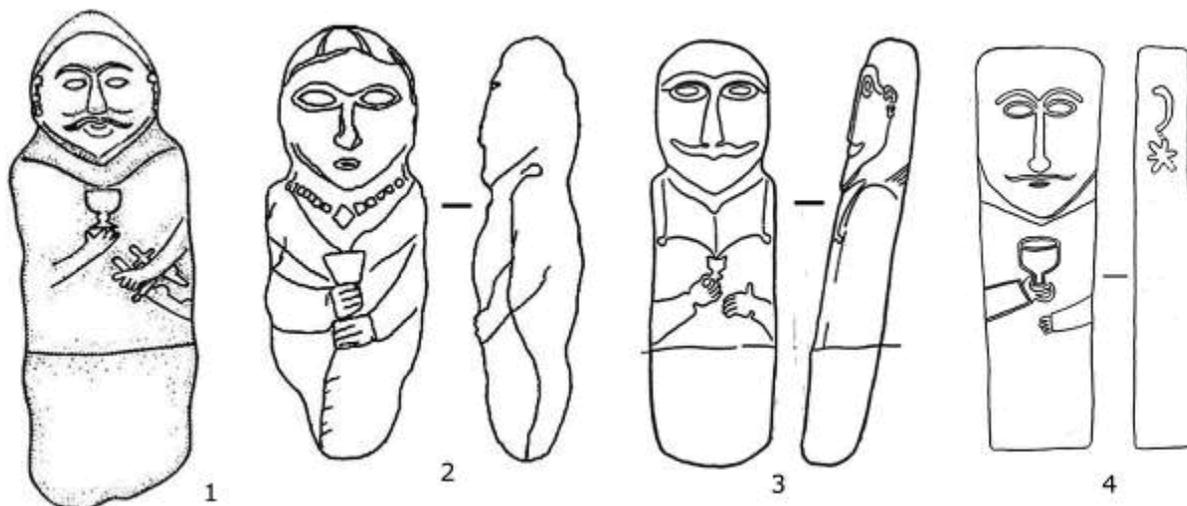
ПАМЯТНИКИ ВНУТРЕННЕГО ТЯНЬ-ШАНЯ

Сложное сочетание гор Внутреннего Тянь-Шаня и расположенных между ними долин, сопровождается развитой речной системой и климатическими условиями, благоприятными для занятий животноводством. В то же время комплекс природных условий позволяет заниматься и земледелием [География ..., 1978: 50]. В конце I тыс. этот потенциал реализуется: в регионе возникает значительное количество поселений, крепостей, караван-сараев [Кибиров, 1959]. Естественно, что они сооружались вдоль традиционных путей, формирование которых, надо полагать, происходило в период господства в регионе ранних кочевников и их оживленных дипломатических отношений с империей Хань. Как отголоски этих связей в этом регионе зафиксированы многочисленные погребально-поминальные памятники сако-усуньской, гуннской и тюркской культур, в которых часто встречаются и находки импортных предметов.

Особая роль в истории формирования Пути принадлежит эпохе тюркских каганатов. Именно в этот период в регионе начинаются процессы седентеризации кочевого населения, а затем и урбанизации. Постепенно регион входит в зону функционирования ВШП, осуществляя транзитную торговлю с Китаем и государствами Восточного Туркестана, Средней Азии и Запада. Этими факторами, видимо, в определенной степени было обусловлено появление городов, поселений и караван-сараев во Внутреннем Тянь-Шане, который до этого был территорией проживания исключительно кочевников.

Письменные источники о ВШП на Тянь-Шане. Сведения об ответвлениях Великого шёлкового пути во Внутреннем Тянь-Шане встречаются в сочинениях арабо-персидских авторов, начиная с IX–XI вв. Так, в «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгари говорится, что существовала дорога из Баласагуна через перевал Замби-Арт (совр. Шамси), которая спускалась к Кочкор-Башы, и она в те времена являлась основной вьючной дорогой между Чуйской и Кочкорской долинами. На карте Махмуда Кашгари между Баласагуном и Кочкор-Башы показан горный хребет, который, скорее всего, соответствует хребту Кыргызского Ала-Тоо. Далее путь следовал в область Верхний Барсхан в Прииссыккулье, или через перевал Долон выходил в долины рек Нарын и Ат-Башы к средневековому городу Атбаш [Караев, 1983: 227].

Другая внутритяньшаньская ветка Пути шла с территории южного Кыргызстана: от Узгена вдоль реки Яссы, пересекая Ферганский хребет, спускалась в долины рек Ала-Бука и Нарын, выводя к Атбашу. Отсюда, соединившись с дорогой из Кочкорской долины, через перевалы Таш-Рабат и Торугарт Путь выводил караваны к Кашгару [Караев, 1983: 242].

Рис. 16. Туркские изваяния Внутреннего Тянь-Шаня.

1 – Калмак-Таш, Кочкорская долина (по: [Худяков, Табалдиев, 2009]), 2 – музея Кошой-Коргона (по: [Москалев, Солтобаев, 2008]), 3 – Узбек-Сай, оз. Сон-Куль, (по: [Шер, 1966]), 4 – р. Чалай, Кочкорская долина (по: [Москалев, 2008])

Существовали и другие маршруты, которые в той или иной степени имели отношение к описываемому региону, однако формат настоящей публикации не предполагает подробного их описания.

Памятники кочевников Тянь-Шаня. Следует отметить, что для этого региона, который долгое время был заселен кочевым населением, особо важное место занимают памятники, оставленные номадами, среди которых значительна доля средневековых объектов. Это, главным образом, курганные могильники, поминальные оградки с изваяниями и рунические надписи, найденные относительно недавно в Кочкорской долине. Наиболее ярко они представлены в местностях Семиз-Бел, Бел-Саз I-III, Беш-Таш-Короо I-III, Суттуу-Булак I-II, Таш-тюбе, Кара-Куджур, Желе-Добо, Кичи-Ача, Сеок I-II, Чон-Добо и др., расположенных в межгорных урочищах и предгорной зоне Кочкорской долины.

Основную группу перечисленных видов памятников составляют объекты, связанные с погребально-поминальными обрядами, насыщенная концентрация которых характерна для юго-восточной части долины.

Курганы расположены компактно. Внешне это небольшие, округлые каменно-земляные насыпи, основания которых иногда укреплены крупными камнями. Подземные части – погребальные ямы – имеют подбои, в которые и помещался покойник; во входной яме хоронили коня погребенного.

Погребальный инвентарь из курганов представлен, в основном, предметами домашнего обихода, оружием, украшениями, конским убранством, обычно в полном снаряжении и т.п. Изредка встречаются органические артефакты – фрагменты кожаных изделий, тканей, в том числе и импортных шёлковых (илл. 37, 1) [Табалдиев, 1996].

Поблизости от курганных могильников, обычно располагались поминальные оградки, сооруженные из вертикально установленных скальных плит, в плане

Илл. 36. Тюркские каменные изваяния Тянь-Шаня.

1 – Кочкорская долина, 2 – Узбек-Сай, побережье оз. Сон-Куль (по: [Табалдиев, 2011])

Илл. 37. Бронзовое зеркало (1) и фрагмент венчика с арабской надписью (2).

1 – могильник Сутту-Булак, 2 – городище Кочкорское

Илл. 38. Изображение всадника и рунической надписи. Кочкорская долина, Кок-Сай

Илл. 39. Руническая надпись. Кочкорская долина, Кок-Сай

прямоугольника. С западной стороны, лицом на запад устанавливались каменные изваяния, заменяемые иногда стелами или валунами. Нужно отметить, что западная установка и ориентировка изваяний – одна из главных характерных особенностей для памятников этого вида в Кыргызстане [Табалдиев, 1996].

Комплексы из оградок и каменных скульптур сооружались родственниками умерших для проведения поминальных ритуалов и обрядов через определенные промежутки времени.

При изучении этих объектов в центральной части сооружения фиксировались следы ритуальных действий. Но иногда в оградках встречались захоронения коней в абсолютном анатомическом порядке, с полным снаряжением, или обезглавленные конские скелеты. Правда, подобных находок на Тянь-Шане (и в целом по Кыргызстану) зафиксировано немного. Аналогичные захоронения в поминальных сооружениях были найдены и на территории Алтая [Табалдиев, 1996, Сулайманова, 2005, 11; 2007, 35].

Каменные изваяния обычно представляют облик мужчин-воинов с оружием (кинжал, сабля), держащих в правой руке сосуд (бокал). На лучших образцах изваяний отчетливо показаны детали одежды, головного убора (некоторые в виде «трехрогой тиары»), пояса, иногда прически (чаще всего, косы в семь рядов) (рис. 16; илл. 36, 1-2) [Шер, 1975; Табалдиев, 1996].

Петроглифы Тянь-Шаня. Другой вид памятников, соотносимый с кочевым населением – петроглифы. Последние являются широко распространенным видом памятников Кыргызстана. Они зафиксированы в ряде местностей, таких как Кок-Сай, Калмак-Таш, Ийри-Суу, Жоо-Журук, Кыргызбай-Булун и др., и в основном относятся к эпохе древних тюрков. Рисунки выбиты на валунах, глыбах и на скальных выходах. Их репертуар характерен для наскального искусства средневековья, аналогии которому встречаются не только на территории Кыргызстана, но и далеко за его пределами [Худяков, Табалдиев, 2009; Табалдиев, 2011]. Следует отметить, что в описываемом районе больших скоплений с богатым репертуаром, датируемых в широком хронологическом диапазоне, пока не выявлено.

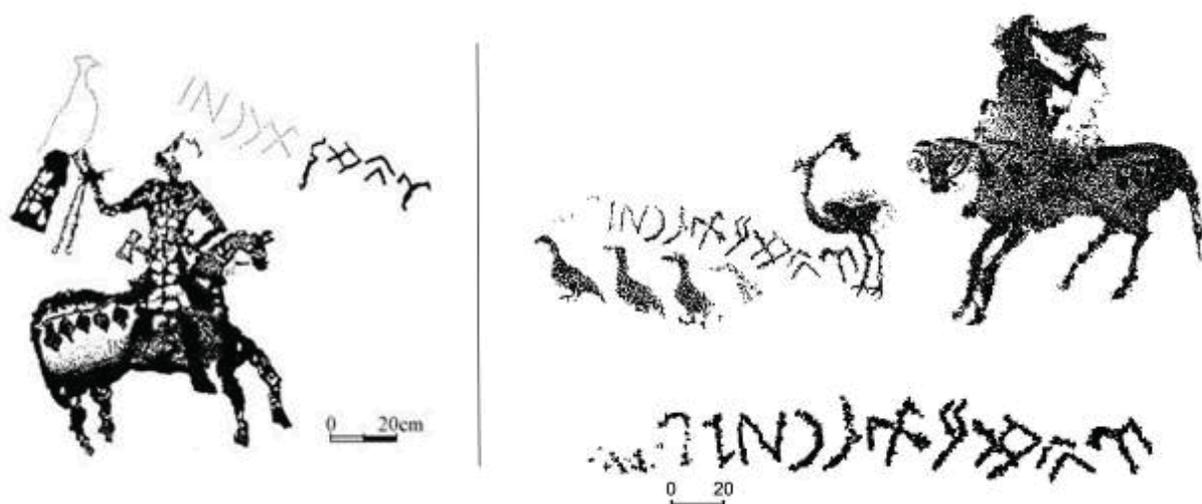

Рис. 17. Рунические надписи Кочкорской долины, сопровождаемые петроглифами. 1 – Кок-Сай, 2 – Бойрок-Булак. (По: [Табалдиев, Солтобаев, 2001])

Рунические надписи. На территории Внутреннего Тянь-Шаня, на рубеже XX–XXI вв., обнаружены рунические надписи, выбитые на валунах. Локализованы они у подножия горы Укок, восточнее села Кочкор, в местности Кок-Сай, на высокой террасе сухого древнего русла (илл. 38-39). Незначительная часть надписей находится в близлежащих урочищах Калмак-Таш, Тоо-Карын, Бойрок-Булак и Кызыл-Булак, Кок-Бука. Всего выявлено 25 надписей, нанесенных сплошной и точечной выбивкой на массивные камни, расположение их горизонтально-линейное, с вертикальным начертанием букв. Строки высотой от 15 до 22 см имеют длину до 2 м. Некоторые из них сопровождаются изображениями тамги, коня, птиц, козла, всадника на коне с ловчей птицей в руках (рис. 17, 1-2), а также арабографическими надписями. Среди последних есть как более ранние по времени нанесения, так и современные.

Это первые памятники эпиграфики, открытые во Внутреннем Тянь-Шане. Они были прочитаны и переведены кыргызскими и российскими исследователями (К.Ш. Табалдиевым, Р. Алимовым, Г. Кляшторным и И.Л. Кызласовым). Состоят надписи всего из нескольких повторяющихся коротких текстов: «Мое мужское имя Адык (Медведь) (в другом варианте «Мое имя мужа-эра – Сыгунак»). Десять стрел ...», «Там впереди (т.е. на востоке) становище (кочевье). Мое мужское имя Адык. Десять стрел ...», «Мое мужское имя Адык. Мой (наш) Ярыш в стране десяти стрел», «Наш Ярыш», «Мужское имя (его) Кесик» и т.п. [Табалдиев, Солтобаев, 2001; Кляшторный, 2002; Кызласов, 2005]. Надпись из Калмак-Таша, была прочтена и в транскрипции передана как «Мое имя мужа-эра – Бильге». Важно подчеркнуть особенность – калмак-ташские надписи выполнены классическим енисейским письмом [Кызласов, 2005: 61]. В текстах провозглашается принадлежность земли государству – «стране десяти стрел» и употреблена форма принадлежности во множественном числе – «Наш Ярыш» и т.п. Кочкорская эпиграфика, как и таласская, по мнению специалистов, оставлена тюргешами и является своего рода выражением обычного права кочевников на землю.

У ат-Табари (IX в.) имеется рассказ о том, как тюргешский каган собирал и готовил к походу свое огромное войско: «У хакана были во владении луг и заповедные горы, к которым никто не приближался и не смел охотиться, ибо они оставлены для подготовки к войне. Пространство, которое занимал этот луг, было в три дня пути и заповедника в горах – три дня». Исследователи склонны локализовать этот заповедник в Кочкорской долине [Кляшторный, 2002: 140]. Таким образом, кочкорские рунические надписи являются весьма ценным источником, так как они уточняют локализацию конкретных территорий, занимаемых государством тюргешей и других западно-тюркских племен, во Внутреннем Тянь-Шане.

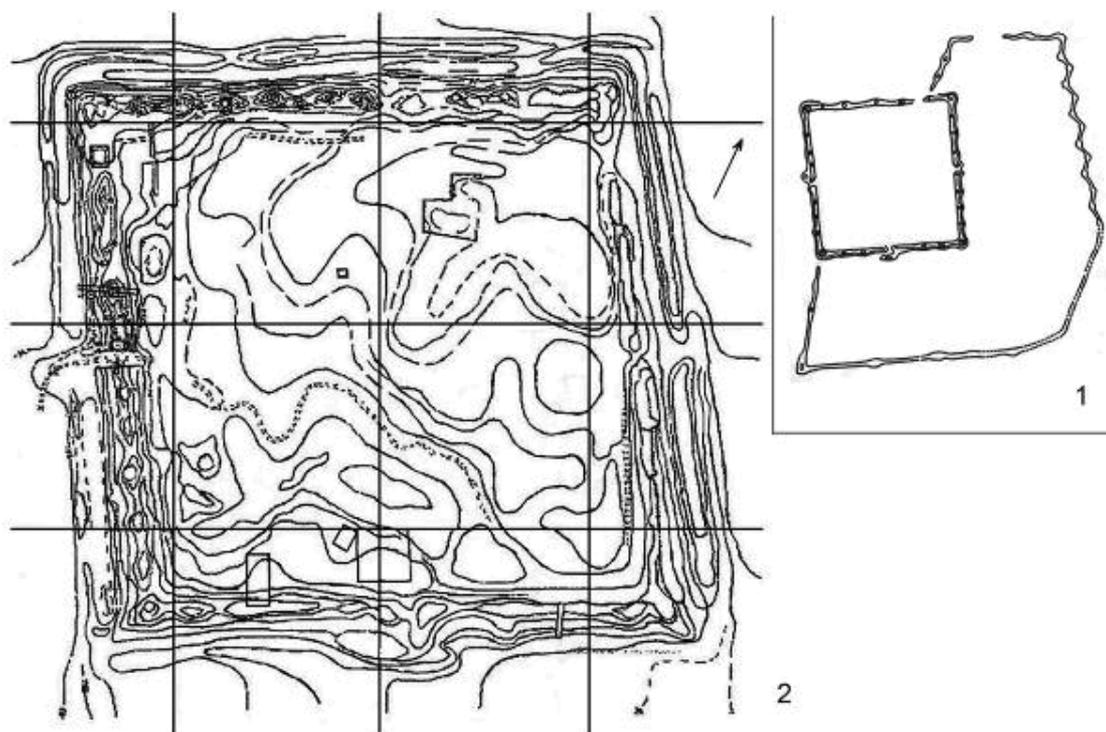
Функционирование Пути приводило к возникновению вдоль него поселений и караван-сараев. Они дошли до нас в виде развалин и бугров, известных под названиями Кочкор-Башы, Кошой-Коргон, Таш-Рабат, Манакельды (Чалдывар), Шырдакбек. Само их наличие маркирует маршруты дорог, проходивших во Внутреннем Тянь-Шане.

Городище Кочкорское (торткуль) расположено юго-западнее с. Кум-Добо на территории Кочкорского района Нарынской области, на левом берегу р. Кочкор, недалеко от его притока Шамшы.

В плане оно прямоугольное, размером 400 x 800 м, окруженное оплывшими валами (Москалев, 2008: 27]. Отождествляется с известным по письменным источникам средневековым городом Каджингарбаши. Это название впервые встречается в «Заин ал-Ахбар» Гардизи (1050–1052 гг.). В нем говорится о том, что в конце лета 992 г. Богра-хан, возвращаясь из Бухары в свою ставку Баласагун, по дороге в Кашгар умирает в местности Кочкор-Башы [Бартольд, 1996: 300]. В «Диван лугат-ат турк» Махмуда Кашгари сообщается, что караваны из Баласагуна, спускаясь с перевала Замби-Арт (Шамси), попадают прямо в город Каджингарбаши.

В свое время А.Н. Бернштам сопоставил данный город с городищем Шырдакбек, расположенным в долине р. Алабуга. Однако этот вариант отождествления пересмотрен рядом исследователей, которые предлагают новое чтение – «Кочкор-Башы» (Коч-ар-Башы) и единодушно локализируют данный город в Кочкорской долине (илл. 37, 2) [Бартольд, 1968: 75; Караев, 1983: 227; Урстанбеков, Чороев, 1990: 85; Кожобеков, 1990; Чоротегин, 1997; Асанов, 2004].

Городище Кошой-Коргон являющееся одним из крупных во Внутреннем Тянь-Шане, находится в центре Ат-Башинской долины, в 12 км западнее от одноименного районного центра (илл. 40). Ещё в XIX в. В.В. Бартольд отождествил эти развалины с историческим городом Атбаш [Бартольд, 1996: 414]. Он упоминается в «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» ибн Хордадбеха [Караев, 2004: 92]. Ибн ал-Асир сообщает о том, что в 482/1089 г. правителем этого города был Якуб-тегин [Бартольд, 1964: 508]. Мухаммед Хайдер, автор «Тарих-и-Рашиди», пишет, что «во время смут, возникших в Моголистане в половине XV в., некоторые эмиры фактически сделались

Рис. 18. Городище Кошой-Коргон. 1 – план-схема шахристана и пристройки (по: [Бернштам, 1952]); 2 – тахеометрический план шахристана (по: [Москалёв и др. 2007])

Рис. 19. Городище Кошой-Коргон. Медальон сосуда.
Прорисовка

независимыми владетелями в разных местах, построили себе крепости, откуда предпринимали грабительские набеги. Из них один, Мир Мухаммед-шах, поселился в Атбаше ... Другой, Мир Керим-Берды, «со стороны Андижана и Ферганы, в пределах Моголистана, в месте Алабуга, на вершине холма построил крепость ...» [Бартольд, 1996: 414].

Археологическое исследование памятника первым провел А.Н. Бернштам. Он высказал мнение, что возникновение города в VII–VIII вв. было связано с «согдийскими мастерами». При этом функционально Кошой-Коргон

интерпретируется им как город-крепость, ставка тюркских правителей, где стояли шатры, а во время военной опасности могли укрыться местные жители и их скот. Однако, по мнению исследователя, он не был центром ремесленного производства и торговли [Бернштам, 1998: 67].

Памятник представляет собой четырехугольную в плане постройку, размером 245 x 250 м, ориентированную сторонами по странам света. На стенах, через каждые 17–20 м расположены башни. Стены, как и башни, из ленточной пахсы и сырцовых кирпичей (рис. 18). В настоящее время их высота составляет от 4 до 8 м, толщина 7–9 м по подошве и 3–4 м вверху. С внешней стороны городище опоясывает ров шириной 10–15 м и глубиной 3–4 м. Первоначально городище имело в южной стене Г-образный въезд, мощный плоскими камнями (длина – 46 м, ширина – 10 м), который охранялся привратными башнями. Надо полагать, что первоначально, это были единственные ворота, через которые можно было проникнуть в город. Форма Г-образных въездов характерна для раннесредневековых городов и поселений Кыргызстана и всей Средней Азии. Но подобный прием сооружения въездов сохранился до X–XII вв.

По мнению А.Н. Бернштама, в период пребывания в городе Тимура (1375 г.) были прорублены въезды в западной и восточной стенах, а с восточной и южной сторон возведена дополнительная стена длиной 1500 м с башнями и въездом с северной стороны [Бернштам, 1998: 69].

В 80-е годы XX в. были уточнены данные по фортификации и топографии городища и его округи, и произведены раскопки. Вскрыты постройки дворцового типа, жилого и ремесленного назначения. Полы их были глинобитные или мощенные камнем. На оштукатуренных стенах сохранились следы росписей, нанесенных голубой, белой, желтой, красной красками. Обнаружены и фрагменты предметов, изготовленных из глины, кости, камня и металла, а также украшения из нефрита и перламутра [Москалев, 1978: 50–54; Федоров, 1987: 5–28; Федоров, 1989: 6–21; Москалев, 2002: 215–240].

Археологические исследования, продолженные в 2006–2007 гг., также вскрыли

Илл. 40. Городище Кошой-Коргон. Вид с востока

Илл. 41. Курильница с портретными изображениями. Городище Кошой-Коргон

Илл. 42. Таш-Рабат. Вид с запада

Илл. 43. Караван-сарай Манакельды

Илл. 44. Городище Шырдакбек.
Аэрофото GoogleEarth

сооружения жилого и ремесленного назначения; к юго-западу от городища раскопана печь для обжига кирпича и керамики; собрана большая коллекция артефактов, преимущественно из керамики [Москалев и др., 2007].

Особого внимания заслуживает сосуд, найденный при раскопках административного здания, расположенного в северо-восточной части городища Кошой-Коргон (илл. 41).

Сосуд с шарообразным туловом, короткой горловиной и двумя венчиками: внутренний – отогнутый наружу, подпрямоугольный в сечении, внешний – наклепленный на плечики, в виде широкого прямого бортика, раструбообразно расширяющийся кверху. Последний значительно выступает над внутренним венчиком и диаметром больше, чем тулово. Нижняя часть поддона утрачена. Курильница и ее бортик изготовлены на станке, из хорошо отмученного теста, поверхность покрыта ангобом светло-коричневого цвета с розовым оттенком, а верхняя часть красно-коричневым ангобом. Обжиг равномерный. Восемь чередующихся круглых и фигурных отверстий, предназначенных для выхода дыма, оформляют плечики (между венчиками). С двух сторон имеются ручки, выполненные в виде головок льва (выступающие на 3,8 см).

Вся внешняя поверхность курильницы украшена штампованными рельефными изображениями и опоясывающим орнаментом. Это – вертикально расположенные стилизованные лепестки астры и так называемые «сасанидские перлы», концентрированные кружочки, медальоны с портретом и листья аканта, верхушками направленные вниз. Особо интересен центральный ряд, расположенный на тулове сосуда и состоящий из пяти одинаковых медальонов с изображением знатного мужчины зрелого возраста, с европеоидными чертами. Продолговатое лицо обрамлено коротко подстриженной бородой, небольшим ртом и узкими усами, концы которых приподняты кверху. Брови сведены в прямую линию, прямой нос с заостренным кончиком и небольшие миндалевидные глаза. Голова увенчана короной с полумесяцем в центре и с навешенными листовидными украшениями, из-под которых до плеч ниспадают волосы. На шее полукруглая полоска – гривна или окантовка верхней легкой одежды. В ухе – сложносоставная серьга (рис. 19).

М.Н. Федоров считает, что этот сосуд использовался как курильница [Федоров, 1993]. Действительно, наличие на плечиках отверстий, предназначенных для выхода дыма от сжигания благовонных трав, дает основание для такого предположения.

Исследователи считают, что штампованное изображение в медальоне, возможно, портрет реального знатного человека – скорее всего, согдийца, а сам сосуд был изготовлен в Согде и привезен в Атбаш торговцами, и датируют его концом VII – началом VIII вв. [Федоров, 1993; Москалев и др., 2007]. По мнению другого исследователя, В.Г. Горячевой, это изображение божества, одного из Амеша Спентов (Бессмертных Святых), иконография которого явно совпадает с описанием Вахмана (покровителя скота), изображенного на оссуариях Согда (Горячева, 2010: 154).

Другая аналогия описываемой курильнице – ваза с широким отогнутым бортом венчика и тремя ручками в верхней части, оформленными в виде головы человека, и почти аналогичными мотивами орнамента хранится в Национальном музее Токио (Япония), с указанием места его происхождения – Кашгар [Kageyama, 2005: 368]. В одном из двух видов штампованных медальонов кашгарского сосуда, изображения

черт лица и головного убора пожилого мужчины схожи с атбашинским. Мы присоединяемся к мнению специалистов и также считаем, что это вещи импортные. Их находка в разных регионах, свидетельствует о том, что сосуды, возможно, были изготовлены в одной мастерской и распространены по различным маршрутам ВШП из Восточного Туркестана. Но выяснение происхождения атбашинской курильницы требует тщательного исследования, поскольку элементы сходства уводят нас как в культуру Ферганы, так и Восточного Туркестана. Причем круг аналогий заметно расширяется, выходя за рамки керамических изделий, так как в сюжетах настенных росписей культовых сооружений и дворцов в ряде средневековых городов Средней Азии и Восточного Туркестана содержатся изображения, весьма схожие с вышеописанными.

Нумизматический материал из Атбаша включает монеты, чеканенные в монетных дворах Восточного Туркестана, Бухары и государства Караханидов.

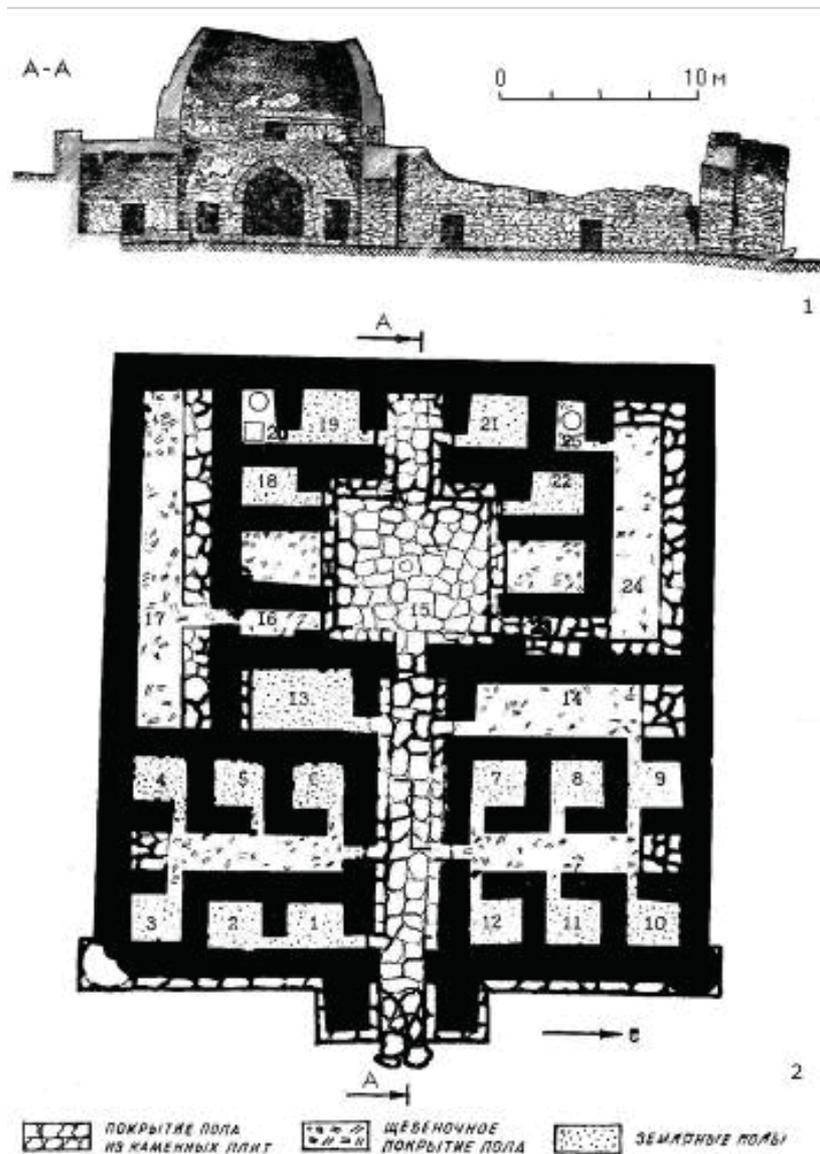
Таким образом, на основе вещественных и монетных данных, было подтверждено наличие караханидских слоев (X–XII вв.) на этом объекте. Более того, исследователями сделан вывод о том, что по топографии памятник тяготеет к городищам с длинными стенами Чу-Таласского региона, и он был не только местом сосредоточения политико-административной власти на Тянь-Шане, но и являлся значительным ремесленно-производственным центром. Что касается его функционирования в монгольское и тимуридское время, то оно пока подтверждается только данными письменных источников [Москалев и др., 2007].

В окрестностях Кошой-Коргона, в предгорной зоне, зафиксировано еще три небольших поселения, датированных также X–XII вв. [Москалев, 1982; Федоров, 1987: 11].

Караван-сарай Таш-Рабат (илл. 42) среди многочисленных археологических памятников Внутреннего Тянь-Шаня выделяется тем, что он возведен из камня. Расположен объект в высокогорье, в западной оконечности Ат-Башинской долины, в 70 км к западу от Кошой-Коргона, на левом берегу речки Таш-Рабат (приток р. Кара-Кюю).

Сооружение почти квадратное в плане, построено из грубо обработанного и необработанного сланца на специально подготовленной на склоне холма площадке. Ориентировано по сторонам света, фасадом обращено на восток. Длина стен по внешнему периметру 32,4 x 32,4 x 34,8 x 35,1 м; толщина наружных стен 1,85 м, внутренних – от 1 до 1,2 м. В щипце сводчатой ниши портала располагается единственный вход, фланкированный трехчетвертными декоративными башенками диаметром 2,8 м. Фундамент и перекрытия постройки сложены на алебастре, стены – на глиняном растворе.

Во внутренней планировке выделяются центральный коридор, квадратный зал и ряд помещений (площадью от 7,7 до 8,9 м²). Квадратные помещения перекрыты 18 куполами диаметром 1,5–3 м. Десять удлиненных помещений имели сводчатые перекрытия пролетом 2,3–3 м. Центральный зал, высота стен которого до 5,2 м, был перекрыт 9-метровым куполом, помещенным на восьмигранный барабан. На осях зала находятся три глубокие сводчатые ниши. Внутреннее пространство помещений освещалось через отверстия в перекрытиях (диаметрами около 0,7 м) (рис. 20).

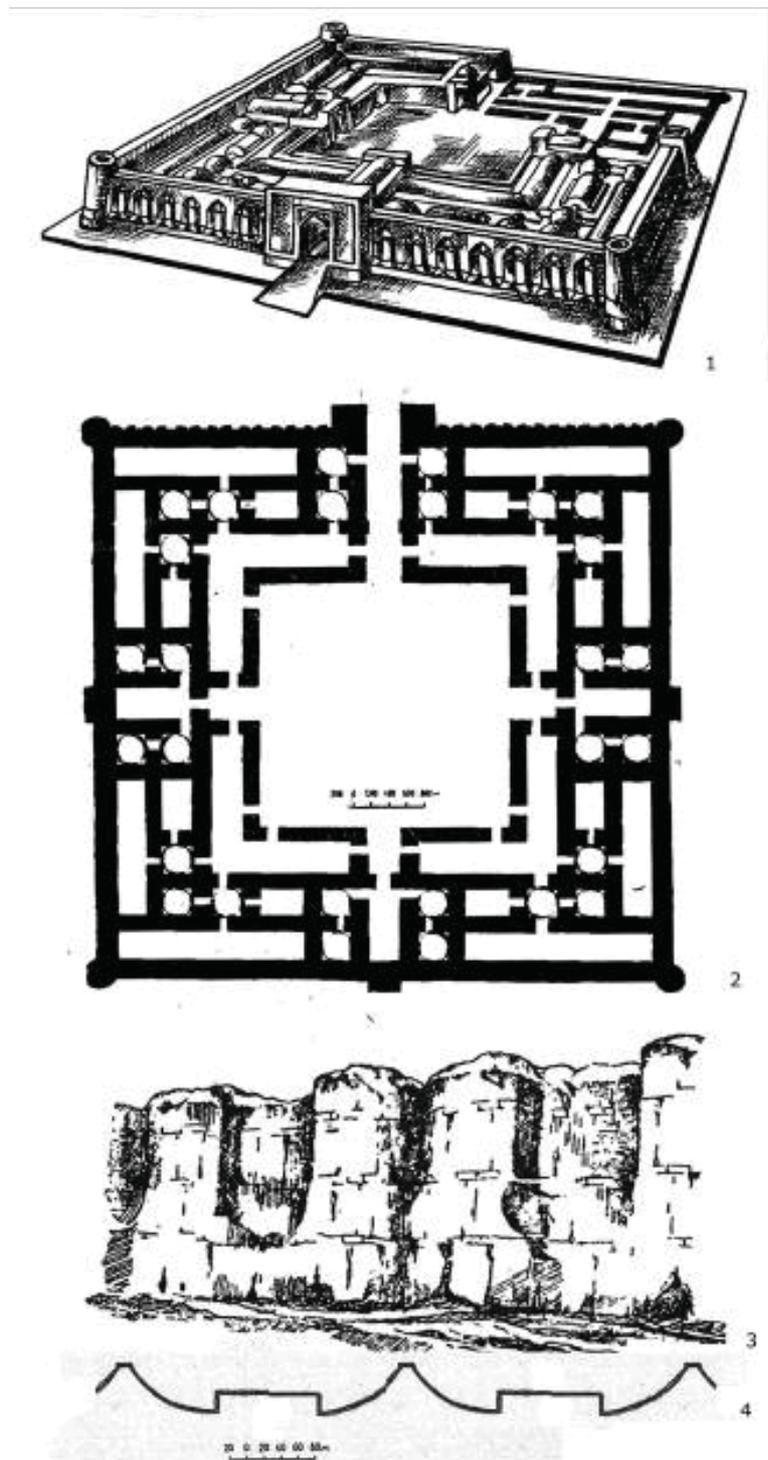

Рис. 20. Караван-сарай Таш-Рабат.

1 – продольный разрез, 2 – план (по: [Бернштам, 1952; Перегудова, 1989])

Натурное исследование объекта показало, что планировка здания не менялась со времени его строительства: нет следов переделок, ремонтов, закладки проемов и т.д. Декоративное оформление интерьера представлено фрагментами, сохранившимися в верхней части помещений.

Раскопки Таш-Рабата, проведенные в 1978 г., дали небольшое количество археологического материала, в основном, керамического. Весь комплекс бытовой посуды характерен для местного керамического производства от VIII до XII вв.; некоторые из них относятся и к более раннему времени, явно привезенные из западных районов Средней Азии. Таким образом, выявлен всего один строительный период, датируемый домонгольским временем. Тем самым, была поставлена точка в дискуссии о времени возведения этого сооружения. Эту датировку подтверждают и планировочные, конструктивные, декоративные особенности здания [Перегудова, 1989: 39, 47–48].

Рис. 21. Караван-сарай Манакельды.

1 – реконструкция, 2 – план, 3 – лицевая стена, рисунок, 4 – абрис фрагмента лицевой стены (по: 1–2 – [Бернштам, 1952], 3–4 – [Кожемяко, 1968])

О функциональном назначении постройки было высказано несколько точек зрения. Одни исследователи считали его христианским монастырем, другие – караван-сараем. В пользу первой приводится местная легенда о сооружении его религиозной общиной иноземцев из Рума и свидетельство Н. Пантусова о надгробном камне с сирийской надписью, якобы, подобранном здесь в 1901 г. Мишаком Абрамовым, протоиреем из Урумчи. Однако в ходе археологических исследований не выявлено каких-либо артефактов, которые можно было бы напрямую связать с христианством. В пользу второго предположения говорит общая планировка сооружения, типичная для караван-сарая. Но против нее выставляется аргумент отсутствия двора для разгрузки караванов и специальных помещений для лошадей и другого скота, а также удаленность памятника от наиболее удобных, с современной точки зрения, транспортных артерий. Однако А.Н. Бернштам считал, что от Таш-Рабата вверх по ущелью пролегла трудная, но проходная для караванов дорога, которая в обход перевала в Атбашинском хребте, выводила к высокогорному озеру Чатыр-Куль, а от него уже напрямую к Кашгару. Причем он указывал, что этот отрезок пути мог использоваться и в зимнее время, так как в здешних горах меньше снега [Бернштам, 1997: 359].

Караван-сарай Манакельды (местное название Чалдывар) расположен на одноименной реке, в 1,5–2 км с левой стороны от ее впадения в р. Алабука (илл. 43). Он стоял на маршруте из Ферганской долины в районы Внутреннего Тянь-Шаня и Прииссыккуля, далее в Восточный Туркестан. Одним из первых его исследовал А.Н. Бернштам, давший общую характеристику и датировавший объект VII–IX вв. [Бернштам, 1998: 77–84]. В конце 1950-х гг. в ходе более обширных исследований (была вскрыта четверть всей площади и проведены небольшие по объему раскопочные работы в других точках сооружения), многие положения были пересмотрены и уточнены [Кожемяко, 1968].

Постройка сложена комбинированной кладкой из сырцового кирпича и пахсы, имеет квадратный план с длиной стен по 64 м. Единственный вход в северной стене с двух сторон ограничен двумя прямоугольными пилонами. Углы сооружения укреплены башнями, а фасадная стена оформлена гофрами; в центре других стен расположены выступающие пилястры прямоугольных очертаний.

Внутреннее пространство сооружения занято открытым двором, размером 25 x 25 м, вокруг которого расположены помещения тремя концентрическими рядами. Первый, внутренний ряд составляют Г-образные комнаты с длиной сторон 16 м, разделенные между собой небольшими проходами по центру стороны сооружения. Второй ряд состоит из квадратных (3,5 x 3,5 м) и прямоугольных (5 x 3,5 м) комнат, разделенных на отдельные блоки. Во внешнем, третьем ряду расположено по восемь коридорообразных (23,4 x 3,6 и 16 x 3,6 м) и по восемь квадратных (3,6 x 3,6 м) помещений (рис. 21).

Четко выделяются жилые и гостевые комнаты, помещения для отправления религиозных обрядов, приготовления пищи, складирования грузов. В разных местах наружного коридора зафиксированы глинобитные ясли-кормушки для животных. В целом, устройство этого сооружения с квадратным двором, четырьмя айванами и длинными складами-стойлами позволяет считать его классическим образцом караван-сарая.

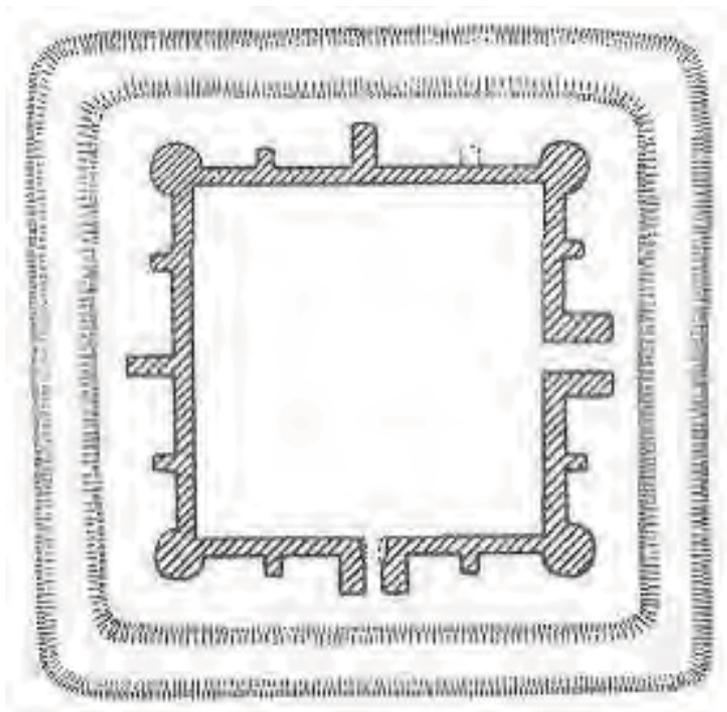
П.Н. Кожемяко однозначно интерпретировал его именно в этом качестве, указывая на то, что если он и выполнял оборонительные функции, как писал об этом А.Н. Бернштам, то никоим образом не мог быть крепостью, как таковой. Его планировка не была рассчитана на активную оборону, при которой внешний ряд помещений мог служить стрелковой галереей, так как никаких бойниц во внешней стене не зафиксировано. Исследователь датировал данный памятник X–XII вв. как по архитектурным параллелям, строительным материалам и приемам возведения, так и по керамическим комплексам, полученным при раскопках [Кожемяко, 1968]. Следует отметить, что керамика была найдена в незначительном количестве, что свидетельствует о том, что караван-сарай был покинут и заброшен, а не погиб в результате природных катаклизмов или военных действий. Среди находок встречено несколько фрагментов красноангобирванной лощеной керамики, на основании которых А.Н. Бернштам датировал сооружение VII–VIII вв. и приписал его сооружение «ферганско-ташкентским мастерам», т.е. возведение постройки, он связывал с прямым влиянием равнинной Ферганы [Бернштам, 1998: 84]. В заключение можно сказать, что сооружение было построено в саманидскую эпоху, активно функционировало в караханидский период и, возможно, в более позднее время.

Городище Шырдакбек также находится на пути из Ферганы к Атбашу. Оно расположено в средней части долины р. Алабуга, в 200–300 м к югу от глубокого речного каньона (илл.44).

Впервые его достаточно подробно описал А.Н. Бернштам (рис. 22) [Бернштам, 1998: 71]. Работы, проводившиеся в конце 50-х годов XX в. тянь-шаньским отрядом под руководством П.Н. Кожемяко, выявили ряд интересных подробностей, однако они остаются неопубликованными и лишь частично использовались в публикациях [Кольченко, 2000; 2003-а]. Современные исследователи – К.Ш. Табалдиев, Е.Х. Хорош и др. также посещали этот памятник, проведя мониторинг его современного состояния.

Основываясь на исследованиях П.Н. Кожемяко, можно утверждать, что стены, сложенные из блоков набивной пахсы, шириной по основанию 6 м, по верху 2 м, сохранились на высоту до 6 м. В плане городище квадратной формы (125 x 125 м) ориентировано сторонами по странам света. По углам крепости расположены мощные угловые башни диаметром до 14 м. В пролетах северной и западной глухих стен располагались по три прямоугольных башни-пилона. Центральные, большие по размеру, имели ширину 7 м, малые башни на всех четырех стенах были шириной 6 м. Въезды в город расположены в южной и восточной стенах, между мощными пилонами. В некоторых местах на башнях сохранились бойницы.

Вокруг стен крепости проходит ров глубиной (в нынешнем состоянии) 0,8 м, шириной около 20 м. Раскопками городища выявлено, что культурный слой не более 0,6 м. Вещественная коллекция достаточно однообразная и состоит из фрагментов керамики, битого сырцового и жженого кирпича, и костей животных.

Рис. 22. Городище Шырдакбек.
План (по: [Бернштам, 1952])

Следы строительной деятельности обнаружены только в одном раскопе – в юго-восточном углу городища. Здесь же найдена половинка караханидской монеты плохой сохранности. Наблюдения за фортификационными сооружениями, разрезами восточной и западной стен, зачисткой проломов в двух башнях подтверждают относительную продолжительность функционирования укрепления.

В 60 м от южной линии рва находился небольшой торткуль с длиной стен до 50 м, также со слабо выраженным культурным слоем. Ещё южнее этого торткуля, на склонах предгорных увалов, во второй половине 1940-х гг. А.Н. Бернштам зафиксировал группу холмов, расположенных в одну линию, протяженностью примерно 100 м, названных им «тепе ферганского типа» [Бернштам, 1998: 75].

С учетом мощности фортификационных сооружений, функционировавших значительный отрезок времени и незначительностью культурных наслоений, исследователи интерпретируют этот памятник как военную крепость, служившую ставкой, ордой местным тюркским владельцам Тянь-Шаня. На основании собранного экспедицией в 1959 г. материала, П.Н. Кожемяко датировал крепость Шырдакбек и прилегающую к ней зону со следами деятельности X–XII вв. [Кожемяко, 1968].

* * *

Обобщая приведенные выше данные о средневековых городищах и караван-сараях Внутреннего Тянь-Шаня, можно сказать, что хронологически все они возникают и функционируют в караханидскую эпоху, за исключением некоторых из них. Караванные дороги, проходившие по описываемому региону в средние века, были значимы, так как являлись кратким путем из Ферганы в Таласскую и Чуйскую долины и Прииссыккулье, а также в Восточный Туркестан. Тюркская аристократическая среда региона, являясь крупным потребителем импортных товаров, осуществляла и поставку транспортных и вьючных животных, а также охрану торговых путей на своей территории. Вышеописанная серия разнотипных памятников, связанная с ВШП, включена в Предварительный список Кыргызстана.

Описываемый регион также, как и Прииссыккулье и Талас, через различные ответвления Пути был связан и с Ферганской долиной.

ПАМЯТНИКИ ВШП НА ФЕРГАНСКОМ ОТВЕТВЛЕНИИ

Царство Давань. Для раннего этапа функционирования трассы особое значение имела Северная (Ферганская) дорога, начальный участок которой пролегал через царство Давань, большинством исследователей локализуемое в Ферганской долине [Бартольд, 1965: 527; Бернштам, 1997: 247; Gorbunova, 1986: 158–168]. Он был первым среднеазиатским владением, куда пришел китайский посланник Чжан Цзянь после бегства из гуннского плена в 128 г. до н.э.; откуда он затем и был препровожден в Кангюй. Очень краткий период его истории – II–I вв. до н.э. – хорошо освещен в китайских хрониках. В них Давань описывается как обширная земледельческая страна, в которой было 70 больших и малых городов. Особо отмечается выращивание винограда, из которого готовилось большое количество вина, и травы му-су – люцерны. Кстати, и та и другая культура были впоследствии заимствованы китайцами. Существовало и скотоводство, характерной особенностью которого являлось разведение породистых скакунов, так называемых «небесных коней даваней», потеющих при беге кровью. Из-за желания обладать ими ханьский Китай дважды, в 104–102 гг. до н.э. и 101 г. до н.э., снаряжал военные экспедиции [Бичурин, 1998: 165–166]. Конечно же, в реальности были и другие, более веские побудительные мотивы для такой экспансии, как политические, так и торгово-экономические, однако в китайских источниках неизменно указывается именно эта причина.

Узген (Узгенд). В числе объектов, находящихся на ферганском маршруте – руины одного из трех даваньских городов, Ю-чена, являющегося самым восточным городским центром этого государства. Исследователи традиционно локализуют его возле Узгена [Бернштам, 1997: 249–254]. Данная точка зрения была оспорена Ю.А. Заднепровским, считавшим, что древним Ю-ченом является городище Шоробашат, расположенное у перевала Жазы (Яссы), в 9 км северо-восточнее Узгена. Это крупное поселение античной эпохи расположено в предгорной зоне, вдоль берега реки Жазы (Яссы), имеет четырехчастную структуру, площадью более 70 га и со значительными оборонительными укреплениями. Основное время его функционирования приходится на IV–I вв. до н.э. (рис. 23) [Заднепровский, 118]. В последние годы жизни Ю.А. Заднепровский неоднократно озвучивал предположение, что на рубеже эры нуклеарная часть города мигрировала на место, где нынче расположены руины Узгенского городища. Однако еще пока не выявлены археологические слои древнего Узгена; зафиксированы только средневековые напластования.

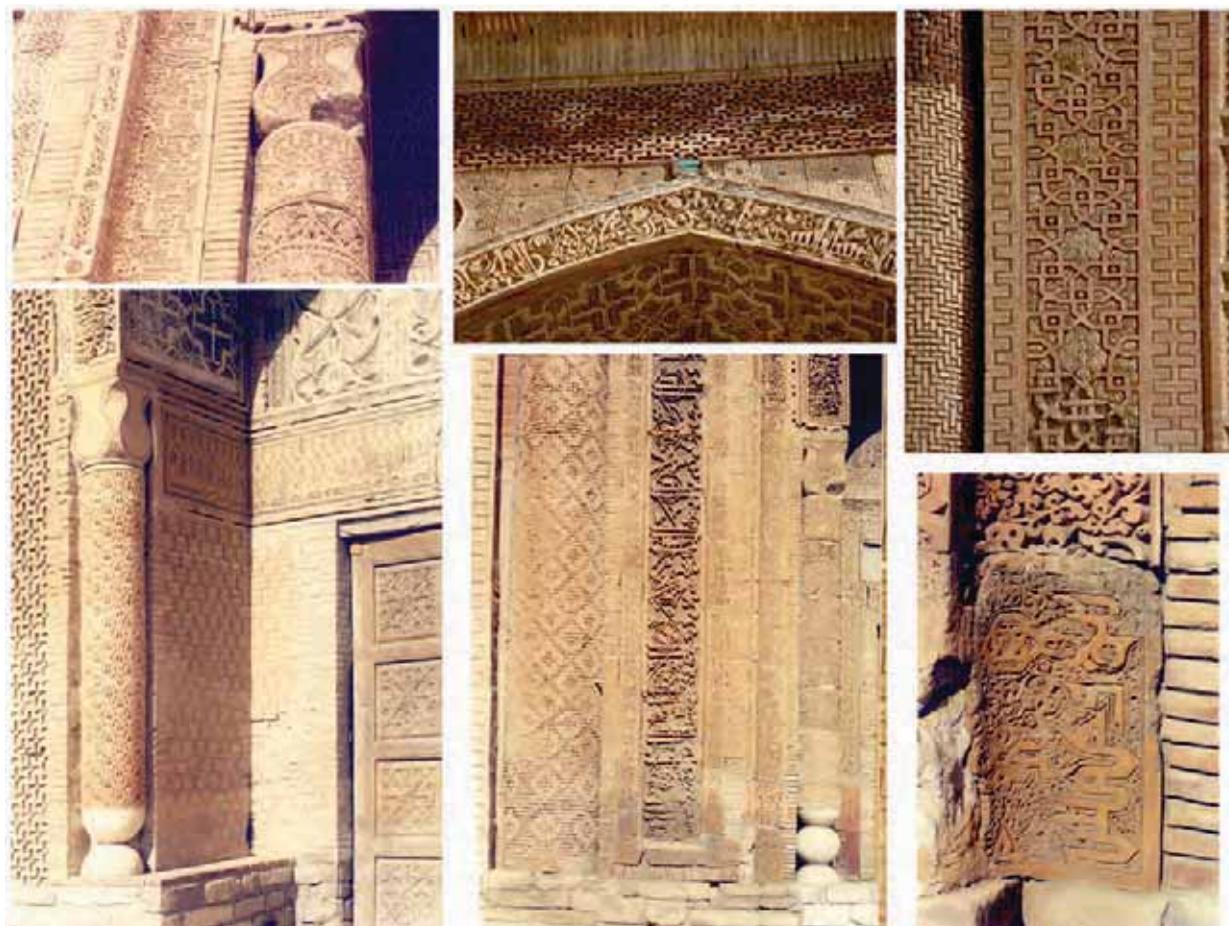
Илл. 45. Ущелье и река Жазы-Кечу (Яссы). Вид с востока

Илл.46. Узген - средневековое городище и современный город . 2014 г. Аэрофото GoogleEarth. Вид с юго-востока

Илл. 47. Узгенский археолого-архитектурный комплекс. Вид с юго-запада

Илл. 48. Декор Южного Узгенского мавзолея

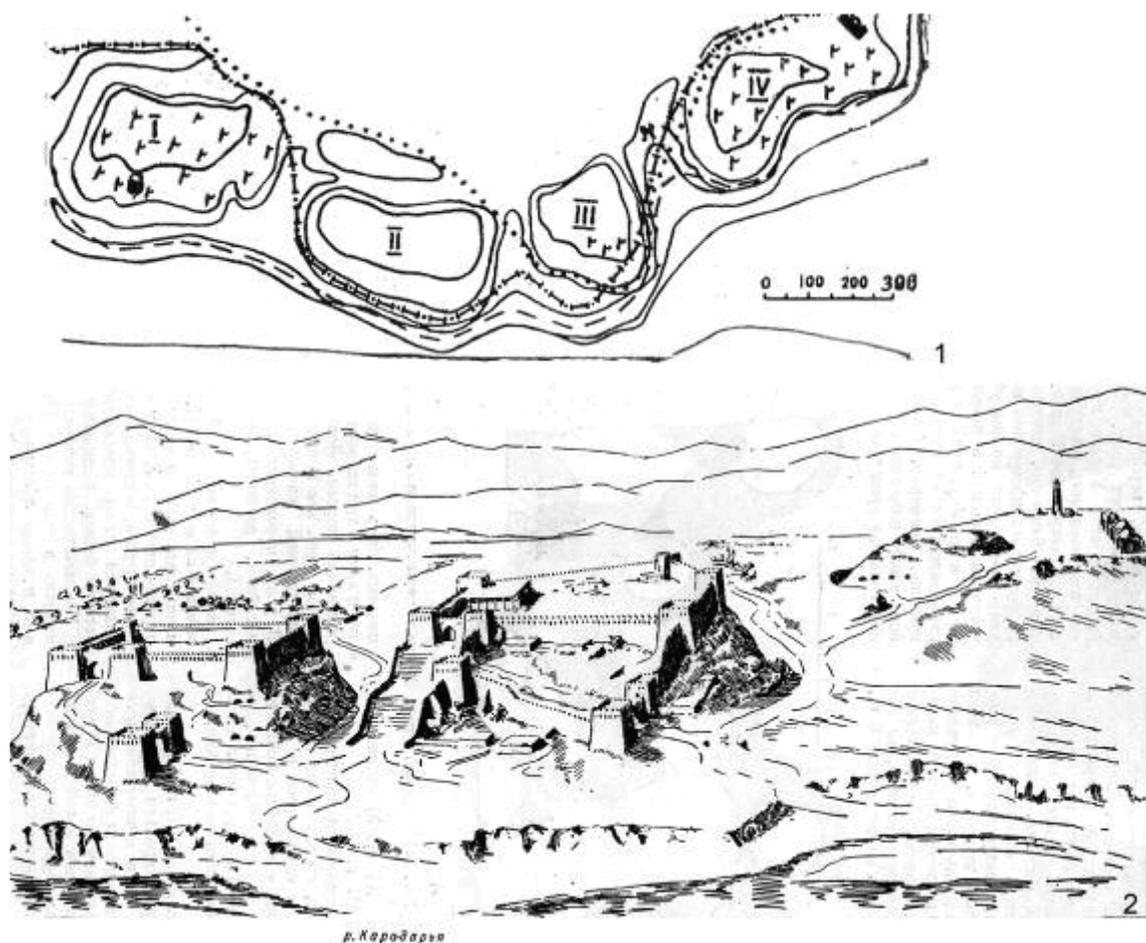

Рис. 23. Городище Узген. План и реконструкция (по: [Бернштам, 1952; Горячева, 1983])

Информация же мусульманских авторов, освещавших направление Пути с запада на восток, содержит информацию о том, что Узген считался пограничным городом, так как за ним начинались земли кочевников-тюрков, еще не признавших ислам (Хордадбех, Кудамма, ал-Мукаддаси, ибн Хаукаль и др.). Отсюда вверх по реке Жазы (илл. 45), через перевалы Жазы и Кок-Арт (Кугарт), долины Макмала, Манакельды, Алабуга, в глубинные районы Внутреннего Тянь-Шаня и южное Прииссыккулье, а далее в Восточный Туркестан и Китай шло одно из ответвлений ферганской трассы. В период расширения государства Караханидов (конец X в.) Узген на короткое время становится столицей западной части империи, а затем надолго остается центром Ферганского удела. Есть сведения о том, что именно здесь держали свою казну каракидани. Пережил он и монгольское нашествие, продолжал функционировать во времена Тимура и Бабура [Бартольд, 1996: 357–361], однако в списке восьми городов Ферганы конца XV–XVI вв. он уже отсутствует.

Самые ранние сведения об Узгене и его объектах в исследовательской литературе относятся к 1871 г. [Северцев, 1886]; первые раскопки на городище были проведены Н.И. Веселовским в 1885 г. [ОАК за 1882–1888 гг.]. В советское время Узген и в особенности расположенный здесь архитектурный комплекс неоднократно становились объектами археологических и архитектурно-искусствоведческих исследований. Среди специалистов, занимавшихся городищем и его памятниками –

архитекторы Б.Н. Засыпкин, Н.М. Бачинский, В.Е. Нусов, искусствовед Б.П. Денике, археологи М.Е. Массон, А.Н. Бернштам, Ю.А. Заднепровский, Д.Ф. Винник, В.Д. Горячева и др. [Засыпкин 1930; 1958; Нусов 1955; 1971; Денике 1927; 1939; Бернштам 1952; 1997; Заднепровский 1960; Винник 1970; Горячева 1983; 2010].

Своеобразно само место расположения города общей площадью 72,5 га между реками Жазы и Кара-Дарьей – на четырёх холмах (нумерация с запада на восток), вытянутых вдоль на правой высокой надпойменной террасе Кара-Дарьи. Третий из них, имевший основательные оборонительные укрепления, вероятно, выполнял функции цитадели, остальные же были шахристанами. Рабад располагался ниже, занимая значительную территорию между двумя реками. По данным В.Д. Горячевой, в предмонгольский период площадь города в пределах внешних валов достигала 30 км² [Горячева, 2010: 58].

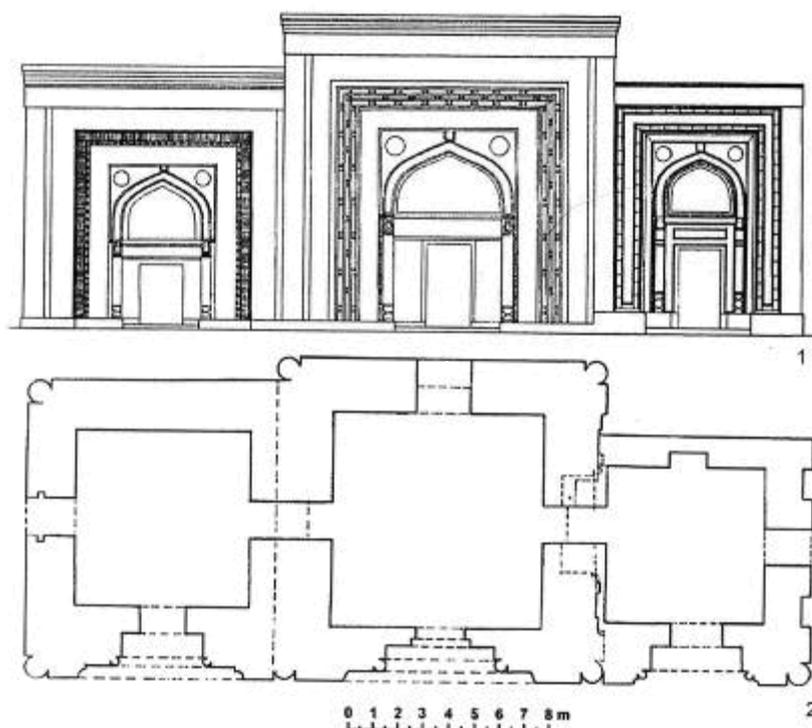

Рис. 24. Городище Узген. Мавзолеи. 1 – фасады, 2 – план (по: [Иманкулов, 2005])

На некрополе, располагавшемся в восточной части четвертого шахристана, возвышаются три мавзолея и минарет, известные как Узгенский архитектурный комплекс (илл. 47). Все три здания квадратного плана, однокамерные, выложены из жженого кирпича, пристроены вплотную друг к другу, вытянуты по одной линии; фасадами, трактованными в виде порталов, ориентированы на запад (рис. 24). В исследовательской литературе за ними закрепились условные названия Средний, Северный и Южный; минарет находится к северо-западу от них. Наиболее ранним является Средний, датируемый рубежом XI–XII вв.; с северной и южной сторон к нему были пристроены другие усыпальницы. Мавзолеи являются образцами портално-купольной архитектуры. Поверхность порталов украшают архитектурная

терракота и резная штукатурка. Широкие пояса надписей (выполненных почерками куфи, насх, сульс и растительным орнаментом) свидетельствуют о том, что в Северном и Южном гумбезах покоятся последние представители узгенской ветви династии Караханидов и их военачальник, жившие в XII в. (указаны три даты – 1152, 1186, 1187 гг.). Минарет состоит из восьмигранного цоколя на квадратном стилобате, конического ствола, выложенного фигурной кладкой, и фонаря, сооруженного местным меценатом в 1923 г. Его сохранившаяся высота вместе с этой надстройкой составляет 27,4 м.

По общему мнению исследователей, Узгенский архитектурный комплекс наглядно демонстрирует развитие купольно-портальной архитектуры во времени, а его декор по праву считается «энциклопедией орнамента» караханидской эпохи (илл. 47). К северу от шахристана протекает магистральный канал Узген-Арык, пересекающий город в широтном направлении и функционирующий с эпохи средневековья до настоящего времени. Во время раскопок 1988–1989 гг., между минаретом и усыпальницами вскрыты остатки более позднего по времени возведения, монументальной постройки из жженого кирпича, ориентированной фасадом на север. Возможно, это руины медресе, о существовании которого писал Джамал ал-Карши в конце XIII в. В 0,4 км к северу от комплекса, среди современной городской застройки, обнаружены остатки гончарной мастерской конца XII в. с 4-мя прямоугольными печами.

Подводя итоги, можно сказать, что этот участок Пути отличался длительностью функционирования. Через него проходила граница между оседлым и кочевым миром. Немаловажную роль играло и то, что город выполнял административные функции, а сохранившийся архитектурный комплекс отражает этапы развития портално-купольной конструкции и орнаментального убранства предмонгольской эпохи в центральноазиатском регионе. Собрана многочисленная материальная коллекция, среди которой выделяется серия кайраков. О значительном экономическом потенциале свидетельствует и активный монетный чекан Узгена.

Айрымач-Тоо (Суроттуу-Таш) (илл. 49). Узловым пунктом на этом же отрезке Пути был Ошский оазис, лежащий к западу от Узгена. В древности он являлся центром разведения тех самых «небесных коней», потеющих кровью, о которых уже упоминалось выше. Эти породистые скакуны были не только предметом торговли, но и поклонения. О последнем свидетельствуют археологические материалы. Судя по сохранившимся изображениям на южном склоне третьей вершины горы Сулайман-Тоо, расположенной в центре Ошского оазиса, а также аналогичным петроглифам и культовым местам на Айрымач-Тоо (Суроттуу-Таш), находящегося на северо-востоке этого же оазиса, к которому тяготеет и расположенная в 20 км к западу от него, известная в исследовательской литературе Араванская скала, эта предгорная зона была центром их разведения. Тем более что географические и климатические условия предгорий восточной и юго-восточной Ферганы, где расположен данный оазис, весьма подходящие для развития коневодства.

Особый интерес вызывает Айрымач-Тоо (Суроттуу-Таш), памятник, вновь обследованный специалистами в 2005–2006 гг. Это известняковая гряда широтной ориентации, южный отрог которой состоит из пяти вершин, первая из которых находится на территории Узбекистана и является мазаром. Остальные четыре

находятся на территории села Кызыл-Кыштак Кара-Суйского района Ошской области. На восточных, юго-восточных и южных склонах зафиксировано более 80 рисунков, основную часть которых составляют изображения коней (илл. 50), [Заднепровский, 1962; Аманбаева и др., 2006: 257–267]. В большинстве своем расположенные на разных уровнях удобных вертикальных поверхностей скал, они явно рассчитаны на восприятие со значительного расстояния, о чем говорят их значительные размеры – до 1,1 м высотой. Иногда на торсе и крупе выбивалось по одному рельефному кольцу или полукольцу, что подтверждает их культово-магическое значение. Исследователи единодушно отмечают своеобразный стиль изображений этих скакунов, который, по их мнению, является локальной особенностью, характерной для Ошского оазиса и прилегающих к нему территорий – долин Аравана и Обширская. На памятнике зафиксированы также различные культовые места в виде чашевидных углублений, лунок, желобов со следами полировки. Святилище здесь начало формироваться, видимо, несколько позднее, чем на соседнем Сулайман-Тоо, скорее всего, в раннежелезном веке. Об этом свидетельствуют изображения оленей и кошачьих хищников, выполненных в зверином стиле, а в даваньское время оно приняло более узкую специализированную форму, связанную с культом коня, который, в свою очередь, был тесно связан с соляным культом. Судя по местоположению, масштабности, количеству рисунков и культовых мест, оно, бесспорно, являлось центральным святилищем, посвященным «небесным коням».

Доарабский Ош. Руинами раннесредневекового Оша, видимо, является городище Ак-Буура (илл. 51), расположенное на юго-востоке оазиса [Аманбаева, Абдуллоев, 2000: 44–45]. В настоящее время сохранились цитадель и шахристан, площадью 7 га; на их территории раскопаны культовое помещение с очагом-алтарем и хумом возле него, на дне которого сохранились остатки вещества белого цвета (хаома?), а также другие комнаты различного функционального назначения, часть небольшого дворика. Весьма примечательна находка фрагментов керамического сосуда с изображениями лошадей и других животных, выполненных с применением кружков-пуансонов и «тычков» (рис. 25; илл. 52). На цитадели зачищен участок крепостной стены с башнями прямоугольной формы, престижное помещение с очагом для

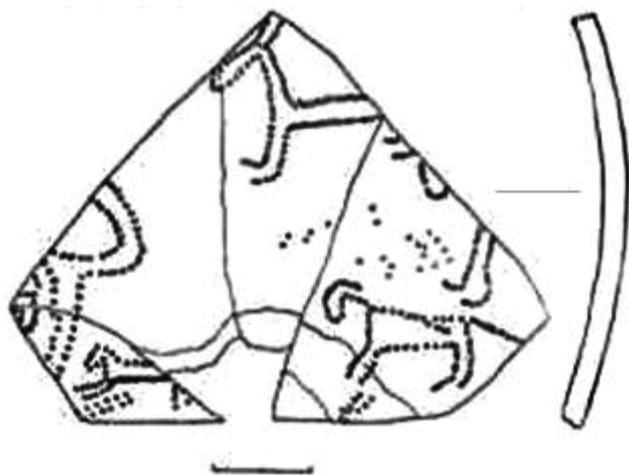

Рис. 25. Городища Ак-Буура. Изображения лошадей на фрагменте керамики

обогрева и подсобные помещения. Город прекратил свое существование после арабского нашествия в VIII в., после чего, вероятно, переместился вниз по реке Ак-Бууре, к Сулайман-Тоо.

Ош IX–XII вв. Город саманидской и караханидской эпох (IX–XII вв.) располагался к северу, северо-востоку и востоку от горы, о чем свидетельствуют материалы, собранные в результате археологического надзора и небольших по объему раскопочных работ [Аманбаева, Абдуллоев, 2000]. В это время он считался третьим по

Илл. 49. Айырмач-Тоо. Вид с запада

Илл. 50. «Небесные кони» Айырмач-Тоо (Суроттуу-Таш). Расположены на южном склоне

Илл. 51. Помещение с алтарём-очагом. Городище Ак-Буура. Вид с юго-запада

Илл. 52. Изображение лошадок на фрагменте сосуда. Городище Ак-Буура

Илл.53. Средневековая баня в г. Ош. Вид с юго-востока

величине и значимости городом долины. Как и большинство среднеазиатских городов, состоял из цитадели, шахристана и рабада, расположенных у подножия горы, о чем свидетельствуют известия, содержащиеся у ряда арабских географов IX–XI вв. (Хордадбех, Истахри, ибн Хаукаль, ал-Мукаддаси и др.). К сожалению, его остатки практически нивелированы современной городской застройкой. Поэтому от этой эпохи до нас дошли только отдельные сооружения, случайно открытые во время строительных работ в центре города. В их числе специализированная мастерская по изготовлению сфероконусов (котлован под универмагом «Ширин»), в которых транспортировалась ртуть, широко использовавшаяся в средние века на технические нужды при очистке золота, что свидетельствует о том, что Ош был крупным перевалочным пунктом в торговле ртутью (По следам памятников истории ..., 1982: 101).

Другим выявленным объектом этой эпохи является баня-хаммам, располагавшаяся у восточного подножия Сулайман-Тоо, в рабаде средневекового города (илл. 53). Остатки сохранившихся внешних стен сооружения имеют различную протяженность. Защищен квадратный зал с фигурной кладкой пола, осевые и диагональные проходы в соседние помещения, часть из которых была обмазана водостойкой штукатуркой; значительное количество ванн и ванночек, полочек для сиденья, ниш; топка в северной части здания; гипокауст, магистральные и второстепенные жаропроводящие каналы, вытяжные трубопроводы на их пересечении; тазар вдоль северного фасада, сооруженный в виде сводчатого тоннеля. Вход находился в западной стороне. Его устройство в этой части объясняется возможностью максимального использования дневного света, особенно в вечернее время. В пользу этого свидетельствует и расположение основания круглой колонны в юго-западном углу сооружения. Вдоль фасадной стены зафиксирована в положении *in situ* часть водопроводной системы из бронзовых труб. Вскрытая часть ошской бани позволяет сделать ряд выводов. Она была заглубленной в землю и, судя по размерам и количеству помещений, по характеру пользования – общественной. Водоснабжение осуществлялось через магистральный трубопровод, состоящий из кубуров, выведенный из протекающего рядом канала, функционирующего до настоящего времени (рис. 26). Наблюдается определенная система в расположении ванн, особенно в южной части сооружения. В завале встречены фрагменты резных терракотовых плиток; штукатурка из некоторых помещений имела следы различного цвета краски. Широкое применение кыровой облицовки и их окраска, устройство ванн и мелких ванночек, тазара, сочетание в отопительной системе столбиков, канавок и кубуров – все это сближает её с баней из Ахсикета (Узбекистан), расположенного в Ферганской долине [Анарбаев, Ахраров, 1991: 173–183]. Сравнительный ряд можно продолжить и за счет других бань Средней Азии караханидской эпохи. Что касается датировки, то выделяются два основных хронологических периода: первый из которых приходится на XI–XII вв., второй – на послемонгольское время. Вещественный и нумизматический материал в целом не противоречит этой хронологической версии [Аманбаева, 1998].

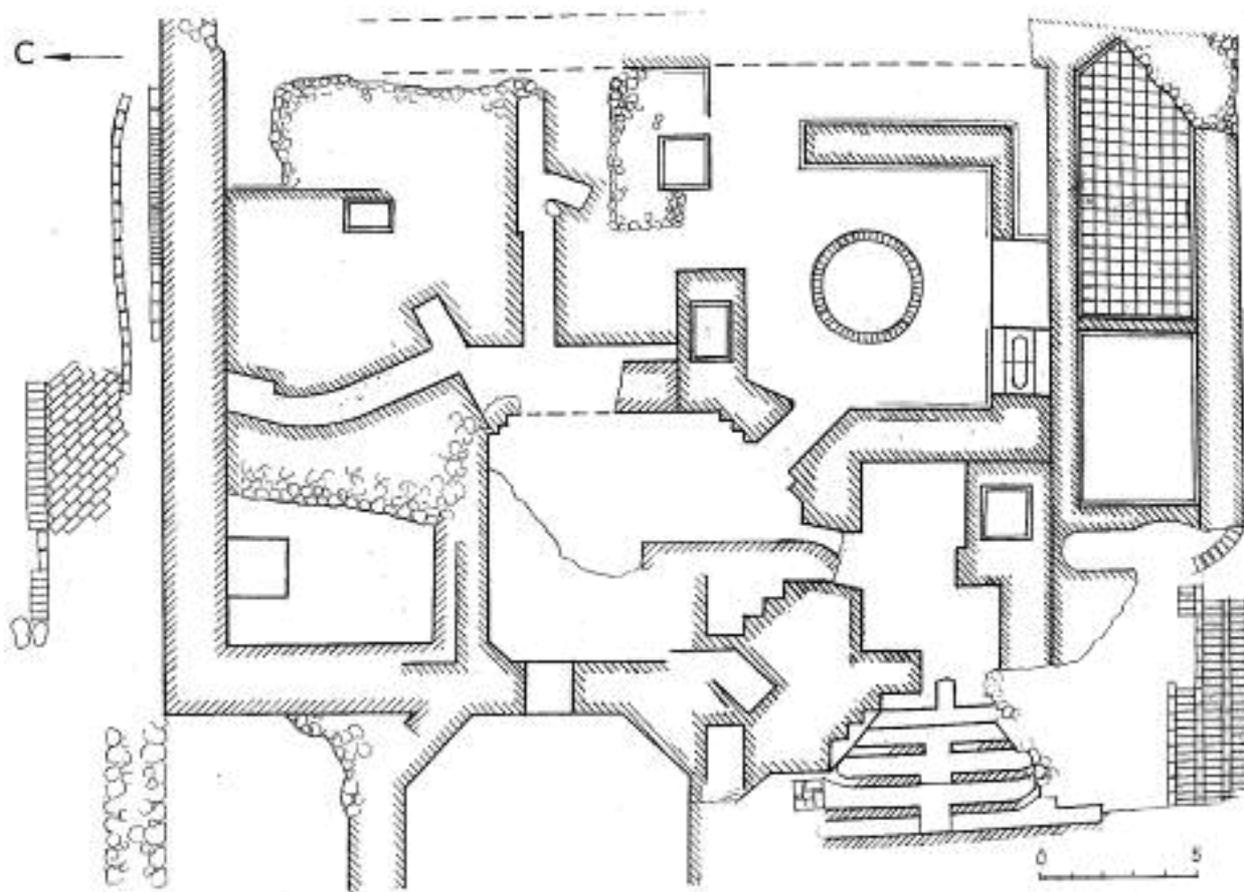

Рис. 26. Ош. Баня XI- XII вв. План 1-го периода

Об экономической и торговой активности города в предмонгольскую эпоху свидетельствует монетный чекан Оша. В последующее время, вплоть до нового времени, город оставался важным коммуникационным центром, через который осуществлялись межрегиональные связи.

Сафид-Булан. Участок Пути, обслуживающий северо-восток Ферганы, функционирует с древности, однако его активизация связана с эпохой средневековья, когда сюда стали перемещаться политические и культурные центры долины, появляться новые поселения и города. На этом отрезке дороги расположен известный памятник – Сафид-Булан находящийся на северо-восточной окраине одноименного села Ак-Тамской сельской управы Ала-Букинского района Джалал-Абадской области. Представляет собой комплекс сооружений, возведенных в различные хронологические эпохи и стоящих на культурном слое средневекового Мазарского городища, состоящего из цитадели и шахристана. Последний размером 1200 x (200–280) м, вытянут вдоль подножия горы Арча-Мазар. За пределами этих двух структурных компонентов также зафиксированы следы застройки [Горячева, 1983: 111].

В этом районе имеются и другие городища, в числе которых и крупные, к примеру, Ак-Коргон, Керван, Заркент и др. По сведениям мусульманских авторов, они входили в состав округов Керван и Неджм [Бартольд, 1996: 219]. Все они

Илл. 54. Комплекс Сафид-Булан, мавзолей Шах-Фазиль; на переднем плане – сагона с захоронением. Вид с запада

Илл. 55. Мавзолей Шах-Фазиль. Круглая розетка
верхнего орнаментального пояса

Илл.56. Мавзолей Шах-Фазиль. Эпиграфический орнаментальный пояс

Илл. 57. Мавзолей Шах-Фазиль. Орнаментальный пояс

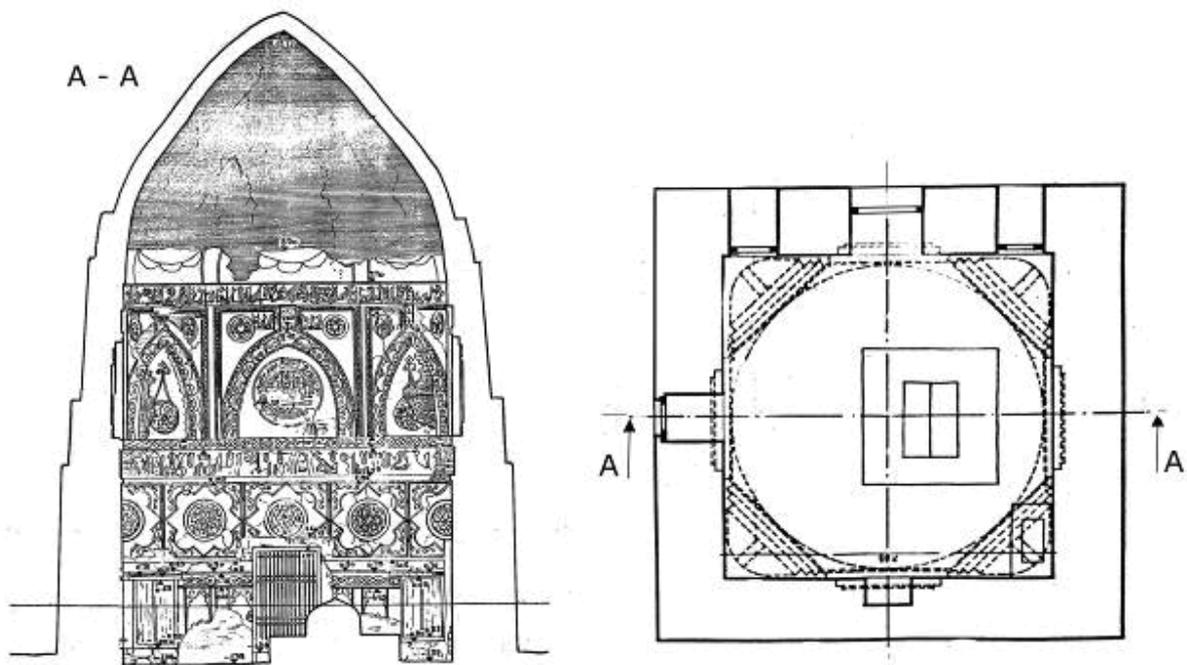

Рис. 27. Комплекс Сафид-Булан, мавзолей Шах-Фазиль. Разрез и план

располагались вдоль караванной дороги, связывавшей эту часть долины с Чаткалом и Кетмень-Тюбе, и через них имевшей выходы в северные регионы страны.

Исторический контекст возникновения комплекса Сафид-Булан связан с эпохой распространения на северо-востоке долины ислама, утвердившегося здесь в IX–X вв. Существовавшее здесь древнее святилище было адаптировано к новой религии. Первое упоминание об этом мазаре имеется у Джамала Карши, автора конца XIII в. В XII–XV вв. здесь находились постройки, принадлежащие суфийской общине: ханака, мечети, мавзолеи, из которых до наших дней дошло лишь одно сооружение, известное в исследовательской литературе, как мавзолей Шах-Фазиль (илл. 54). История его изучения достаточно длительна и связана с именами известных исследователей, среди которых А.Н. Бернштам [1997], Б.Н. Засыпкин [1930], В.Е. Нусов [1963], В.Д. Горячева [1983], В.Н. Настич [2004] и другие.

Мавзолей занимает юго-восточный угол комплекса и представляет собой купольно-центрическое, однокамерное здание с общей высотой 15,5 м. Стены высотой 5,2 м ориентированы углами по сторонам света, богаты резным ганчевым убранством интерьера, с включением широких полос эпиграфики на арабском и персидском языках (илл. 55-57) [Горячева, 2010: 143; Настич, 2004]. По композиции, конструктивным приемам и особенно по орнаментально-декоративному убранству этот памятник занимает особое место не только в архитектуре Кыргызстана караханидской эпохи, но и в целом всего центральноазиатского региона (рис. 27). К северу от него располагаются глинобитные мавзолеи XVIII–XIX вв., возведенные на месте остатков более ранних строений и носящих традиционные названия Сафид-Булан и Келдекана. В северо-восточном углу двора, возле Шах-Фазилия расположен, так называемый «камень плодородия», или Таш-Мазар в виде камня фаллосовидных очертаний, высотой около 0,6 м. Во всех трех гумбезах находятся надгробия – сагона, связываемые местным населением с персонажами легендарных событий,

в результате которых появился этот комплекс, т.е. с шахом Фазилом, сыном погибшего здесь арабского военачальника и девушкой-служанкой. Весьма интересна многочисленная коллекция намогильных камней-кайраков, собранная на средневековом некрополе и содержащая ценную информацию о социальном составе и религиозном статусе погребенных, среди которых встречаются имена выходцев из разных областей Центральной Азии. Этот комплекс, сохранивший культовые функции, в своем составе содержит и природные компоненты, а также богатое нематериальное наследие в виде преданий, легенд, сохранившихся ритуалов и практики жертвоприношений, этики поведения в подобных местах.

* * *

Вышеописанные памятники и городища, расположенные на ферганской дороге и маркирующие ее, включены в Тентатив лист Кыргызстана в качестве претендентов в серийную номинацию ЮНЕСКО по Великому шёлковому пути. Досье номинации на них будут подготовлены в формате так называемого «фергано-сырдарьинского коридора» и представлены на втором этапе этого проекта в недалеком будущем.

**НАХОДКИ МОНЕТ НА ТЕРРИТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА:
от древности до средневековья
В.Г. Кошевар**

Известно, что в древности через территорию Средней Азии и Восточного Туркестана проходили трассы Великого шелкового пути. Сюда вместе с дипломатическими миссиями и торговыми караванами, а также во время военных походов, проникали монеты из сопредельных государств. Сведения об их находках с большей части территории Средней Азии проанализированы в трудах Е.А. Давидович, Е.В. Зеймаля, М.Е. Массона, Э.В. Ртвеладзе и др., а Восточного Туркестана – в трудах Е. Ван, Ф. Тьерри и других исследователей. Современный Кыргызстан пока остается наименее изученным. Предложенную некоторыми исследователями интерпретацию находок древних монет для участков ВШП, проходивших через эту территорию [Камышев, 2004-б: 148–151; Камышев, 2008: 53–68] вряд ли следует считать надежно обоснованной.

При рассмотрении данного вопроса, в первую очередь, следует проанализировать сведения о выявлении: римских (3 экз.) [Массон, 1948: 135; Археологические..., 1985: 83–86], византийских (1 *солид* и 2 *брактеата*) [Массон, 1933: 9–10; 1951: 100–101; Бернштам, 1997: 149], парфянских (1 экз.) [Массон, 1933: 8], греко-бактрийских (1 экз. подражание *тетрадрахме*) [Камышев, 2008: 61], кушанских (1 экз. подражание) [Камышев, 2008: 63] и сасанидских (3 экз. и 4 фрагмента) [Камышев, 2004-б: 151; 2008: 65; Кошевар, 2004: 34] монет. Из публикаций следует, что все монеты были случайно выявлены в неопределенных стратиграфических условиях или собраны у населения¹. Большинство из находок никак не связано с каким-либо определенным археологическим объектом. Весьма малое количество выявленных монет и значительный разброс в датировках эмиссий, а также географическая удаленность мест их обнаружения не оставляют сомнений в том, что проникновение этих монет на изучаемую территорию не носило регулярного и систематического характера и могло быть вызвано любыми случайными причинами. Также вполне допустимо, что такие монеты могли попасть сюда значительно позже времени их обращения и являются случайно вышедшими за ареалы своего обращения. За последние годы выявлено еще несколько древних монет², находка которых не противоречит нашим выводам. Все это вполне определенно указывает, что на известном к настоящему времени материале нельзя делать даже самые предварительные выводы об использовании в древности таких монет для предполагаемых некоторыми исследователями денежных отношений в изучаемом регионе.

Из древних монет на территории современного Кыргызстана более всего выявлено китайских монет *Ушу* (五銖, wuzhu) на л.ст.³, интерпретацию находок которых следует рассмотреть более подробно. В переводах китайских династических хроник указывается, что «Даваньский Двор имел множество китайских вещей». В то же время в Давани «не умели отливать ни монеты, ни посуды ..., а когда получали от китайцев золото и серебро, то употребляли его на посуду, а не на монету» [Бичурин, 1950: 162]. В ШЦ, в качестве даров для «даваньского владетеля аргамаров» было

отправлено «большое количество серебра и золотой конь» [Бичурин, 1950: 162]. В ЦХШ этот же посланник был отправлен с «1.000 ланами золота и золотым конем» [Бичурин, 1950: 187]. Кроме того, в переводах китайских династических хроник регулярно упоминается, что на подарки и награды владельцам иноземных царств китайцы повсеместно использовали шелк и золото. Однако нигде не указывается на передачу в иноземные царства китайских бронзовых монет, а тем более их подношение Двору какого-либо из царств. Опубликованные сведения о немногочисленных разрозненных находках в Ферганской долине китайских бронзовых монет *Ушу* не могут служить основанием для утверждения о получении их Даваньским Двором.

В период правления династии Хань территории царств Восточного Туркестана западнее Дунхуана (敦煌, Dunhuang) от застав Юймэнь (玉門關, Yumen Pass) и Янгуань (陽關, Yangguan Pass), по всей видимости, официально не включались в состав китайской империи [Боровкова, 2001: 226]. Однако в то же время в «Западном крае» были учреждены «частые военные посты ... поставлено по несколько сот военнопашцев; определены приставы», подчиненные наместнику [Бичурин, 1950: 171]. Последний имел штат военных чиновников [Боровкова, 2001: 227], обеспечивал беспрепятственное движение торговых караванов и китайских послов, осуществлял надзор над многочисленными царствами «Западного края», «доносил Двору о их движениях; мирных успокаивал, немирных усмирлял оружием» [Бичурин, 1950: 171–172] и «доводил до «Западного края» распоряжения Хань» [Боровкова, 2001: 227]. Влияние Китая на эти территории то ослабевало, то вновь усиливалось. Такое периодическое, но все же весьма значительное влияние Китая на царства Западного края предопределяло поступление сюда китайских монет. Представляется, что характер обращения этих монет оставался здесь таким же, как и в Китае. Тому подтверждение многочисленные находки на городищах в Восточном Туркестане как единичных монет *Ушу* и их кладов, так и литейных форм для изготовления подобных монет [Wang, 2004-a: 26, 39–41, Pl.1–2, 5–6]. На высокую интенсивность использования монет в этом регионе так же указывают многочисленные хозяйственные документы изучаемого периода, найденные в Восточном Туркестане, содержащие информацию о купле-продаже различных товаров, о займах и иных операциях с использованием монет [Wang, 2004-a: 47–92]. Следует отметить, что большинство находок китайских монет *Ушу* происходит с городищ вдоль «южной дороги» в районе Лоуланя (樓蘭, Loulan) и Хотана (于闐, Yutian (Khotan)) [Wang, 2004-a: 127–244, 289]. Именно в Хотанском оазисе выявлены самые большие по количеству клады монет *Ушу* [Wang, 2004-a: 25]. В то же время, о сколько-нибудь значительных находках кладов таких монет в находящимся северо-западнее Хотана (на пути в Ферганскую долину) Яркенде (莎車 Shache (Yarkand)) и Кашгаре (疏勒, Shule (Kashgar)) пока сведений нет. Таким образом, представляется, что выявление в местном монетном комплексе большого количества медных китайских монет *Ушу*, несомненно, следует связывать с продолжительным присутствием в регионе китайской администрации и крупных военных гарнизонов, а также возможностью интенсивных торговых связей с Китаем. Следует заметить, что находки монет *Ушу* ранних эмиссий в Восточном Туркестане довольно редки. Если опираться на находки монет и сведения из переводов письменных источников о китайской администрации в

«Западном крае», то пока нет оснований датировать начало денежного обращения в Восточном Туркестане ранее конца I – начала II вв.

Анализ военно-политической ситуации в царствах Ферганской долины уверенно показывает, что «проникновение Хань в их земли было временным и никогда не принимало характер постоянной и стабильной оккупации» [Боровкова, 2001: 226]. На этих территориях при наличии в рассматриваемый период крупных городов, но отсутствии в них постоянной китайской администрации и военных гарнизонов находки монет *Ушу* пока единичны или не известны. Подавляющее большинство монет *Ушу*, найденных в Ферганской долине, было выявлено при раскопках могильников в составе погребального инвентаря, чаще «на груди или шее вместе с бусами» [Горбунова, 1996: 82–83], но не на городищах⁴. Для них, даже если принять мнение о ферганском изготовлении части таких монет, их использование видится только в качестве украшения. Находки китайских монет *Ушу* в Ферганской долине предполагают торговые связи с Китаем (Восточным Туркестаном), но их использование здесь в качестве средства местного денежного обращения представляется пока необоснованным.

Еще одной группой, заслуживающей специальных комментариев, являются опубликованные сведения о находках на территории современного Кыргызстана кушанских монет. Известно, что в первых веках н.э., когда северная граница Кушанского царства проходила по Гиссарскому хребту (Таджикистан), «этот рубеж являлся, видимо, не только политической, но и культурно-экономической границей» [Зеймаль, 1983: 64]. Вследствие этого, находки кушанских монет в Средней Азии за пределами долин южного Таджикистана, а в Узбекистане, кроме района Термеза и долины Сурхандарьи [Зеймаль, 1983: 186], практически неизвестны⁵. В Восточном Туркестане, когда известны точные обстоятельства находок кушанских монет, указывается только на Хотанский оазис. Их выявление в этих регионах имеет вполне конкретные исторические подтверждения. Опубликованные же сведения о находках медных кушанских монет [Камышев, 2004-б: 150] и их подражаний [Камышев, 2008: 64] на территории современного Кыргызстана являются недостоверными⁶. Единственной кушанской монетой, условия выявления которой, указываемые находчиком, не вызывают сомнения, является находка в 2012 г. в верховьях ущелья Кызыл-Суу (выходит в восточную часть Чуйской долины) *тетрадрахмы* царя Канишки I (127/8–152 гг.).

Таким образом, можно заключить, что известные на сегодняшний день спорадические находки древних монет на территории современного Кыргызстана могут лишь указывать на наличие и направление вероятных торговых связей, дипломатических миссий, военных походов и прочих подобных нерегулярных событий, не позволяя выявить какие-либо устойчивые тенденции и закономерности в их использовании. В связи с этим, мнение относительно использования в древности на территории современного Кыргызстана иноземных монет для местного денежного обращения представляется некорректным, т.е. не имеющим ни исторических, ни археологических, ни каких-либо иных веских оснований. В то же время, значительные находки в Восточном Туркестане кушанских, сасанидских, византийских монет и их подражаний, выявленных, в том числе, в уверенно датируемых захоронениях, дополненные сведениями из экономических документов изучаемого периода,

позволяют делать выводы о разноплановом использовании этих монет, в том числе, видимо, и для денежного обращения [Skaff, 1998: 108/D45; Wang, 2004-a: 75–91].

Периодичность экономических отношений с Китаем с VII в. на основе находок в Чуйской долине разных типов китайских монет династии Тан довольно подробно анализировалась нами ранее [Кошевар, 2007-а: 73–74]. Появление и обращение в составе местного монетного комплекса таких монет следует уверенно связывать с китайским присутствием в этом регионе, некоторые даты которого обозначены в переводах китайских письменных источников. Сравнение находок китайских монет танского периода на городищах Чуйской долины явно объясняет причину того, что наибольшее их количество выявлено именно на городище Ак-Бешим, отождествляемом со средневековым городом Суяб. Считается, что китайский гарнизон в Суябе просуществовал с некоторыми перерывами до 719 г. Видимо, этой датой следует ограничить первый этап интенсивного поступления в Чуйскую долину китайских монет 開元通寶 (Кайюань Тунбао; Kai Yuan Tong Bao). Затем, во 2-й половине VIII в., в связи с изоляцией тибетцами Восточного Туркестана от центрального Китая сюда поступали китайские монеты только восточно-туркестанских эмиссий: 乾元重寶 (Цяньюань Чжунбао; Qian Yuan Zhong Bao) (кроме монет диаметром 35 мм., номиналом 50 *вэнь* с двойным кольцом на об. ст. монеты); 大曆元寶 (Дали Юаньбао; Da Li Yuan Bao) (766–779); 建中通寶 (Цзяньчжун Тунбао; Jian Zhong Tong Bao) (780–783); монеты с одним иероглифом 元 (Юань; Yuan) или 中 (Чжун; Zhong) (обе 756(?)–783). После 787 г., когда из Восточного Туркестана ушла китайская администрация, стало некому собирать налоги и выплачивать жалование в китайских монетах, соответственно ценность оставшихся на руках у населения монет значительно снизилась, и вскоре их прекратили использовать по прямому назначению. Маловероятно, что власти Тибета, в силу враждебных отношений с Китаем, разрешили бы выпуск и длительное обращение после 787 г. на контролируемой ими значительной части территории Восточного Туркестана монет с китайской легендой. Следует отметить, что во всех известных документах этого времени ссылки на использование монет ограничиваются серединой IX в. [Wang, 2004-a: 107–113; 2004-b: 32]. Видимо, этим временем следует ограничить обращение монет с китайской легендой, как на территории Восточного Туркестана, так и Чуйской долины. Изменилась политическая ситуация в регионе, ушла китайская администрация, прервались экономические связи с Китаем «по причине частых внутренних смут в Среднеазиатских областях Китая, особенно около IX и X веков по Р.Х.» [Риттер, 1869: 149], прекратилось поступление новых типов монет. В связи с этим мнение, что в карлукское время города Семиречья «по-прежнему принимали купцов ... из танского Китая» [Камышев, 2002-а: 22] видится ошибочным. До сих пор ни один из исследователей Восточного Туркестана не выявил здесь, какого либо значимого количества монет династии Тан, датированных IX в., и пока неизвестны никакие другие монеты, которые бы выпускались здесь до начала правления династии Караханидов [Rhodes, 1997: 184; Yih, 2006: 12–13]. Нам известны всего лишь две достоверные находки монет Кайюань Тунбао эмиссии 845 г. на территории современного Кыргызстана, происходящие: одна из Иссык-Кульской котловины (ущелье Барскоон), другая из Чаткальской долины [Кошевар, 2010: 48].

В отличие от монетного комплекса Чуйской долины, где до 780-х гг. явно прослеживается китайское влияние, в монетном комплексе восточной части Таласской

долины (городище Садыр-Курган, отождествляемое со средневековым городом Шельджи) находки китайских монет пока незначительны [Камышев, 2004-а: 54]. По переводам китайских и арабских письменных источников известны события, связанные с кратковременным пребыванием китайских войск в Таласской долине в период 739–751 гг., однако на массовое появление в этом регионе китайских монет эти события, видимо, не повлияли.

Иссык-Кульская котловина с начала VII в. до 780-х гг. периодически становилась внутренней территорией «Западного края», но в связи с отсутствием систематических исследований здешних городов, находки китайских монет на этой территории пока также незначительны [Кошевар, 2005: 117]. Существовавшие вдоль юго-западного побережья города выполняли, видимо, транзитную роль, а единственное большое городище в восточной части Иссык-Кульской котловины, в урочище Кой-Сары и прилегающие территории от Тюпа до Каракола дали пока весьма немногочисленные находки китайских монет династии Тан [Кошевар, 2007-б: 52]. В 2010–2013 гг. в щелье Барскоон было выявлено несколько китайских монет династии Тан.

В Ферганской долине пока нам известно о случайной находке всего двух монет династии Тан эмиссий второй половины VIII в.; о находках таких монет во Внутреннем Тянь-Шане сведений пока нет.

Для среднеазиатских территорий юридическое учреждение во второй четверти VII в. китайских наместничеств (духу; 都护) также не вызвало массового появления здесь собственно китайских монет [Смирнова, 1981: 35, 100–101]. Однако китайское влияние, повлекшее изменение в оформлении согдийских монет, несомненно.

Таким образом, можно заключить, что на большей части среднеазиатских территорий, характеризующихся как территории транзитной или приграничной торговли с Восточным Туркестаном (Китаем), не являющихся территориями продолжительного присутствия китайской администрации и (или) гарнизонов, вне зависимости от размеров городов и приближенности к границам Китая, находки китайских монет единичны. Многочисленные находки китайских монет следует связывать только с продолжительным присутствием китайской администрации и военных гарнизонов в крупных городах, что прекрасно прослеживается в Чуйской долине на примере городища Ак-Бешим. Собственно говоря, эти выводы повторяют заключения, сделанные ранее, об обращении древних китайских монет *Ушу* вне территории Китая. Априорно принимавшееся многими исследователями представление о «валютном» хождении медной китайской монеты по всей трассе ВШП, несомненно, нуждается в пересмотре.

Следует заметить, что среди находок древних монет на территории современного Кыргызстана, монет местных эмиссий рассматриваемого периода пока не выявлено. Начало выпуска монет местных эмиссий совпадает с новым этапом влияния Китая на «Западный край» и активным продвижением согдийцев на восток, и пока видится не ранее VII в. для Ферганской долины и конец VII – начало VIII вв. для Чуйской и Таласской долин. Иные регионы современного Кыргызстана: Иссык-Кульская котловина, Внутренний Тянь-Шань собственной эмиссии монет в древности и раннем средневековье, по всей видимости, не имели. Мы пока не касаемся дискуссионных вопросов внутренней хронологии раннесредневековых монет местных эмиссий. Эта тема, при ясности общих границ существования раннесредневекового денежного обращения в рассматриваемом регионе, требует более детального изучения.

Изначально следует отметить довольно редкий тип согдийских монет (илл. П-1, 1). Своим оформлением они напоминают анэпиграфные монеты Самаркандского (Восточного) Согда, датированные А. Неймарком второй четвертью VII в. Надпись на л. ст. монеты прочитана П.Б. Лурье как *bgy* (*vaghi*) «lord» слева и *prn* (*farn*) «glory» справа от портрета соответственно [ZENO, Интернет: № 6305–6308, 10738, 82181, 82182], т.е. без тюркских титулов. Знак, помещенный на оборотной стороне монеты, скорее всего, следует рассматривать как развитие тамги, помещаемой на об. ст. монет Бухары (𐰉), Чача (𐰊), восходящих, в свою очередь, как предполагается, к тамге Самаркандского Согда (𐰅 или 𐰆) [Бабаяров, 2007: 84; Смирнова, 1981: 449–455]. Находки таких монет известны как в Восточном Туркестане (район Или), так и в восточной части Чуйской долины (городище Ак-Бешим). Как видится, эти монеты могут быть наиболее ранним типом монет местных эмиссий. При определении времени эмиссии следует учесть, что наличие бортика по краю монеты явно указывает на китайское влияние в оформлении. Для Чуйской долины это возможно не ранее середины VII в., но если предположить их восточно-туркестанскую эмиссию, то датировка может быть более ранней [Кошеввар, 2008: 21–22].

Наиболее распространенным местным монетным материалом домусульманского периода в Чуйской и Таласской долинах являются согдийские монеты Семиречья или т.н. «тюргешские» монеты IV типа, по классификации О.И. Смирновой [Смирнова, 1981: 400], различных диаметров (илл. П-2). Начало их эмиссии относят к первой четверти VIII в. Изначально используемый при определении таких монет термин «тюргешская» монета происходит от бесспорного прочтения части надписи на лицевой стороне – *twrkyly* $\gamma'\gamma'n$ (тюргешский каган; *turgesh qaghan*). Вследствие этого и постулировалась принадлежность монет тюркскому племени тюргешей и язык надписи определялся как тюркский (уйгурский) [Бернштам, 1940: 105], однако, при этом, явно не учитывалась историческая ситуация, сложившаяся в регионе эмиссии монет. В результате исследований, проведенных в 50-е годы XX в. О.И. Смирновой и А.Н. Щербаком, было определено, что надписи на монетах составлены явно не тюрками, язык надписей на монетах – согдийский [Кызласов, Смирнова и др., 1958: 554–555]. Впоследствии это заключение более никем не оспаривалось, и вопрос считается окончательно решенным. Мнение о том, что в связи с международным характером согдийского языка он был использован для надписей на монетах, представляется более чем неубедительным. Монеты местных эмиссий использовались только внутри или между крупными городами в большей степени Чуйской и в меньшей степени Таласской долины, и не имели сколько-нибудь значительного распространения в среде кочевников [Кошеввар, 2005: 116; Мокрынин, 1973: 119]. Их область обращения совпадала с границами владений эмитента, за пределами которых такие монеты теряли свое значение. Таким образом, видится, что именно наличие крупных согдийских колоний в Чуйской долине является основной причиной появления согдийских надписей на монетах местных эмиссий. Анализ количественного и качественного состава находок, т.н. «тюргешских» монет, показал, что фактически они имели обращение только в согдийских колониях, границу которых в Чуйской долине определил А.Н. Бернштам: северная – городище Кысмычи на правом берегу р. Чу и восточная – городище Ак-Бешим. По сведениям Махмуда Капшгарского, Баласагун являлся крайней восточной границей распространения согдийского языка в Семиречье [Бернштам,

Илл. П-1. Согдийская монета с надписью на лицевой стороне и брактеат

Илл. П-2. Согдийские (или т.н. «тюргешские») монеты Семиречья различных диаметров (тип IV по классификации О. И. Смирновой)

Илл. П-3. Т. н. «тухусские» монеты различных диаметров

Илл. П-4. Монеты тип IV с дополнительными знаками на об. ст.

Илл. П-5. Монеты с согдийскими легендами на л. ст., отличными от легенд на монетах IV типа, и с дополнительными знаками на об. ст.

Илл. П-6. Монета с титулом карлукского кагана

Илл. П-7. Монета с двумя руническими знаками

Илл. П-8. Монеты с круглым центральным отверстием и различными насечками

Илл. П-9. Т.н. «прото-караханидские» монеты

Илл. П-10. Монета с двумя тамгами из Ферганской долины

1941: 59–60]. Проставленный в легенде на монетах этого типа термин *рпу* трактуется исследователями по-разному, но наиболее точным его значением является слово «монета», а не ее номинал [Кошевар, 2005: 72]. Такая формулировка вполне объясняет использование этого термина на однотипных (по легенде) монетах разных диаметров, предполагая возможное одновременное обращение монет разных номиналов, дробных основному.

Еще одной большой группой монет местных эмиссий являются т.н. «тухусские» монеты (илл. П-3). Некоторые исследователи относят начало их эмиссии к 766 г. [Камышев, 2004-а: 63; 2004-б: 153; 2008: 86], ко времени, когда по сведениям из переводов китайских письменных источников к власти в Семиречье пришли карлуки, а обращение мелких «тухусских» монет – к IX в. Однако принятие такой даты вступает в явное противоречие с общепринятым временем основания буддийского храма на городище Ак-Бешим между 692(693) и 705 г. [Кызласов, 2006: 298–299]. Здесь в ходе археологических работ, в 1953–1954 гг. были найдены монеты, условия выявления которых позволяют заключить, что во время строительства и функционирования храма в местном денежном обращении уже находились т.н. «тухусские» монеты различных диаметров (= номиналов) от 13 до 20 мм.

Изменчивая политическая ситуация в регионе после гибели тюргешского кагана Сулука в 738 г. и последующая раздробленность Тюргешского каганата способствовали появлению здесь локальных эмиссий монет с дополнительными знаками на оборотной стороне по типу буквы рунического алфавита и в виде согдийского слова (илл. П-4). Видимо, примерно в это же время появляются монеты с согдийскими легендами на лицевой стороне, отличными от легенд на монетах IV типа (илл. П-5). При многочисленности типов общее количество находок монет локальных эмиссий не незначительно. Из чего, видимо, можно заключить о непродолжительном их выпуске. Следует отметить, что находки монет некоторых типов более жестко привязаны к определенным территориям или городищам.

Ранее мы указывали, что сложно согласиться с предполагаемой некоторыми исследователями полной апатией карлуков к политическим и экономическим процессам, происходившим на контролируемой ими территории [Кошевар, 2005: 77]. Также представлялось маловероятным, чтобы карлуки позволили продолжение выпуска и длительное обращение монет, чествующих в своей легенде кагана разгромленных ими тюргешей. В подтверждение наших сомнений свидетельствуют единичные, известные пока только на городище Шиш-Тюбе (к северу от г. Кара-Балта), находки монет с титулом карлукского кагана (илл. П-6) [ZENO, Интернет: № 46265, 70019].

Находка на городище Красная Речка, отождествляемом со средневековым городом Невакет, очень редкой монеты (илл. П-7), видимо, с руническими знаками [Камышев, 2002-а: 104; ZENO, Интернет: №7034, 7866], предполагает только ее тюркскую принадлежность, но никак не принадлежность к эмиссии Кыргызского каганата [Камышев, 2004-б: 155], пусть даже в качестве предположения.

Принято считать, что т.н. «тюргешские» монеты находились в обращении до конца X в., «когда их сменили ранние илекские дирхемы» [Бернштам, 1940: 105], и даже в XI в. [Горячева, 1988: 97; Настич, 1989: 117]. Эта точка зрения основана на предположении о непрерывности денежного обращения и на находках таких монет в

археологических слоях, датируемых караханидским временем. Выявление в слоях, датируемых X–XI вв., монет эмиссий VIII в. может предполагать, что у местного населения оставались такие монеты, но только как реликвии, амулеты, бытовые предметы и т.п. (илл. П-8). То, что эти монеты использовались в качестве платежного средства, требует дополнительных доказательств. Необходимо также учитывать, что такие монеты могли попадать в слои X–XI вв. в результате строительных работ: при вторичном использовании глины из более ранних слоев. Т.е. используемый в таких случаях строительный материал не является археологически «чистым» и может содержать артефакты из более ранних культурных слоев. Одним из возможных аргументов в пользу длительности обращения монет VIII в. могли бы служить клады, содержащие как монеты караханидского времени, так и монеты Семиречья эмиссий VIII в. Но все опубликованные на сегодняшний день клады караханидских монет из Чуйской долины однородны по составу и содержали только монеты этого периода. Пока неизвестно ни одного клада монет Семиречья VIII в., найденного в слоях, датируемых X–XI в. Аналогичным доказательством могли бы служить совместные находки монет Семиречья VIII в. с китайскими монетами династии Северная Сун, с местными выпусками «прото-караханидских» монет (илл. П-9), имевших обращение в Чуйской долине⁷, видимо, с середины X в. Таких случаев, однако, пока также не зафиксировано. В пользу нашего предположения указывают находки монет на городище Бурана, датированном по результатам археологических работ не ранее X в. Здесь монеты местных эмиссий VIII в. и китайские монеты династии Тан VII–VIII вв. являются большой редкостью.

Анализ материалов, полученных в результате археологических работ в Чуйской долине, проведенных в 50–90-е годы XX в. на городищах Ак-Бешим и Красная Речка, и данные 2004–2013 гг. из городища Новопокровское II, позволяют предположить, что военные действия середины – третьей четверти VIII в., имевшие место в регионе, привели к частичному или полному разрушению большей части городов, и, как следствие – к значительному ослаблению или даже прекращению в них, или возможно даже во всем регионе, товарно-денежных отношений. На упадок городов Чуйской долины и их «зависимость от города Таласа» указывал В.В. Бартольд, относя начало этого процесса к разрушению в 748 г. города Суяб китайским наместником в Восточном Туркестане Ван Чжэн-сянем [Бартольд, 1963-а: 33–34]. В «Ду хуань Цзинь Син Цзи» прямо указывается на упадок поселений в Чуйской долине.

В Таласской долине общее количество находок монет местных эмиссий значительно уступает количеству аналогичных монет, выявленных в Чуйской долине. Исключения составляют монеты с дополнительными знаками на своей *об. ст.* – их количество соизмеримо с находками таковых в Чуйской долине. Исключением являются монеты со знаком на *об. ст.*, находки которых в Таласской долине пока неизвестны.

Как мы уже указывали, монеты местных эмиссий не поступали в международное обращение. Известные находки таких монет за пределами региона их эмиссии незначительны. Так, в Ферганской долине пока достоверно известно о находке только двух, т.н. «тюргешских» монет, в Центральном Тянь-Шане (около Таш-Рабата) – одной, а в Иссык-Кульской котловине находки таких монет пока не зафиксированы. Кроме того, отмечены не имеющие систематического характера, находки т.н.

«тюркешских» монет в Присырдарьинской области (Отрарский оазис), Восточном Согде, Бухаре, Восточном Туркестане, Иране (в Сузах), на Алтае и в Монголии. Находки в основном представлены единичными экземплярами монет IV типа диаметром 24–25 мм. Типологический комплекс монет из Отрарского оазиса схож с Таласским, но при значительно меньшем количестве находок. В свою очередь, монеты Согда, Чача, Отрара и других областей Средней Азии в монетном комплексе Семиречья известны так же в единичных экземплярах. Одна монета Чача (Жабарна) выявлена на городище Садыр-Курган [ZENO, Интернет: №-128676]. Для Ферганской долины известны несколько типов монет местных эмиссий [Баратова, Матбабаев, 2004: 20–29; Смирнова, 1981: 336–342], но и их находки за пределами Ферганской долины единичны. Так, например, один экземпляр монеты «безымянного кагана» известен в Восточном Туркестане (район р. Или) [ZENO, Интернет: № 15829], другой экземпляр, по сообщению В. Беляева (Москва) – во Внутренней Монголии. В 2007 г. в восточной части Ферганской долины была случайно найдена одна монета, которую, по всей видимости, следует отнести к неизвестным ранее ферганским эмиссиям (илл. П-10). Изложенные сведения надежно подтверждают заключение, что монеты местных эмиссий редко покидали территорию своего обращения, совпадающую с территорией владений эмитента.

Хронология поступления в Чуйскую долину мусульманских монет также явно связывается с военно-политическими событиями, происходившими в регионе. Военные действия между тюрками и арабами в IX в. были постоянными, чему есть немало свидетельств у ал-Истахри, ал-Макаддаси, Табари. В 942 г. саманиды взяли «в плен сына хакана» [Кочнев, 2006: 149], но Баласагун, видимо, не вернули. Если бы последнее событие имело место, то это могла быть кратковременная военная операция, не повлекшая за собой утверждения какой-либо реальной власти саманидов над этими областями, или же пленение «сына хана» произошло на иной, более западной территории. Признание достоверности сведений о «возврате» Баласагуна, а также о находках значительного количества медных (бронзовых) аббасидских и саманидских монет в Чуйской долине [Камышев, 2004-б: 155] являлось бы основанием для утверждения о расширении северо-восточных границ Саманидского государства на Чуйскую долину, а также о более раннем и более значительном, чем предполагалось ранее, политическом и экономическом арабском влиянии на эти территории. Но такое предположение вступает в явное противоречие со сведениями из переводов арабских письменных источников, где в начале X в. Талас называется не иначе как «граница распространения ислама» [МИКК, 2002: 35], далее него, даже в середине X в., «мусульмане обыкновенно не заходили» [Бартольд, 1966: 33; Волин, 1960: 79]. Подтверждают наши сомнения сведения о незначительном количестве находок на городище Садыр-Курган саманидских фельсов (*совр. чтение – фалс*) [Камышев, 2009: 288]⁸.

«Арабские географы X в. описывают тюрков как народ, совершенно чуждый исламу и находящийся во вражде с мусульманами, хотя в это время положение уже начало изменяться» [Бартольд, 1968: 59]. Сведения об этом есть в переводах ал-Истахри, Ибн Хаукаля (вторая половина X в.). Следует заметить, что если в переводах письменных источников начала X в. говорится об области войны с тюрками, то в середине X в. речь идет о недавно отвоеванных у них территориях, принятии ими ислама и торговле с ними. Известно, что только в 924 г. первые мусульманские

торговцы, прошедшие, видимо, через Ферганскую долину и Восточный Туркестан, проникли в Монголию [Бартольд, 1963-б: 253].

Следует отметить, что все авторы арабских и персидских географических описаний IX – середины X вв. приводят об этом, отдаленном для них, Семиречье однообразные сведения, явно компилятивного характера, подробно и разнообразно описывая только области, лежащие к югу от Таласа, используя при этом источники, восходящие к середине VIII – началу IX в. [МИТТ, 1939: 18; Волин, 1960: 73–76]. И только в конце X в. (Худуд ал-Алам) появляются дополнительные данные об этих тюркских территориях, которые, в свою очередь, восходят, к источникам с датой «составления изначального текста между 766 и началом 767 гг.» [Лурье, 2005: 87], что, несомненно, является еще одним косвенным свидетельством сложных отношений между тюрками и мусульманами в конце VIII – середине X вв., явно не способствовавших развитию товарно-денежных отношений в регионе.

С началом массового принятия тюрками ислама, начиная с середины X в., и нормализацией отношений со ставшими единоверными им мусульманскими странами, торговые пути через тюркские территории восстанавливаются. Это подтверждается монетными находками – именно с этого времени наблюдается активизация поступления саманидских монет в Чуйскую долину. Большинство из найденных здесь фельсов относятся к эмиссиям второй половине X в., причем на значительной части находок саманидских фельсов этого периода пробито отверстие, но не только в центре, но часто еще и с краю. Отверстия в монетах подразумевают их демонетизацию, т.е. использование не как средства обращения, предполагая бытовой или мемориальный характер. Пожалуй, именно с принятием местными тюрками мусульманства следует связывать массовую демонетизацию найденных в Семиречье саманидских монет.

Кризис торговли со второй половины VIII в. был обусловлен борьбой ведущих азиатских империй за гегемонию в Центральной Азии, за контроль над трассами ВШП. С этого времени в силу складывающейся в регионе военно-политической ситуации Чуйская долина оставалась вне зоны основных путей торговых караванов. Конечно, нельзя утверждать о полном разрыве экономических связей городов Чуйской долины с сопредельными регионами. Однако об изменении путей товарных потоков и значительном снижении интенсивности или, возможно, даже прекращении товарно-денежных отношений и собственной эмиссии монет в этом регионе в IX – середине X вв. проведенный нами анализ свидетельствует вполне определенно. Таким образом, можно утверждать, что в связи со сложившейся военно-политической ситуацией в регионе города Чуйской долины с конца VIII до середины X вв. «по-прежнему принимать купцов ... с мусульманского запада» [Камышев, 2002-а: 22] не могли.

Ферганская долина значительно раньше вошла в зону мусульманского влияния, чем Семиречье, и здесь уже при аббасидах известна эмиссия монет в Ахсикате в 144/761–762 г. и Фергане в 204/819–20 г. При саманидах здесь продолжили активно чеканить монеты. Кроме того, начали работать монетные дворы в Узгене (Узгенд, Узканд) с 312/924–25 г., Насрабаде с 335/946–47 г., Кубе с 336/947–48 г. В 284/897 г. известна эмиссия в Оше. А.Х. Атаходжаев, анализируя находки саманидских фельсов в Ферганской долине, показал, что доля монет местных эмиссий составляет 73,5% [Атаходжаев, 2006: 216–217, 219]. Примерно такую пропорцию составляют саманидские фельсы ферганских эмиссий в Чаткальской долине 76,2%

[Кошевар, 2010: 49–50]. Это с учетом эндемичности их обращения, подтверждает сведения из переводов арабских письменных источников, что в этот период Чаткальская долина территориально относилась непосредственно к Фергане.

В конце X в. к власти пришла династия Караханидов. Период ее правления считается одним из интереснейших этапов монетного обращения на территории современного Кыргызстана. В подтверждение здесь довольно многочисленны как единичные находки, так и разные по размеру и датировкам клады караханидских монет. Среди них встречаются ранее не известные типы и варианты монет. Так, после издания Б.Д. Кочневым «Свода надписей на караханидских монетах» только на территории Кыргызстана было выявлено более 60 новых типов монет, большая часть из которых уже опубликована. Некоторые из этих монет отражают весьма важные, ранее неизвестные исторические факты и позволяют внести существенные коррективы в общепринятую хронологию политической истории Караханидского каганата, или разрешить спорные моменты. Так, например, выявление среди монет клада с городища Садыр-Курган одного типа монет Тараза 469/1076–77 г. с титулатурой *Тогрыл-хана* Йусуфа б. Сулаймана и вассала `Умара и четырех типов монет Тараза 471–472/1078–1080 гг. с упоминанием только одного `Умара, но уже с титулом *Тогрыл-хан* [Кошевар, Абасбеков, 2009, с. 112–121], прояснило ситуацию по хронологии Восточных Караханидов второй половине XI в. [Кошевар, 2009: 121–130], которая вызывала горячие споры на протяжении более 100 лет. Выявление среди монет клада с городища Шиш-Тюбе двух, ранее неизвестных дирхамов чекана Са[пи]джаба (=Испиджаба) 450/1057–58 г., позволило установить, что новым титулом Хусайна б. Мухаммада стал *Арслан-тегин* [Кошевар, 2011-а: 5–6]. И таких примеров много.

Также с середины X в. вновь активизируются торговые связи с Китаем, что подтверждается находками в Иссык-Кульской котловине, Чуйской долине и на городище Садыр-Курган монет династии Северная Сун. Кроме двух небольших кладов с преобладанием монет начала династии Северная Сун над монетами династии Тан, выявленных в Чуйской долине [Камышев, 1999: 56–61]⁹, все остальные находки единичные [Кошевар, 2004: 34–35; 2007-б: 52]. Немногочисленность находок сунских монет, при наличии сведений об их громадной эмиссии, приводит к выводу, что эти монеты в местном денежном обращении не участвовали, а являются лишь косвенными свидетельствами возобновленных торговых связей с Китаем. Последующее прекращение поступления новых типов китайских монет на изучаемую территорию следует связывать с завоеванием в 1130-е годы Семиречья кара-китаями (кидани, *совр. чтение* – карахытай)¹⁰ [Кошевар, 2007-б: 52].

Весьма слабо изученной группой являются анонимные монеты периода кара-китайского правления из Чуйской долины. Впервые они были выявлены в частных коллекциях и описаны Б.Д. Кочневым [Кочнев, 2001: 50–52]. Затем М.Н. Федоровым были изучены два клада таких монет, происходящих с городищ Красная Речка и Бурана [Fedorov, 2004: 322–327, Pl. 40; 2006-а: 409–414, Pl. 78–79]. В 2009 г. юго-западнее городища Бурана выявлен еще один клад аналогичных монет, который в настоящее время находится у нас на изучении. Многообразие штемпелей, в том числе с надписями, содержащими ошибки и искажения, были отмечены Б.Д. Кочневым при изучении уже первых монет. По публикациям можно обобщить, что монеты начали чеканить в конце правления халифа ал-Мустаршида (512–529) и интенсивно продолжали при халифе ал-Муктафи (530–555).

Последующий период отмечен в Чуйской долине единичными находками золотых монет Великих Сельджуков, Ануштегинидов [ZENO, Интернет: № 68876, 68238], Гуридов [Fedorov, 2006-b: 401–408, Pl.77], одной серебряной монеты [ZENO, Интернет: № 61587] и небольшого клада Джучидов [Кошевар, 2011-б: 121–123], многочисленными монетами династии Чагатаидов и одной медной монетой династии Шейбанидов. Китайская составляющая представлена двумя монетами чжурчженского государства Цзинь, одной монетой династии Юань, четырьмя монетами династии Западное Ляо [Беляев, Сидорович, 2012: 267–278; ZENO, Интернет: №63045, 90689, 98637, 105364], одной монетой династии Мин¹¹. На городищах Чуйской долины (Красной Речке и Буране), в Кочкорской долине и ущелье Шамси отмечены, ранее не известные для этого региона, единичные находки тимуридских медных монет [ZENO, Интернет: № 60446]. Из участков ВШП, проходящих через Чуйскую долину, особо следует отметить ущелье Шамси, которое, видимо, постоянно использовалось для прохождения караванов. Регулярные находки здесь единичных монет от древних до начала XX в. – лучшее тому подтверждение. Последние находки в ущелье Кызыл-Суу, вероятно, маркируют один из возможных путей из Чуйской долины в Исык-Кульскую котловину.

На городище Садыр-Курган выявлен небольшой клад тимуридских фельсов Бухары 832 г.х. Также отмечены единичные находки монет династии Чагатаидов и Тимуридов.

Подводя итоги, можно заключить, что даже краткий анализ сведений о месте чекана и выявления монет, их эмитентах и датах эмиссии показывает, насколько изучение монет (как наиболее достоверного «официального» источника) является важным для уточнения истории ВШП на территории современного Кыргызстана.

Некоторые метрологические и другие данные приведенных монет*

№ на рис.	Диаметр (мм)	Примечания
1	2	3
1.	24,7	На л. ст. слева <i>bgy</i> , справа <i>prn</i> . Коллекция А. Гусева, г. Бишкек
2.1.	24,4	На л. ст. <i>βγ twrkyš γγn pny</i>
2.2.	21,35	На л. ст. <i>βγ twrkyš γγn pny</i>
2.3.	15,95	На л. ст. <i>βγ twrkyš γγn pny</i>
2.4.	11,5	анэпиграфная
2.5.	26,85	На л. ст. <i>βγ twrkyš γγn pny</i> . Коллекция Д.А. Панасова, г. Бишкек
3.1–4.		На л. ст. <i>tʷss ʷβw</i> [ZENO, Интернет: №47154] (или предлагаемое <i>wn'ntm'x xwβw</i> [ZENO, Интернет: №15831]), на об. ст. <i>βγ twrkyš γγn pny</i>
3.1.	19,7	Тамга на л. ст. монеты справа
3.2.	16,45	Тамга на л. ст. монеты справа
3.3.	12	Тамга на л. ст. монеты справа
3.4.	18,8	Тамга на л. ст. монеты слева
4.1.	28,2	на об. ст. рунический знак $\mathfrak{M}$ и согдийское слово [ZENO, Интернет: №9955]. Коллекция Д.А. Панасова, г. Бишкек
4.2.	25,2	на об. ст. рунический знак $\mathfrak{M}$ и согдийское слово. По ZENO, №39562.
4.3.	24,15	на об. ст. рунический знак $\mathfrak{M}$
4.4.	20,25	на об. ст. рунический знак $\mathfrak{M}$ (с различным расположением знака)
5.1.	22,65	На л. ст. <i>xwt'w w'xswt'wy pny</i> (или предлагаемое новое чтение <i>xwt'w wrnxwt'wy pny</i>), на об. ст. рунический знак $\mathfrak{M}$ и иероглиф $\overline{\text{元}}$ (тип I по классификации О.И. Смирновой)
5.2.	25,9	На л. ст. <i>'rsl'n 'yrk'yn xwβw pny</i> , на об. ст. $\mathfrak{M}$ и согдийское слово
5.3.	24,9	На л. ст. <i>'rsl'n kwyl yrkyn</i>
5.4.	21	На л. ст. <i>βγ 'rsl'n 'pylk' γγn pny</i> (чтение по часовой стрелке)
5.5.	19,5x21	На л. ст. <i>βγ 'rsl'n 'pylk' γγn pny</i> (чтение против часовой стрелки)
6.	19,2	На л. ст. <i>βγ xr'lwγx'γn pny</i> , на об. ст. <i>kwp-'k xwt'w</i> . По ZENO, №70019
7.	24,3	По ZENO, №52829.
8.1.	24,35	На л. ст. <i>βγ twrkyš γγn pny</i>
8.2.	24,8	На л. ст. <i>βγ twrkyš γγn pny</i>
8.3.	24,6	На л. ст. <i>βγ twrkyš γγn pny</i>
8.4.	21,6	На л. ст. <i>βγ twrkyš γγn pny</i>
9.	23,5	
10.	21,75	
11.	18,5	Подобие византийского <i>солида</i> . Вес 0,7 гр. Частная коллекция, г. Бишкек

* Если не указано иное, то монеты – из коллекции автора статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Совсем не факт, что собранные монеты являлись местными находками. Крестьяне переселялись в Иссык-Кульскую котловину из центральных и южных регионов России с конца XIX в., где известны многочисленные находки древнеримских, древнегреческих, византийских монет. Указанные монеты вполне могли быть привезены ими с собой [Зеймаль, 1983: 63, прим. 43].

² В 2003 г. в Иссык-Кульской котловине случайно найдена одна монета *Ушу* в составе клада китайских монет Танского периода. В 2004 г. недалеко от г. Узгена (восточная часть Ферганской долины) также случайно найдена (вне захоронения) одна монета *Ушу*. В 2006 г. при раскопках на городище Кошой-Коргон (Центральный Тянь-Шань) найдено 6 анапиграфных монет, выполненных по типу монет *Ушу*, с датировкой V – начало VII вв. В 2007 г. в Иссык-Кульской котловине найден золотой слиток, видимо китайского происхождения. В 2009 г. в Чуйской долине (район городища Ак-Бешим) найдена одна очень редкая медная (бронзовая) монета Восточно-Туркестанского царства Гаочан (499–640 гг.) и в ущелье Шамси – медное подражание сасанидской *драхме*. В 2012 г. в верховьях ущелья Кызыл-Суу найдена сасанидская *драхма* Пероза, а в районе городища Ак-Бешим *брактеат* (рис. 11, 2). В 2013 г. на городище Садыр-Курган найдена сасанидская *драхма* с отверстием с краю.

³ В Ферганской долине при раскопках 15 могильников в 25 погребениях выявлена 31 монета *Ушу* [Горбунова, 1996: 82–83]. Позже Л. Баратовой (Ташкент) опубликованы сведения о находке в 1982 г. еще двух монет *Ушу* в могильнике Варзик.

⁴ А.М. Камышев указывает, что в Опшской области был найден клад, «содержащий более 150 монет *Ушу*» [Камышев, 2002-б: 55]. На наш запрос он сообщил, что информацию о кладе ему предоставила Т.С. Нуридинова (Ташкент). Однако сам он этот клад не видел, и никто из специалистов не определял и не публиковал монеты из этого клада как монеты *Ушу*.

⁵ Несколько кушанских монет хранится в коллекции Ферганского областного краеведческого музея. Однако, по сведениям Л. Баратовой, в книге поступлений все они записаны как дар от частного лица и место их находки не зафиксировано.

⁶ Кушанские медные монеты, хранящиеся в нумизматическом музее Национального банка Кыргызской Республики, происходят из большого клада, найденного в середине 90-х годов в Узбекистане (недалеко от границы с Таджикистаном). Во время работы закупочной комиссии НБ КР эти монеты трактовались как «имеющие отношение к денежному обращению Средней Азии», но не Кыргызстана. Несколько кушанских монет в очень плохом состоянии в конце 90-х годов, действительно, привезли из г. Каракол, однако они были найдены не там. Их продал в местный антикварный магазин военнослужащий, ранее служивший на южных рубежах СССР, откуда он привез эти монеты, причем совместно с более поздними медными монетами мусульманских династий.

⁷ В 2013 г. зафиксированы первые единичные находки таких монет на городище Садыр-Курган.

⁸ В 2010–2013 гг. на городище Садыр-Курган было выявлено пять саманидских

фельсов, четыре из них датируются второй половиной X в., три из последних имеют отверстие в центре монетного кружка.

Примечание редакции: Автор предлагал современное написание *фалс*, но мы предпочли традиционное написание – *фельс*.

⁹ Второй клад был выявлен в районе городища Красная Речка в 2012 г. (по сведениям нашедших – в количестве более 20 экз.) с преобладанием разновременных монет начала династии Северная Сун над монетами династии Тан (Кайюань Тунбао).

¹⁰*Примечание редакции:* Автор предлагал современное написание *карахьтан*, но мы предпочли написание – *кара*.

¹¹ Первая находка на территории Кыргызстана монеты династии Мин (правление Цзяцзин (1522–1566 гг.) зафиксирована на городище Садыр-Курган (Таласская долина) [Бурнашева, 1989].

РЕЗЮМЕ

Коллективдүү монографияда археологиялык материалдардын негизинде жана жазма булактардагы маалыматтарды тартуу менен байыркы жана орто кылымдарда өлкөбүздүн аймагынан өткөн Улуу жибек жолун бойлоп жайгашкан эң маанилүү эсептелген тарых жана маданият эстеликтери жөнүндө айтылат. Ошондой эле, бишкектик нумизмат В.Г. Кошевардын Улуу жибек жолу кызуу жүрүп турган мезгилинде азыркы Кыргызстан аймагында жүгүртүлгөн акча жөнүндөгү макаласы кошумчаланып жарыяланат.

Археологдорго, тарыхчыларга жана Кыргызстандын өткөн заманына кызыккан жалпы окурмандарга арналат.

SUMMARY

Collective monograph tells, based on archaeological materials and involving data of written sources, of the most important ancient and medieval history and culture heritage sites, located on the Great Silk Road in our country. In annex it is published work of Bishkek numismatist V.G. Koshevar on monetary circulation in the territory of Kyrgyzstan during the Silk Road functioning.

It is addressed to archaeologists, historians and a wide range of readers interested in the past of Kyrgyzstan.

Литература

Аманбаева Б.Э. Резной шtuk в интерьере средневековых жилищ Краснореченского городища//Красная Речка и Бурана. – Фрунзе, 1989.

Аманбаева Б., Абдуллоев Д. Этапы урбанизации «Большого Оша»//Ош и Фергана: археология, новое время, культурогенез, этногенез [Сер.: «Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана»/Под ред. В.М. Массона. Вып. 4]. – Бишкек, 2000.

Аманбаева Б.Э., Сулайманова А.Т., Жолдошов Ч.М. Петроглифы Ошского оазиса //Кыргызстан: История и современность. – Бишкек, 2006.

Аманбаева Б.Э., Сулайманова А.Т., Жолдошов Ч.М. Разведывательные маршруты Таласского археологического отряда в 2003–2005 гг.//Известия НАН КР. – Бишкек, 2007.

Аманбаева Б., Кольченко В., Сатаев К. Кыргызстан//Архитектура: Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV веков. – Т. 4. – Самарканд-Ташкент, 2013. – С. 55–91.

Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. – Бишкек, 2001.

Археологические памятники Прииссыккуля. – Фрунзе, 1985.

Археологические памятники Таласской долины. – Фрунзе, 1963.

Асанов Т.И. Кочкор-Башы караханий түрктөрүнүн байыркы шаары//Коомдук илимдер журналы. – Бишкек, 2002.

Атаходжаев А.Х. Уровень среднеазиатского денежного обращения VIII–X вв. в сфере меди как показатель экономического развития//ИМКУ. – Вып. 35. – Ташкент, 2006.

Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв. н.э.). – Ташкент, 2007.

Байпаков К.М. О древних городах Суяб и Баласагун//Вестник АН КазССР. – 1976. – № 1. – С. 70–73.

Байпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом шёлковом пути. – Алматы, 1998.

Байпаков К.М. Тараз и средневековые города Таласской долины//Тараз-2000. – Тараз, 2002.

Байпаков К.М., Горячева В.Д. Основные итоги археолого-топографического изучения Краснореченского городища в 1978–1983 гг.//Красная Речка и Бурана: Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции. – Фрунзе, 1989. – С. 69–77.

Баратова Л.С., Матбабаев Б.Х. Клад раннесредневековых монет из городища Кува//Нумизматика Центральной Азии. – Вып. 7. – Ташкент, 2004.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия//Соч., т. 1. – М., 1963.

Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана//Соч., т. 2, ч. 1. – М., 1963.

Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья//Соч., т. 11, ч. 1. – М., 1963.

Бартольд В.В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг.//Соч., т. 4, ч. 1. – М., 1966.

Бартольд В.В. К вопросу об археологических исследованиях//Соч., т. 4. – М., 1966.

Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии//Соч., т. 5. – М., 1968.

Бартольд В.В. Богра-хан//Избранные труды по истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 1996.

Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период//Избр. труды по истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 1996.

Беляев В.А., Сидорович С.В. Об одной находке верительной бирки династии Тан с городища Ак-Бешим//МИАК. – Вып. 3. – Бишкек, 2008. – С. 49–54.

Беляев В.А., Сидорович С.С. Обнаружение монет Западного Ляо и уточнение названия девиза правления императора Елюй Или//Общество и государство в Китае: XLII научная конференция / Ин-т востоковедения РАН (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. – Вып. 4). – М., 2012.

Бернштам А.Н. Тюркешские монеты//ТОВЭ. – Т. 2. – Л., 1940.

Бернштам А.Н. Археологический очерк Северной Киргизии. – Фрунзе, 1941.

Бернштам А.Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня//СА, XI, 7. – М., 1949. – С. 337–384.

Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая//МИА. – № 26. – М.–Л., 1952.

Бернштам А.Н. Историко-культурное прошлое северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала//Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. – Т. 1. – Бишкек, 1997.

Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. – Т. 2. – Бишкек, 1998.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. 2. – М.-Л., 1950.

Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в.н.э. – М., 1989.

Боровкова Л.А. Царства «Западного Края». – М., 2001.

Бурнашева Р.З. Отрар, Отрарский оазис и Южный Казахстан: Нумизматическое исследование по денежному делу южно-казахстанских городов VII–XVIII вв. – Алма-Ата, 1989.

Ведутова Л.М., Куримото Ш. Парадигма раннесредневековой тюркской культуры: городище Ак-Бешим. – Бишкек, 2014. – 166 с.

Винник Д.Ф. К исторической топографии средневековых поселений Иссык-кульской котловины//Древняя и средневековая культура Киргизстана. – Фрунзе, 1967.

Винник Д.Ф. Четвертый сезон работы на Буранинском городище//АО в 1974 году. – М., 1975.

Винник Д.Ф. Города и поселения Тянь-Шаня и Семиречья в X–XII вв.//Из истории дореволюционного Киргизстана. – Фрунзе, 1985.

Волин С. Сведения арабских источников IX–XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах//ТИИАЭ АН Каз.ССР. – Т. 8. – Алма-Ата, 1960.

Высоцкий А.М. Христианский памятник на городище Ак-Бешим: Интерпретация, реконструкция, датировка//ТД конференции, посвященной 10-летию Южно-Таджикской археологической экспедиции. – М., 1983.

Высоцкий А.М. Христианский объект на городище Ак-Бешим//Бактрия и Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. – М., 1989.

География Киргизский ССР. – Фрунзе, 1978.

Герн В.К. Поездка в долину озера Иссык-Куль//Древности: Тр. МАО. – Т. 16. – М., 1900.

Горбунова Н.Г. Женские украшения кугайско-карабулакской культуры Ферганы//Древний и средневековый Кыргызстан. – Бишкек, 1996.

Горячева В.Д. Декор в архитектурных памятниках Киргизстана//Памятники Киргизстана. – Вып. 1. – Фрунзе, 1970. – С. 48–60.

Горячева В.Д. Дома древней столицы//По следам памятников истории и культуры Киргизстана. – Гл. III. – Фрунзе, 1982.

Горячева В.Д. Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии (Бурана, Узген, Сафид-Булан): Научно-популярный очерк. – Фрунзе, 1983. – 144 с., 56 рис.

Горячева В.Д. Город золотого верблюда (Краснореченское городище). – Фрунзе, 1988.

Горячева В.Д. Города и поселения Тянь-Шаня и Семиречья в X–XIII вв.//Средняя Азия, Сибирь и Дальний Восток в средние века. – Бишкек, 2007.

Горячева В.Д. Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане (середина VI – начало XIII вв.). – Бишкек, 2010.

Горячева В.Д., Береналиев О. Раскопки Краснореченского городища//АО в 1978 году. – М.: 1979.

Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Памятники христианства на территории Кыргызстана//Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. – Ташкент, 1995.

Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Памятники истории и культуры Таласской долины. – Бишкек, 1995.

Горячева В.Д., Перегудова С.Я. Буддийские памятники Киргизии//ВДИ. – 1996. – № 2.

Горячева В.Д., Торгоев А.И. Раскопки цитадели Краснореченского городища в 1999 г.//Ош и Фергана в исторической перспективе [Сер.: Ош–3000 и культурное наследие народов Кыргызстана/Под ред. В.М. Массона. – Вып. 3]. – Бишкек, 2000.

Денике Б.П. Искусство Средней Азии. – М., 1927.

Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. – М., 1939.

Заднепровский Ю.А. Наскальные изображения лошадей в урочище Айрымач-Тау (Фергана)//СЭ. – 1962. – № 5.

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы/МИА. – № 118. – М.-Л., 1962-а.

Заднепровский Ю.А. Ошское поселение к истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. – Бишкек, 1997.

Засыпкин Б.Н. Архитектурные памятники Ферганы//Искусство Средней Азии/РАНИОН. – М., 1930.

Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. – Душанбе, 1983.

Зяблин Л.П. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища. – Фрунзе, 1961.

Иванов П.П. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля//ТИИ АН Кирг.ССР. – Вып. 3. – Фрунзе, 1957.

История Киргизской ССР: в 5-и томах. – Т. 1. – Фрунзе, 1984.

Иманкулов Ж.Ж. Монументальная архитектура юга Кыргызстана. – Бишкек, 2005. – 227 с.

Камышев А.М. Монеты Китая из Кыргызстана//НЦА. – Вып. 4. – Ташкент, 1999.

Камышев А.М. Раннесредневековый монетный комплекс Семиречья. – Бишкек, 2002-а.

Камышев А.М. О находках монет У-шу в Кыргызстане//X ВНК. – М., 2002-б.
Камышев А.М. Некоторые аспекты раннесредневековой истории Семиречья//ДЦ. – № 1 (4). – Бишкек, 2004-а.

Камышев А.М. Нумизматические источники//Источниковедение Кыргызстана. – Бишкек, 2004-б.

Камышев А.М. Введение в нумизматику Кыргызстана: – Бишкек, 2008.

Камышев А.М. Новые археологические находки с городища Садыр-Курган// Известия НАН РК. – № 1(268). – Алматы, 2009.

Караев О.К. История Караханидского каганата (X – начало XIII вв.). – Фрунзе, 1983.

Караев О.К. Арабские источники//Источниковедение Кыргызстана. – Бишкек, 2004.

Кибиров А.К. О некоторых итогах обследования Сусамыра//ТИИ АН Кирг.ССР. – Вып. 1. – Фрунзе, 1955.

Кибиров А.К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане//ТКАЭЭ. – Т. 2. – М., 1959.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические надписи на Центральном Тянь-Шане//Суяб – Ак-Бешим. – СПб., 2002.

Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. – Фрунзе, 1959.

Кожемяко П.Н. Раскопки жилищ горожан X–XII вв. на Краснореченском городище//Древняя и раннесредневековая культура Кыргызстана. – Фрунзе, 1967. – С. 53–90; илл.

Кожемяко П.Н. Караван-сарай на р. Манакельды//ТФПИ. – Вып. 26 (Архитектура и строительство). – Фрунзе, 1968.

Кожемяко П.Н. Отчет о полевых археологических работах на Краснореченском городище в 1961 г.//Красная Речка и Бурана: Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции. – Фрунзе, 1989.

Кожемяко П.Н. Отчет о раскопочных работах на Краснореченском городище в 1962–1963 гг.//Красная Речка и Бурана: Материалы и исследования Киргизской археологической экспедиции. – Фрунзе, 1989-а.

Кольченко В.А. К вопросу о становлении поселений Центрального Тянь-Шаня// Ош и Фергана: археология, новое время, культурогенез, этногенез [Сер.: Ош–3000 и культурное наследие народов Кыргызстана / Под ред. В.М. Массона. – Вып. 4]. – Бишкек, 2000.

Кольченко В.А. Периодизация распространения христианства в Средней Азии по данным археологии//Буддизм и христианство в культурном наследии Центральной Азии. – Бишкек, 2003.

Кольченко В.А. Средневековые городища и пути Внутреннего Тянь-Шаня//ДЦ. – Вып. 2. – Бишкек, 2003-а.

Кольченко В.А. О местонахождениях краснореченских оссуариев//МИАК. – Вып. 3. – Бишкек, 2008. – С. 41–48.

Кочнев Б.Д. Нумизматические памятники, связанные с карахытайским завоеванием Средней Азии//IX ВНК. – СПб., 2001.

Кочнев Б.Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). – Ч. 1: Источниковедческое исследование. – М., 2006.

Кошеввар В.Г. Новые нумизматические свидетельства о торговых отношениях в Семиречье в VII–XII вв.//ДЦ. – № 2(5). – Бишкек, 2004.

Кошевар В.Г. О денежном обращении в Иссык-Кульской котловине в VII–IX вв.//ТИМК. – Вып. 4. – Бишкек–Лейпциг, 2005.

Кошевар В.Г. О денежном обращении в Чуйской долине в VIII–X вв.//МИАК. – Вып. 2. – Бишкек, 2007-а.

Кошевар В.Г. Новые находки китайских монет VII–XI вв. из Иссык-Кульской котловины//МИАК. – Вып. 2. – Бишкек, 2007-б.

Кошевар В.Г. К определению раннесредневековых портретных монет, найденных на городище Ак-Бешим (Чуйская долина)//Нумизматика (Медали. Фалеристика. Бонистика). – № 16. – М., 2008.

Кошевар В.Г. О хронологии правления Восточных Караханидов во второй половине XI в.//МИАК. – Вып. 4. – Бишкек, 2009.

Кошевар В.Г. Состав монетной массы в Чаткальской долине//ДЦ. – № 10. – Бишкек, 2010.

Кошевар В.Г. Новое о караханидском чекане Испиджаба//Нумизматика. – № 1(28). – М., 2011-а.

Кошевар В.Г. О находках джучидских монет в Чуйской долине//Нумизматика Золотой Орды. – Вып. 1. – Казань, 2011-б.

Кошевар В.Г., Абасбеков А.Т. Клад караханидских дирхамов 2-й пол. XI в. с городища Садыр-Курган//МИАК. – Вып. 4. – Бишкек, 2009.

Кызласов И.Л. Прочтение наскальных рунических надписей Кыргызстана//МИАК. – Вып. 1. – Бишкек, 2005. – С. 54-65

Кызласов Л.Р. О работе Чуйского отряда в 1953–1954 гг.//КСИЭ. – Вып. 26. – М.: 1956.

Кызласов Л.Р. Остатки замка VI–VII вв. на городище Ак-Бешим//СА. – 1958, № 3. *Кызласов Л.Р.* Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг.//ТКАЭ. – Т. 2. – М.: 1959.

Кызласов Л.Р. Городская цивилизация серединной и северной Азии. – М., 2006.

Кызласов Л.Р., Смирнова О.И., Щербак А.М. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) в 1953–1954 гг.//УЗИВ. – Т. 16. – М.-Л., 1958.

Лурье П.Б. Заметки о раннеисламском дорожнике в Китай//МИАК. – Вып. 1. – Бишкек, 2005.

Массон М.Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг.//Материалы Узкомстариса. – Вып. 5. – Ташкент, 1933.

Массон М.Е. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Киргизской ССР до 1947 г.//ТИЯЛИ Кир.ФАН СССР. – Вып. 2. – Фрунзе, 1948.

Массон М.Е. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Средней Азии по данным нумизматики//Тр. САГУ. – Вып. 23. – Ташкент, 1951.

Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении//Тр. САГУ. – Вып. LXXXI: Исторические науки. – Кн. 12. – Ташкент, 1956.

Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Гумбез Манаса. – М., 1950.

Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. – Т. 1. – Бишкек, 2002.

Материалы по истории туркмен и Туркменистана. – Т. 1. – М., 1939.

Мокрынин В.П. Торговые связи Кыргызстана (VI–X вв.)//Арабо-персидские источники о тюркских народах. – Фрунзе, 1973.

Москалев М.И. Раскопки городища Кошой-Коргон//Памятники Киргизстана. – Вып. 5. – Фрунзе, 1978. – С. 50–54.

Москалев М.И. Раскопки городища Кошой-Коргон//АО в 1981 году. – М., 1982. – С. 501–502.

Москалев М.И. Ат-Баш – столица тюркских владетелей внутреннего Тянь-Шаня//Манас университети. Коомдук илимдер журналы. – Бишкек, 2002. – С. 215–240.

Москалев М.И., Солтобаев О.А., Омурбеков Т.Н. Кошой-Коргон – древний город Атбаш. – Бишкек, 2007. 96 с.

Настич В.Н. Монетные находки с городища Красная речка (1978–1983 гг.)//Красная речка и Бурана. – Фрунзе, 1989.

Настич В.Н. Эпиграфические памятники арабского письма//Источниковедение Кыргызстана. – Бишкек, 2004.

Нусов В. Памятники архитектуры Киргизстана. – Фрунзе, 1963.

Нусов В. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. – Фрунзе, 1971.

Отчеты Археологической комиссии за 1882–1888 гг. – СПб. LXXIII–LXXIV.

Перегудова С.Я. Таш-Рабат. – Фрунзе, 1989.

Риттер К. Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный или китайский Туркестан. – СПб., 1869.

Северцев Н.А. Орографический очерк Памирской горной системы//Записки РГО. – Т. 12. – СПб., 1886.

Семёнов Г.Л. Замки Семиречья//Ош и Фергана в исторической перспективе [Сер.: Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. – Вып. 3]. – Бишкек, 2000.

Семенов Г.Л. Раскопки 1996–1998 гг.//Суяб – Ак-Бешим. – СПб., 2002.

Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. – М., 1981.

Сулайманова А.Т. Древнетюркские поминальные оградки сонкульской долины//МИАК. – Вып. 1. – Бишкек, 2005. – С. 11–19.

Сулайманова А.Т. Данные о поминальных оградках древних тюрков Кочкорской долины//МИАК. – Вып. 2. – Бишкек, 2007. – С. 35–41.

Супруненко Г.П. Китайские источники//Источниковедение Кыргызстана. – Бишкек: 2004.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек, 1996.– 256 с.

Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Рунические надписи Кочкорской долины//Известия НАН КР. – № 1–2. – Бишкек, 2001. С. 68–73.

Табалдиев К.Ш. Древние памятники Тянь-Шаня. – Бишкек, 2011. 318 с.

Табышалиев С.Т. Кыргызстан на Великом шелковом пути. Бишкек, 1992.

Торгоев А.И. Тянь-Шанская археологическая экспедиция: основные итоги работ 2007–2013 годов//Экспедиции. Археология в Эрмитаже. – СПб., 2014. – С. 311–330.

Торгоев А.И., Кольченко В.А. К стратиграфии и датировке нижних слоев Красно-реченского городища//Древние культуры Евразии: Материалы международной конференции, посвященной 100-летию А.Н. Бернштама. – СПб., 2010. – С. 301–310.

Торгоев А.И., Кий Е.А., Кольченко В.А. и др. Новый буддийский памятник в Чуйской долине (Северная Киргизия)//СГЭ, LXX. – СПб., 2012. – С. 191–200.

Торгоев А.И., Кольченко В.А., Кий Е.А. и др. Буддийский монастырь городища

Красная Речка (некоторые итоги работ 2010–2013 гг.)//Древние цивилизации Средней Азии. – М., 2014. – С. 126–130.

Труды IV археологического съезда в России. – Казань, 1884.

Урстанбеков Б.У., Чороев Т.К. Кыргыз тарыхы. Кыскача энциклопедиялык создук. – Фрунзе, 1990.

Федоров М.Н. Крепостная стена Кошой-Коргона//Вопросы истории материальной и духовной культуры Киргизстана. – Фрунзе, 1987.

Федоров М.Н. Археологическое изучение средневекового Атбаша//Актуальные вопросы этнографии и археологии Киргизии. – Фрунзе, 1989.

Хмельницкий С.Г. Опыт реконструкции буддийского храма городища Ак-Бешим//ТКАЭ. – Т. 2. – М., 1959.

Хмельницкий С. Между саманидами и монголами. – Ч. 2: Архитектура Средней Азии XI – начала XIII вв. – Берлин-Рига, 1997.

Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. – Новосибирск, 2009. – 292 с.

Чуйская долина: Труды Семиреченской археологической экспедиции/МИА. – № 14. Т. 2. – М.-Л., 1950.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. – М.-Л., 1966. – С. 137.

Ядринцев Н. Археологические изыскания и открытия д-ра Пояркова близ Токмака//ЗИАН. – Т. 52. – СПб., 1886.

Fedorov M. A Hoard of Khytai Copper-lead Alloy Silver-washed Dirhams from the Krasnaia Rechka Hillfort//The Numismatic Chronicle. – London, 2004.

Fedorov M. A Hoard of Khytai Copper-lead Alloy Silver-washed Dirhams from the Burana Hillfort//The Numismatic Chronicle, №166. – London, 2006-a.

Fedorov M. The Burana Hoard of Gold Dinars (566-605/1170–1209)//The Numismatic Chronicle, № 166. London, 2006-b.

Rhodes N. Tang dynasty coins made in Xinjiang//Studies in Silk Road Coins and Culture. Silk Road art and archaeology. Special volume 1997. – Kamakura, 1997.

Skaff J.K. Sasanian and Arab-Sasanian silver coins from Turfan: Their Relationship to International Trade and the Local Economy//Asia Major. Third Series. Turfan issue. – Institute of History and Philology of the Academia Sinica. – Taiwan. v.11, p.2, 1998.

Wang H. Money on Silk Road. The evidence from Eastern Central Asia to c. AD 800. – London, 2004-a.

Wang H. How much for a camel//The Silk Road: Trade, Travel, War and Faith. – London, 2004-b.

Yih T.D. Data on Coins Finds the Finnish Mannerheim Expedition (1906–1908) in Chinese Turkestan (Xinjiang)//Journal of the ONS, № 186. – Winter, 2006.

ZENO [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zeno.ru>

Сокращения

- ONS – Oriental Numismatic Society
АО – Археологические открытия
ВДИ – Вестник древней истории
ВНК – Всероссийская нумизматическая конференция
ГИМ – Государственный исторический музей
ДЦ – Диалог цивилизаций
ЗИАН – Записки Императорской Академии наук
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана
ИКОМОС – Международный совет по вопросам памятников и достопримечательных мест
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии
МАО – Московское археологическое общество
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАК – Материалы и исследования по археологии Кыргызстана
МИТТ – Материалы по истории туркмен и Туркменистана
НАН КР – Национальная академия наук Кыргызской Республики
НЦА – Нумизматика Центральной Азии
РАН – Российская академия наук
РАНИОН – Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РГО – Русское географическое общество
СА – Советская археология
САГУ – Среднеазиатский государственный университет
СЭ – Советская этнография
ТД – Тезисы докладов
ДЦ – Диалог цивилизации
ТИИ АН КиргССР – Труды Института истории Академии наук Кыргызской ССР
ТИИАЭ АН КазССР – Труды института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
ТИМК – Труды института мировой культуры (Бишкек – Лейпциг)
ТИЯЛИ КирФАН СССР – Труды Института языка, литературы и истории Кыргызского филиала АН СССР
ТКАЭЭ – Труды Кыргызской археолого-этнографической экспедиции
ТМАО – Труды Московского археологического общества
ТОВГЭ – Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
ТФПИ – Труды Фрунзенского политехнического института
УЗИВ – Ученые записки Института востоковедения
ЦХШ –Цянь Хань шу
ШЦ – Ши цзи
ЮНЕСКО – Организация Объединенных Наций по вопросам образования науки и культуры

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ В КЫРГЫЗСТАНЕ	9
ПАМЯТНИКИ ЮГО-ЗАПАДНОГО ПРИИССЫККУЛЬЯ	9
Городище Хан-Добе	10
Городище Барскоонское-2	13
Городище Тосор	13
Городище Каджи-Сай	13
Городище Сары-Булун.....	13
ПАМЯТНИКИ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ	15
Городище Ак-Бешим	16
Городище Бурана	27
Городище Красная Речка (илл. 23)	36
ПАМЯТНИКИ ТАЛАССКОЙ ДОЛИНЫ	48
Кенкольский могильник	48
Область Шельджи и её города	49
Городище Садыр-Курган	50
Городище Ак-Тобе Таласское	52
Надписи ущелья Кулан-Сай и Терек-Сай	52
Гумбез Манаса	55
ПАМЯТНИКИ ВНУТРЕННЕГО ТЯНЬ-ШАНЯ	57
Письменные источники о ВШП на Тянь-Шане	57
Памятники кочевников Тянь-Шаня	58
Петроглифы Тянь-Шаня	61
Рунические надписи	62
Городище Кочкорское	62
Городище Кошой-Коргон.....	63
Караван-сарай Таш-Рабат	68
Караван-сарай Манакельды	71
Городище Шырдакбек	72
ПАМЯТНИКИ ВШП НА ФЕРГАНСКОМ ОТВЕТВЛЕНИИ	74
Царство Давань	74
Узген	74
Айрымач-Тоо (Суроттуу-Таш)	79
Доарабский Ош	80
Ош IX–XII вв.	80
Сафид-Булан	84
Приложение	
Находки монет на территории Кыргызстана: от древности до средневековья В.Г. Кошевара	89
Примечания	104
Литература.....	107
Сокращения	114

Б.Э. Аманбаева, В.А. Кольченко, А.Т. Сулайманова

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
НА КЫРГЫЗСКОМ УЧАСТКЕ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ**

Технический редактор *С. Асаналиев*

Компьютерная верстка *Т. Сандыбаевой*

Подписано в печать 10. 2. 2015. Формат 60x84¹/₈. Объем 7,25 п. л.

Тираж 150. Цена договорная.

Отпечатано в типографии «Гүлчынар»
Бишкек, ул. Т. Фрунзе, 91/1